

В. Н. КОЗУЛИН

РОССИЯ И ЗАПАД

*Очерки истории
взаимодействия культур*

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В. Н. Козулин

РОССИЯ И ЗАПАД
Очерки истории взаимодействия культур

Монография

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2015

УДК 94(100)
ББК 63.3(0)-7
К 592

Рецензенты:

доктор исторических наук *В. А. Скубневский*,
доктор исторических наук *Ю. Г. Чернышов*

Козулин, В. Н.

К 592 Россия и Запад. Очерки истории взаимодействия культур
[Текст] : монография / В. Н. Козулин. — Барнаул: Изд-во
Алт. ун-та, 2014. — 150 с.

ISBN 978-5-7904-1930-0

Монография представляет собой результат многолетнего изучения автором проблемы взаимодействия культур России и стран Запада, красной нитью проходящей через всю отечественную философию истории. Отдельные очерки посвящены довольно разным, на первый взгляд, проблемам: от взаимных образов, стереотипов восприятия до проблем формирования национальной идентичности и межкультурных коммуникаций. Несмотря на это все они так или иначе связаны с вынесенной в заголовок темой взаимодействия двух огромных регионов мира, которые многие считают самостоятельными цивилизациями.

Издание ориентировано на историков, философов, культурологов, политологов и всех, кто интересуется проблемами взаимодействия культур России и Запада.

На обложке: картина французского художника Луи Эрсана (1777—1860) «Петр I и Людовик XV», изображающая Петра I с будущим королем Франции на руках (11 мая 1717 г.)

УДК 94(100)
ББК 63.3(0)-7

ISBN 978-5-7904-1930-0

© Козулин В. Н., 2015
© Оформление. Издательство
Алтайского государственного
университета, 2015

Предисловие

Очевидно, что заглавная тема этих очерков является предметом интереса философов, историков, филологов, политологов, культурологов и представителей других гуманитарных и социальных наук уже на протяжении нескольких веков. По крайней мере, с середины XIX века она является одной из ключевых тем философии истории.

Историография темы безгранична, поэтому мы не ставим здесь своей задачей ее анализировать. Как известно, проблема соотношения русской и западной культур впервые наиболее отчетливо была сформулирована в России в середине XIX столетия (в учениях так называемых славянофилов и западников). Названия эти весьма условны и применимы скорее к определенному периоду истории русской общественно-политической мысли. Более «универсальный» термин для обозначения славянофильского направления мысли — «почвенничество», а для «позднего» западничества существует альтернативный термин «либерализм»¹.

Кстати, и сама терминологическая дихотомия «Россия—Запад» восходит ко временам зарождения славянофильства и западничества в России. И вообще понятие «Запад» раньше всего утвердилось именно в России. На Западе этот термин использовался сравнительно редко: вместо этого чаще использовались такие «ценностные» названия, как, например, «свободный мир». Только с начала 90-х гг. прошлого века на самом Западе широко распространяется это понятие. Так, отечественный историк А. И. Уткин приводит статистику о том, что еще в 1988 г. в газете «The New York Times» слово «Запад» встречалось всего 46 раз, а уже в 1993 г. — 144 раза².

В XIX веке, в славянофильской среде, зародились и столь популярные до сих пор в нашей стране стереотипы восприятия Запада, в частности выражение «гнилой Запад». В 40-х годах XIX века это выражение особо активно продвигал в своих статьях в журнале «Москвитянин» известный литературный критик и историк С. П. Шевырев. Мысль о том, что Запад гнивает, Шевырев повторял так часто, что один из корреспондентов М. П. Погодина (редактора «Москвитянина») писал ему в 1844 г. «Сделай милость, уйми ты Шевырева, он помешан на гниющем Западе»³.

Таким образом, с тех самых времен и до сих пор одни противопоставляют Россию Западу, полагая, что вместе им не по пути, в то время как другие считали и продолжают считать, что пути у них, как, впрочем, и у всех народов, должны быть общие.

Не претендуя, как уже было отмечено, на историографический обзор проблемы, мы ограничимся упоминанием только нескольких недавно вышедших на русском языке основательных работ, продолжающих эту неисчерпаемую тему и оказавших влияние, в том числе, и на наш анализ. Во-первых, это трилогия известного историка и политического мыслителя А. Л. Янова «Россия и Европа»⁴, во-вторых — запланированное как четырехтомное фундаментальное сочинение российского журналиста, политического обозревателя агентства «РИА Новости» П. В. Романова «Россия и Запад на качелях истории», из которых пока вышли только два тома⁵ и наконец еще несколько интересных и характеризующимся таким же широким, всеохватным подходом к проблеме фундаментальных исследований⁶.

Настоящая монография состоит из двух частей (по семь очерков в каждой). Некоторые из этих очерков уже публиковались ранее в виде статей, но здесь представлены в более полном или в переработанном варианте⁷. Некоторые очерки ни разу не публиковались или были опубликованы только в сети Интернет.

В первую часть вошли очерки более широкой теоретической и историко-философской направленности, посвященные проблемам взаимодействия цивилизаций, национальной идентичности, идеологии. В них мы пытаемся сформулировать свое видение проблемы «цивилизаций», «цивилизационного выбора» России, ее места между Востоком и Западом. В этой главе также рассматривается влияние идеологии на географию (на примере представлений о восточной границе Европы) и историю (на примере постсоветских Украины и России), на восприятие Востока (на примере Китая) и даже на отношение к искусству в России. Завершить эту главу мы решили наиболее оптимистическим очерком, повествующим о том, чем может быть привлекательна Россия для иностранцев, и ставящим проблему все возрастающей роли фактора межкультурных коммуникаций в современном мире.

Вторая глава посвящена проблемам так называемой имагологии — истории формирования взаимных образов, стереотипов восприятия на-

родов России и Запада. При этом под «Западом», следуя традиции, заложенной нашими славянофилами, мы имеем в виду не столько географическое, сколько культурно-этическое понятие (каким оно, собственно, и вошло в современный лексикон) — то есть мир, характеризующийся определенными (в новое время преимущественно так называемыми либеральными) ценностями. В этих очерках рассматриваются особенности взаимовосприятия европейцев, американцев и русских в разные периоды истории. Особенно подробно рассматривается в одном из очерков момент зарождения «глобального противостояния» России и Запада — эпоха Крымской войны. Это время (накануне, во время и некоторое время после Крымской войны) вполне можно считать первой «холодной войной» в истории европейских наций. Завершает главу обобщающий очерк под названием «Когда имидж России был хорошим», в котором мы пытаемся ответить на вопрос, когда — а самое главное, почему — у России была наилучшая репутация на Западе и, таким образом, выснить, что же нужно делать для оптимизации современного имиджа России.

---

¹ Ср. Линицкий П. И. Славянофильство и либерализм (западничество). Опыт систематического обозрения. Репринтное воспроизведение издания 1882 г. М., 2012.

² Уткин А. И. Россия и Запад: история цивилизаций. М., 2000. С. 26.

³ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1894. Т. VIII. С. 259; ср.: Крылатые слова / Сост. Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина. 3-е изд. М., 1966. С. 155—157

⁴ Янов А. Л. Россия и Европа. 1462—1921. В 3-х книгах. М., 2008—2009.

⁵ Романов П. В. Россия и Запад на качелях истории. В 4-х томах. Т. I. От Рюрика до Александра I; т. II. От декабристов до большевиков. М., 2009—2010.

⁶ К истории идей на Западе: «Русская идея» / Под ред. В. Е. Багно и М. Э. Маликовой. СПб., 2010; Карацуба И. В., Кукурин И. В., Соколов Н. П. Выбирая свою историю. «Развилки» на пути России: от рюриковичей до олигархов. М., 2006; Малинова О. Ю. Россия и «Запад» в XX веке: трансформация дискурса о коллективной идентичности. М., 2009; Морозов В. Е. Россия и Другие: идентичность и границы политического сообщества. М., 2009; Подвойский Д. Г. Антиномия «Россия—Запад» и проблема социокультурной самобытности. М., 2005; Тренин Д. В. Интеграция и идентичность. Россия как «новый Запад». М., 2006; Черникова Т. В. Европизация России во второй половине XV—XVII веках. М., 2012.

⁷ Большинство очерков (1.1; 1.3—1.5; 1.7; 2.3—2.5 и 2.7) первоначально были опубликованы (как правило, в сокращенном виде) в серийном научном издании «Дневник АШПИ» (№№ 18—21; 25—27 и 29); очерк 2.1 был опубликован в научном

сборнике: Стереотипы и национальные системы ценностей в межкультурной коммуникации. Сборник статей. Выпуск I. СПб.—Ольштын, 2009.

Глава I. РОССИЯ МЕЖДУ ЗАПАДОМ И ВОСТОКОМ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ, НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ, ИДЕОЛОГИИ

1.1. Об основных подходах к пониманию «цивилизации»

Согласно реконструкции историка Люсьена Февра, слово «цивилизация» (образованное от латинского «civilis» — «городской», «гражданский», «государственный») впервые употребил французский философ-просветитель Поль Гольбах в 1766 г.¹ С тех пор оно прочно утвердилось во всех европейских языках. Первоначально это слово обозначало определенный этап развития человеческого общества, точнее, его высшую стадию, следующую после «дикости» и «варварства» (по классификации английского ученого Льюиса Моргана). Поэтому слово «цивилизация» употреблялось лишь в единственном числе.

С началом кризиса европоцентристской картины мира, примерно в середине XIX века, появляется его новая альтернативная трактовка, которую первым предложил французский историк Франсуа Гизо. Он утверждал, что кроме «цивилизации как прогресса человеческого общества в целом» существуют еще локальные (местные) цивилизации. Постепенно локально-исторический (или так называемый цивилизационный) подход к мировой истории становится все более популярным, вытесняя классический всемирно-исторический (формационный) подход.

Особенно очевидным это становится в XX веке, с появлением знаменитых локально-исторических теорий Освальда Шпенглера и Арнольда Тойнби. При этом если Шпенглер в начале XX века под цивилизацией понимал еще единую для всех выделяемых им «типов культур» стадию развития (правда, оцениваемую им негативно — как стадию кризиса и загнивания любой культуры), то Тойнби уже стал употреблять само слово «цивилизация» в локально-историческом смысле. Следует отметить, что такую же эволюцию пережило появившееся несколько раньше в европейских языках слово «культура», которое изначально также считалось универсальным понятием и подразумевало только единственное число. В результате эти два слова во французской и англосаксонской литературе теперь стали отождествляться², хотя в

немецкой они зачастую противопоставляются (с подачи О. Шпенглера и его предшественников — многих представителей немецкой классической философии).

После определенного триумфа цивилизационной теории, объяснимого кризисом европоцентризма и самой исторической науки в XX веке, во второй его половине возрождается универсальный подход. В это время появляется так называемый неоэволюционизм, выразившийся в теориях «модернизации» и «многолинейной эволюции».

Согласно этому подходу, все человеческие общности развиваются принципиально единым путем — от первоначальной фазы традиционного общества, через индустриальную, к современной (постиндустриальной). Но при этом разные культуры идут к этой конечной цели — современной цивилизации — разными темпами и различными путями. Кто-то — более прямыми и, соответственно, более быстро, кто-то — окольными, надолго застревая, спотыкаясь или даже возвращаясь назад в своем развитии. В этой связи в теории модернизации появились понятия о странах первого и второго «эшелона» модернизации, странах «догоняющей» модернизации.

Теорию модернизации можно считать, в известной мере, компромиссом между универсалистским и партикуляристским подходами. Поскольку история в данной трактовке, с одной стороны, предстает единым для всех народов прогрессивным процессом, а с другой стороны, учитывается специфика развития разных культур на пути к этому универсальному прогрессу. Иначе говоря, исторический процесс трактуется как универсальный в абсолютном смысле, но многовариантный в относительном.

Все же и эта теория является по своей сути европоцентристской или, точнее, западоцентристской. Ведь современное (постиндустриальное, информационное) общество базируется, прежде всего, на ценностях и достижениях западной цивилизации, и считается, что именно западные страны являются образцом модернизации, к которому остальные «подтягиваются» с большим или меньшим успехом. Причем успех модернизации у тех или иных народов, как правило, соизмеряется со степенью их «близости» (не столько географической, сколько культурной) с западной цивилизацией, наличием с ней «точек соприкосновения».

Говоря о возрождении универсализма в трактовке истории, нельзя не упомянуть фундаментальную работу современного американского историка Уильяма Мак-Нила³. Будучи учеником А. Тойнби, У. Мак-Нил со скепсисом отнесся к грандиозной историко-философской схеме своего учителя. В «Восхождении Запада» (первым изданием вышедшем еще в 1964 г.) делается упор не на изолированное развитие той или иной цивилизации, а на взаимодействие и взаимное влияние разных цивилизаций, что, по мнению Мак-Нила, и является движущей силой исторического процесса.

Несмотря на «западоцентристское», на первый взгляд, заглавие этой книги, в ней гораздо подробней описывается развитие «НЕ-западной» цивилизации и, что важно, подчеркивается та мысль, что Запад был лидером общечеловеческого прогресса далеко не всегда, а лишь начиная с XVI века. До этого же лидером выступали наоборот восточные страны, и «мир Запада («Дальнего Запада Евразии», как его неоднократно называет автор) уступал по уровню культурного и материального развития как цивилизации Среднего Востока, так и Китаю»⁴.

Из таких же посылов исходит современный английский историк-неомарксист Клайв Понтинг в своей работе «Всемирная история. Новый взгляд» (2000 г.)⁵. Автор предлагает раз навсегда отказаться от европоцентристского взгляда на историю и рассматривает Европу как периферию мировой цивилизации и культуры. Он предпочитает ставить в центр рассмотрения не Европу, а цивилизации Евразии, в первую очередь Юго-Западную Азию и Китай. К. Понтинг рассматривает процесс взаимовлияния и взаимопроникновения различных человеческих сообществ и доказывает, что Европа никогда не была единственной движущей силой всемирной истории.

Заметим, что на это переосмысление истории даже среди универсалистски настроенных историков — в смысле перехода от западоцентристской модели к «многополярной» — большое влияние оказало появление неомарксистской «мир-системной» теории американского ученого Иммануила Валлерстайна, которая, в свою очередь, возникла под влиянием французского историка Фернана Броделя.

Наконец, нельзя не упомянуть произведшей фурор в современной науке работы известного американского политолога Сэмюэла Хантингтона «Столкновение цивилизаций» (1993 г. — в виде статьи,

1996 г. — в виде монографии) ⁶. Эту работу многие восприняли как вызов утвердившейся в науке теории модернизации, одним из ведущих теоретиков которой долгое время был, между прочим, и сам С. Хантингтон ⁷.

События 11 сентября 2001 г., казалось бы, проиллюстрировавшие на деле заглавную идею труда С. Хантингтона, вызвали всплеск новых публикаций на тему переосмысления истории и места в ней так называемой западной цивилизации ⁸.

В заключение следует отметить, что в настоящее время традиционная уже в течение многих веков дихотомия «Запад—Восток», несомненно, утрачивает свой смысл. По крайней мере, это относится ко второй ее части — термину «Восток», который сейчас требует переосмысления. Ведь многое из того, что когда-то безусловно относилось к Востоку, теперь уже давно само стало частью Запада или «западной цивилизации» (Израиль, Япония, Южная Корея и т. д.). Поэтому, вероятно, было бы корректнее использовать вместо термина «Восток» какой-то альтернативный термин, например, «не-Запад» (который уже действительно все чаще встречается в современной литературе).

И наконец, еще один заключительный вывод, который напрашивается из анализа новейшей литературы, состоит в необходимости поиска новых, более корректных терминов для описания межцивилизационных контактов, чем уже активно использовавшиеся прежде понятия «диалог» или «столкновение». Отношения между народами и цивилизациями отнюдь не всегда принимают форму диалога или же прямого противостояния, столкновения и, соответственно, эти термины зачастую не подходят для описания контактов, а тем более для обобщения. Таким альтернативным термином нам представляется слово «взаимодействие», которое было вынесено, в частности, в заглавие настоящей монографии. «Взаимодействие» как раз может включать в себя разные варианты контактов и потому, мы полагаем, гораздо точнее описывает многообразие межцивилизационного общения.

1.2. Проблема восточной границы Европы: от «Малой» к «Большой Европе»

«Малая Европа»

Вопрос о границе между двумя частями света — Европой и Азией, является спорным и, по сути дела, неразрешимым уже на протяжении многих веков, по крайней мере с рубежа Средневековья и Нового времени и по сей день. Этот вопрос, безусловно, является, одним из наиболее ярких примеров того, как наука вообще, и география в частности, используются для нужд идеологии. По словам известного французского историка Жака Ле Гоффа, сейчас проблемой является только восточная граница Европы⁹. И эта проблема, как нетрудно догадаться, есть неотъемлемая часть стародавнего вопроса взаимоотношения европейской и русской культур (в широком смысле — Запада и России).

Идеологическая подоплека этой проблемы хорошо отражена в одном вопросе учительницы географии Г. А. Павленко (из Пермского края), поступившем несколько лет назад в редакцию журнала «Наука и жизнь». «Примерно с 2001 г. слышу..., — пишет Г. А. Павленко, — что Грузия, Азербайджан, Армения и Турция целиком лежат в Европе (?!). Недавно купила «Иллюстрированный атлас мира» издательства «Ридерз Дайджест» (2008 г.). Думала, правда атлас. А в нем на картах Россия вообще не находится в Европе, что не мешает Эльбрусу именоваться высочайшей вершиной Европы! ...Тогда как же быть с учебниками и что говорить детям?»¹⁰. К ответу на вопрос этой учительницы мы еще вернемся чуть ниже, а пока рассмотрим кратко предысторию вопроса и попробуем выделить основные подходы к данной теме. В завершение же попытаемся определить, на наш взгляд, исторически наиболее перспективный подход.

Как отмечал известный отечественный географ А. Б. Дитмар, представления ученых древности относительно рубежа между Европой и Азией «менялись в зависимости от широты географического кругозора и полноты сведений о природе Европы и Азии»¹¹. До VII в. до н. э. древние греки не делили ойкумену (известную обитаемую сушу) на части света. Хотя древние финикийцы, видимо, еще раньше различали «страну захода Солнца» (Эреб) и «страну восхода Солнца» (Асу), впоследствии давшие названия для Европы и Азии. Впервые на своей карте и в сочинении «Объезд земли» разделил ойкумену на две части

света, Европу и Азию, Гекатей. Границами между ними он считал реку Фазис (Риони) и Средиземное море (Нер., IV, 36, 45).

Позднее границей стали считать «Киммерийские перевозы» (Керченский пролив) и реку Танаис (Дон) (Polib., III, 38, 59; IV, 39; Strab., II, 4, 5). Страбон предложил делить всю сушу на три части света — Азию, Европу и Ливию, проводя между ними границы соответственно по рекам Танаису и Нилу (II, 5, 26; 5, 28; XI, 7, 4). Плиний Старший высказывал мнение, что границей Азии и Европы должен служить перешеек между Понтом и Каспием (Кавказ), Боспор Киммерийский (Керченский пролив) и Меотида (Азовское море). Наконец, Клавдий Птолемей окончательно утвердил границей реку Танаис (Дон), точнее, меридиан, проходящий через устье реки и разделяющий, согласно Птолемию, так называемую Европейскую и Азиатскую Сарматии. Такое представление о границе между Европой и Азией, благодаря огромному авторитету Птолемея, просуществовало до XVIII века¹².

На рубеже Средних веков и Нового времени, когда на карте мира появилось новое воспрывшее из-под золотоордынского ига Московское государство, эта граница оказалась как нельзя более кстати в качестве обоснования отделения этого государства от остального «христианского мира» (термин, которым в Средние века обозначали Европу¹³). Так, польский ученый XVI века Матвей Меховский в своем трактате «О двух Сарматиях» (1517 г.) подчеркивал традиционное Птолемеёво разграничение между Сарматией Европейской и Азиатской (иначе называемой Скифией¹⁴), с границей по Дону, в результате чего Польша и Литва оказывались в Европе, а Московия — вне ее¹⁵. Это представление надолго укоренилось потом в польской общественной мысли, где варварская азиатская Московия стала противопоставляться цивилизованной европейской Польше. И здесь, пожалуй, впервые проявляется идеологический фактор в определении восточной границы Европы, если не считать встречавшегося еще у греков противопоставления эллинов и варваров (к которым, правда, относились отнюдь не только азиатские народы).

Любопытно, что в некоторой современной польской литературе представление о России как целиком о неевропейской стране существует до сих пор. Например, современный польский исследователь В. Вильчинский обвиняет в идеологическом уклоне российских и советских

географов, которые искусственно притянули Россию к Европе, чтобы избежать того «определенного комплекса и зависти», с которыми Россия «смотрит на Европу уже со времен Петра Великого»¹⁶. По словам В. Вильчинского, «проблема эта была решена именно при помощи физической географии, которую в России признали ведущей географической дисциплиной, аналогично тому, как рабочему классу приписали руководящую роль». Действительно, согласно исследованию советского геолога П. С. Воронова¹⁷, около пятнадцати миллионов лет тому назад (в геологическом отношении совсем недавно) современные равнины Западной Сибири и Турана являлись дном мелкого моря. Таким образом, Средиземное море было, вероятно, соединено с Северным ледовитым океаном, а Европа и Азия являлись отдельными континентами, «случайно соединившихся геологически недавно»¹⁸. Побережьем этого моря, отделявшего Европу от Азии, были как раз Уральские горы.

Немаловажно заметить, что Урал в качестве наиболее подходящей восточной границы Европы ученые начали обозначать еще в XVIII веке, задолго до этого геологического открытия. Принято считать, что идея о проведении границы между Европой и Азией по водоразделу Уральских гор впервые была обоснована шведским ученым Ф. И. Страленбергом в 1730 г. Но судя по опубликованным только в XX веке сочинениям русского ученого В. Н. Татищева, именно он предложил эту идею Страленбергу при встрече с ним еще в 1725 г.¹⁹ Татищев же, по-видимому, был первым, кто ввел в науку название «Уральские горы», пришедшее на смену античного названия «Рифейские» и древнерусского «Великий (или Земляной) Пояс»²⁰.

Вообще, к этому времени в науке, преодолевавшей косность и узость средневековой картины мира и стремительно пополнявшей географические познания, наметилась тенденция к «сдвиганию» границы Европы все дальше на восток. Так, еще в XVII веке немецкий ученый и путешественник Адам Олеарий проводил границу «крайних частей Европы» по реке Оби²¹. Эту же сибирскую реку обозначали границей Европы и Азии французский географ Гильом Делиль, немецкий историк и географ, живший и работавший в России, Иоганн (Иван) Тауберт и (в качестве одного из двух вариантов границы) Иоганн Гюбнер (Гибнер), автор учебника географии (XVIII в.)²².

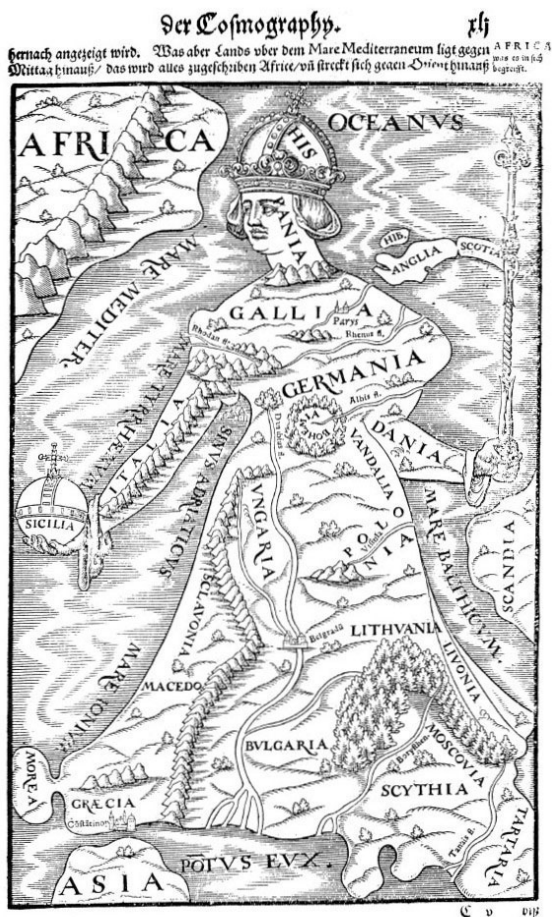
Возвращаясь к современному польскому историку В. Вильчинскому, нельзя не подивиться его эмоциональному возмущению тем фактом,

что Россию, по крайней мере, ее часть, несправедливо причислили к Европе. По его словам, хотя и «моря эти [разделявшие в древности Евразию на два континента] были мелкие и существовали недолго, но российским географам они послужили достаточным предлогом для того, чтобы отделить западную Россию от остальной ее части и назвать „европейской“. Краткий и малозначительный эпизод в геологической истории Евразии стал, таким образом, предлогом для того, чтобы выкроить из этого континента часть, называемую Европой... В публикациях на тему региональной географии Европы легче найти информацию о Казанском ханстве или Волжской Булгарии, чем о региональной структуре Англии, Португалии или Бельгии, не говоря уж о кашубах или австрийском Форальберге. И все это только для того, чтобы наши братья русские могли называться европейцами»²³.

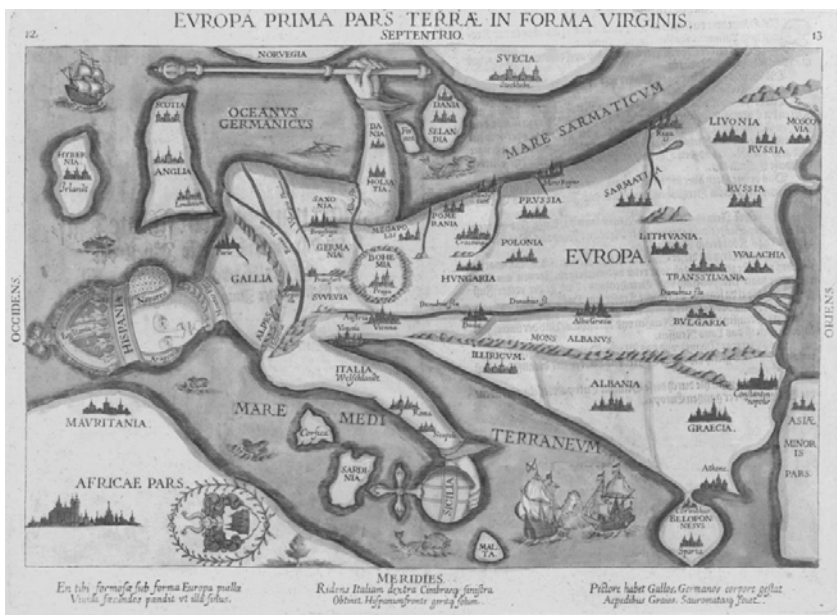
Такая тенденция исключения России из Европы характерна не только для современной польской литературы, но отчасти и для европейской в целом и, в том числе, для российской²⁴. И это, как нам представляется, есть первый наиболее консервативный и наиболее узкий взгляд на восточную границу Европы, хотя и с точки зрения культурологической, возможно, имеющий право на существование. Ведь культурные различия между Европой и Россией действительно очень сильны и вполне достаточны для того, чтобы проложить между ними жесткую умозрительную границу. Интересно, что в конце XVIII в. (после присоединения части Польши к России) уже и Польша перестает казаться Европой, восточная граница которой как бы сдвигается еще ближе на запад. Во всяком случае, французский посол в России тех времен граф де Сегюр писал, проезжая через Польшу: «Кажется, что здесь совершенно покидаешь Европу. Все выглядит так, как будто ты отброшен на десять столетий назад»²⁵.

Проблема России, безусловно, главный камень преткновения при очерчивании восточной границы Европы. Одни авторы, как уже говорилось выше, полностью отказывают России в праве считаться частью Европы, причем не только в культурном, но даже и в географическом отношении. Как отмечал, например, швейцарский географ Рейнольд, «Россия — это географический антитезис Европы»²⁶. Другие полагают, что в определенной степени и в определенные периоды Россия все-таки принадлежала Европе²⁷. Существует даже точка зрения о «приливо-отливной Европе», границы которой то накатывают приливом, то

отходят ²⁸. При этом следует заметить, что на европейских картах еще раннего Нового времени Московское государство (предшественник современной России), обычно включалось, хотя и с краю, в число европейских ²⁹ (см. иллюстрации ниже). Да и сама Московская Россия причисляла себя к Европе. Это очевидно хотя бы из истории дипломатических сношений. Великие князья и потом цари называли себя в переписке братьями европейских государей и постоянно подчеркивали (через своих послов) христианское единство и «любовь между собой» европейских государей.

«Королева Европа». Иллюстрация из «Космографии» Себастьяна Мюнстера (издание 1588 г.)
 Источник: URL: <http://www.swacn.com/oa/Leimg/80226.jpg>

Европа, первая часть Земли, в форме девы. Миниатюра из «Путеводителя по Священному Писанию» Генриха Бюнтинга, 1518 г.
 Источник: URL: <http://www.map-lair.com/pub/Laigme/24786.jpg>

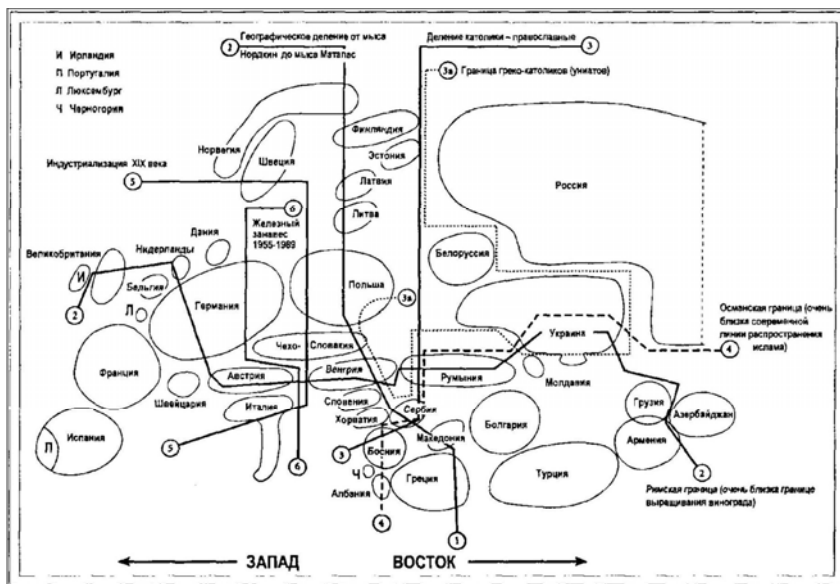
Тенденция зауживать восточные границы Европы привела к тому, что даже многие западно-христианские по своим корням страны стали игнорироваться в комплексных трудах по истории Европы, под которой стала подразумеваться только история Западной Европы. Особенно это стало характерным в эпоху «холодной войны» и «железного занавеса», когда Европа была разделена на преуспевающий капиталистический Запад и просоветский социалистический Восток, но такое отношение по инерции продолжалось и в 90-е годы, после распада коммунистического блока³⁰, хотя на сегодняшний день нельзя признать эту точку зрения преобладающей.

Таким образом, при этом консервативном подходе к европейским границам перед нами предстает, условно говоря, так называемая Малая Европа — Европа без России, а в некоторых трактовках и без Восточной Европы.

«Большая Европа»

Против узкой тенденции в трактовке восточной границы Европы (рассмотренной в предыдущей части) резко выступили некоторые европейские ученые, утверждавшие, что именно страны Восточной Европы, расположенные между ЕС и бывшим Советским Союзом, всегда являлись самым что ни на есть «сердцем Европы» и «нигде в мире так не верят в реальность и важность европейской культурной общности», как в этих странах»³¹.

Что касается территории России, то и ее, разумеется, такие исследователи включают в состав Европы. Вообще, вместо устаревшего консервативного деления на Европу и не-Европу в современной науке чаще всего предлагается более логичное (с точки зрения устоявшейся географической традиции) и справедливое деление стран от Атлантики до Урала на Западную и Восточную Европу, каждая из которых имеет свою специфику, и граница между которыми варьировалась с течением веков. Основные критерии и эволюция этой линии деления Европы на Запад и Восток хорошо проиллюстрированы на карте-схеме, приведенной в фундаментальном труде по истории Европы современного британского историка Нормана Дэвиса.

Восток — Запад: линия деления Европы. Источник: Дэвис Н. История Европы. М., 2004. С. 14

Однако при таком подходе к границам Европы (на сегодняшний день в науке, пожалуй, наиболее распространенном) возникает другая определенная проблема. Если Россию относить к Восточной Европе, то как же быть с Польшей и другими восточноевропейскими странами, которые, в силу своей принадлежности к западно-христианской культуре, сильно отличаются от России, да и географически они все-таки значительно западнее? В целях устранения этой проблемы применительно ко всем восточноевропейским странам (кроме России) уже довольно давно, в период между Первой и Второй мировыми войнами был придуман термин «Центрально-Восточная Европа», который сейчас активно разрабатывается многими европейскими историками ³².

Иная точка зрения на восточную границу Европы состоит в том, что она таковой не имеет. В начале этого очерка уже говорилось о том, что в XVII—XVIII вв. возникла тенденция сдвигания границы Европы все дальше на восток, вплоть до Оби. Эта тенденция была доведена до логического конца известным немецким ученым Александром фон Гумбольдтом, который во время своего путешествия по России выразил мысль, что границы Европы и Азии, тем более по Уралу, не существует, а существует единый большой материк — Евразия ³³. Эту точку зрения разделяют и некоторые современные географы ³⁴. Но, самое важное, что не только географы все больше придерживаются максимально широкой трактовки понятия Европы. Идея «Большой Европы», Европы без границ уже давно является идеалом и мечтой многих мыслителей, деятелей культуры, ученых и даже передовых политиков. Действительно, в широком смысле европейская культура, благодаря русской колонизации Сибири и дальнего Востока распространилась на эту территорию, и у мира появился шанс на создание единого европейского пространства от Лиссабона до Владивостока, на котором каждый европеец смог бы чувствовать себя везде как дома. И хотя условием этого является преодоление извечных противоречий России и Запада, в настоящий момент кажущееся скорее фантазией, все же это сближение вполне вероятно в более или менее отдаленной перспективе. Неслучайно, несмотря на все обостряющиеся противоречия между Россией и Европой на уровне политики и идеологии, тем не менее, самые разные люди по-прежнему активно высказываются в пользу этой великой идеи — от польского режиссера Кшиштофа Занусси до российского президента Владимира Путина ³⁵.

Справедливости ради, следует сказать, что эта идея «Большой Европы» была впервые выдвинута еще во времена «холодной войны». Лозунг «общего европейского дома» провозглашал, например, в 1981 г. во время своего визита в Бонн советский лидер Л. И. Брежнев. По утверждению авторов недавно вышедшей коллективной монографии на эту тему, идея Большой Европы была целью советской внешней политики на протяжении всего послевоенного периода — «идеальной целью, блеск которой зачастую вел к самообману»³⁶. После окончания «холодной войны», когда, казалось бы, возник реальный шанс на преодоление восточно-западного раскола и созидание Большой Европы, на деле возникла странная ситуация, когда, с одной стороны, «декларировалось, что Большая Европа с участием России будет строиться, но с другой, не было предусмотрено ни одного эффективного инструмента для реализации этого обязательства Запада»³⁷.

Вместе с тем, на наш взгляд, именно за этой идеей — объединения и расширения «Европы», а не разъединения и создания новых «железных занавесов», лежит будущее. И здесь пришло время процитировать вполне согласующийся с этой точкой зрения ответ отечественного географа профессора А. П. Горкина, в 1994—2001 гг. возглавлявшего издательство «Большая Российская энциклопедия» и знающего проблему в разных ее аспектах, на вопрос читательницы журнала «Наука и жизнь», приведенный в начале очерка.

Отвечая на этот вопрос, А. П. Горкин привел интересный случай, к которому имел личное отношение, когда работал заведующим редакцией географии издательства «Советская энциклопедия»: «Звонок из МИД (80-е годы): „У нас переговоры со странами НАТО о зоне, где нельзя размещать ракеты определенного типа — как СССР, так и странами НАТО. Они предлагают этой зоной считать всю Европу. Можете ли дать точную справку, где кончается (или начинается) Европа на востоке?“ Ю. К. Ефремов (известный советский географ, автор множества статей в энциклопедиях, в том числе статьи «Азия» в Британской энциклопедии) и я дали справку (под которой, по словам ученого, он готов подписаться и сейчас — В. К.), что общепризнанной (или установленной законом) восточной границы Европы нет. Есть несколько вариантов, предлагаемых учеными (не только советскими, но и западными), а также административными органами: по главному водоразделу Урала (или по восточным склонам Урала), по Кумо-Маньчской впадине (или

по водоразделу Большого Кавказа), по реке Урал (или по реке Эмба). Кроме того, советские административные органы (Госплан, ЦСУ) к Европе относят Грузию, Азербайджан, Армению. Мы также отметили, что в течение веков географы мира «сдвигали» так называемые «границы» Европы к востоку»³⁸.

Главный тезис ответа состоит в том, что Европа — это «историко-географическое, культурно-цивилизационное понятие, не имеющее на карте четких сухопутных границ»³⁹. А культурно-цивилизационное понятие характеризуется прежде всего определенной системой ценностей. Так что европейское пространство — это, по сути, пространство универсальных общечеловеческих ценностей, выработанных в недрах европейской культуры и конечно, было бы замечательно, если бы эти гуманистические ценности смогли распространиться как можно шире.

Таким образом, мы выделили, как минимум, три тенденции в определении восточной границы Европы — узкую (до границ России, а в некоторые времена и еще уже), широкую (включая Россию, до Урала) и максимально расширительную тенденцию, которую условно можно назвать идеей Большой Европы или Европы без границ. В многовековом вопросе определения восточной границы Европы переплелись между собой география, идеология и культура. С точки зрения географии, эта граница либо вообще отрицается, либо проводится по восточным склонам Урала (далее на юг — это уже более спорный вопрос)⁴⁰. В интересах политики и идеологии, как правило, эта граница существенно зауживается. Ну, а культура, которая вообще не любит границ, способствует как раз максимально расширительному толкованию границ Европы, вплоть до их полного преодоления.

Именно последняя тенденция с исторической точки зрения нам представляется наиболее перспективной. Здесь уместно согласиться с мыслью Ж. Ле Гоффа, высказанной им в уже цитированном выше интервью: «С ростом глобализации люди начинают чувствовать потребность жить внутри различных концентрированных кругов. Первый круг — локальный, что соответствует самой природе человека, затем — национальный, который должен сохраняться и в будущем. Далее — европейский круг. Но на этом мы не должны останавливаться. Есть, наконец, универсальный круг: мы все, то есть все человечество»⁴¹.

1.3. Культурная идентичность России: новый взгляд на западничество и почвенничество

Споры о культурной идентификации России, широко известные под именем «западничества и славянофильства» делятся уже не один век. В общественной мысли современной России этот вопрос вновь обострился в связи с крушением «советской цивилизации» и последовавшим вслед за этим всплеском национального сознания у народов бывшего Союза. Да и вообще, во всем мире, по словам отечественного философа-эмигранта Б. Гройса, сейчас наблюдается «взрывоподобный» рост числа культурных идентичностей, каждая отдельная из которых становится «все оригинальнее, все глубже укорененной в истории, все богаче и значительнее». По остроумному замечанию философа, такой бум идентичностей напоминает средние века в Европе, «когда каждый князек мог возводить свою генеалогию до Цезаря и дальше до самого Адама». Этот всплеск этнического самосознания происходит вопреки, а может быть, отчасти как реакция на другую прямо противоположную тенденцию глобализации. Наиболее очевидными его причинами явились именно распад мощных федераций-империй (Советского Союза) и других федеративных образований XX века (Югославии, Чехословакии).

Новая культурная идентификация отдельных народов, вышедших из-под опеки «суперэтносов» или наднациональной идеологии, предполагает новый взгляд на собственную историю, иную расстановку в ней акцентов. То, что некогда оценивалось положительно, теперь зачастую порицается в соответствующих национальных идеологиях (самый яркий пример — присоединение Украины к России), а то, что замалчивалось или осуждалось, наоборот, становится положительным фактом (например, так называемая бандеровщина на той же Украине). Но если Украина, хотя и не без труда и не без погрешностей против истины в истолковании собственной истории в последнее время «активно обретает» свою новую этническую идентичность, ориентированную на Европу, на то, что Украина — изначально европейское государство, то Россию на этом пути подстерегают гораздо большие тернии. И Россия спотыкается здесь не об одну только «вечную дилемму» западничества и славянофильства.

Сперва мы рассмотрим несколько мнений представителей современной общественной мысли о перспективах формирования новой русской культурной идентичности, потом обратимся к историческим иссле-

дованиям и, наконец, попытаемся суммировать мнения и высказать собственный взгляд на эти перспективы, а также на некоторые причины противоречивого характера русской идентичности в разные периоды ее существования.

Первое мнение принадлежит уже цитированному Б. Гройсу⁴². Он утверждает, что у современного русского просто нет идентичности. Объясняется это тем, что прошлое сегодняшнего постсоветского русского было антинациональным, и его культурная идентичность была и остается еще с советских времен «неидентичностью», «наследием универсалистской мечты — мечты взорвать все частные идентичности, трансцендировать их и даже уничтожить». Не имея, таким образом, своей естественной, национальной идентичности, современный русский, по словам Б. Гройса, очень стыдится этого факта, так как «нынче не принято не иметь культурной идентичности» и «пытается придумать таковую или хотя бы смастерить ее из имеющегося исторического материала».

В качестве продукта выходит сегодняшний русский национализм — искусственная калька европейского национализма, очередная импортированная с Запада утопия, призванная сменить «старую универсалистскую и также импортированную с Запада утопию коммунизма». И хотя эту новую калькированную с Запада идею национализма Б. Гройс признает неестественной для России, для которой всегда была характерной наднациональная идея — в имперском или интернационально-коммунистическом варианте, — все же он вполне оптимистично смотрит на перспективы формирования русской идентичности именно в духе русского национализма. В настоящее время в общественном сознании, по мнению Б. Гройса, происходит «этническая чистка» русской истории. Существенный вклад нерусских в историю Русского государства теоретиками нового русского национализма забывается и вытесняется. Причем это встречает «радость» у соседей России, которые «на пути в Европу» тоже мечтают о том, чтобы забыть и вытеснить свое участие в русской имперской и советской истории. В заключении автор статьи делает оптимистический вывод о том, что, вероятно, не позднее чем через десять-пятнадцать лет ни один русский уже не будет чувствовать неловкости, когда его на Западе будут спрашивать о его культурной идентичности».

Другое мнение, которое мы хотим привести, является более традиционным для русской общественной мысли. Это мнение современного

русского философа В. К. Кантора, высказанное им в статье «Русский европеец как задача России» в самом первом номере журнала «Вестник Европы» после его очередного «возобновления»⁴³. В. К. Кантор понимает «европейскость» как некий культурно-этический идеал, к которому стремятся все европейские и не только европейские, а вообще цивилизованные народы. Европеизация это для него своего рода модернизация под эгидой почти мистического европейского гуманизма и либерализма. В своем понимании «европейскости» Кантор отталкивается от тезиса известного философа В. С. Соловьева, который тоже утверждал, что европеец есть понятие не географическое, культурно-этическое, «с определенным содержанием и с расширяющимся объемом». По словам В. С. Соловьева, «сначала были только греческие, потом римские европейцы, затем явились всякие другие, сначала на западе, потом и на востоке, явились русские европейцы, там за океаном — европейцы американские, теперь должны появиться турецкие, персидские, индийские, японские, даже, может быть, китайские». Русская идентичность, по мнению В. К. Кантора, это уже давно, то есть исторически европейская идентичность, ведь не случайно мы «во всем равняемся с Европой, в отличие от Китая, Персии, Индии и т. д.»

В. К. Кантор разделяет понятия «русский западник» и «русский европеец». Русские «западники», такие как, например, А. И. Герцен, Н. П. Огарев, М. А. Бакунин, являлись западниками только в том смысле, что до определенной поры идеализировали Запад и особенно отдельные выработанные на Западе общественные учения. Но как только многие из этих «западников» оказались на этом самом Западе (как правило, в качестве политических эмигрантов), романтический ореол живо слетел в их глазах. Увидев, что жизнь Европы полна своих серьезных проблем и противоречий, многие «западники» в ней скоро разочаровались, многие даже объявили Запад загнивающим (но тогда они уже перестали быть западниками) и стали искать истоки будущего прогрессивного развития России либо в самой русской жизни (русская община, например), либо в перенесении на русскую почву наиболее прогрессивных общественных идей, выработанных на Западе.

В этом отношении «западники» были очень близки к славянофилам. Не случайно еще А. И. Герцен назвал их «двуликим Янусом с единым сердцем». Многие славянофилы (особенно отчетливо это выражено у А. С. Хомякова), как и западники, идеализировали и романтизировали

«старый Запад», т. е. старую, историческую Европу, «страну святых чудес», по словам А. С. Хомякова. Однако новая современная Европа им категорически не нравилась, и они мечтали, чтобы Россия сделала то, что не смогла сделать Европа, исполнила бы истинные высшие идеи Европы. То есть получалось, что Россия лучше, чем Европа, и Европе предстоит в дальнейшем равняться на Россию. В этих идеях нет ничего почвеннического, напротив, они лишают Россию всякой самобытности. Россия в таких концепциях является только правильным транслятором чужих инородных идей.

Венцом подобного рода концепций можно считать большевизм, особенно сталинского разлива, в котором как раз причудливо сочетались и западничество и почвенничество. С одной стороны, большевики искореняли национальное русское, внедряя западные институты и марксистские ценности, с другой стороны, они же объявили главным врагом Страны Советов разлагающийся капиталистический Запад. Россия в историософской концепции большевиков превратилась в тот маяк, на который должен ориентироваться Запад, в наиболее передовую часть именно западной цивилизации. Россия превосходила Европу в этой теории. Мы убедимся, насколько эта теория не нова.

Итак, западничество и почвенничество, по справедливому мнению В. К. Кантора, едины в том, что признают Россию иной, чем Запад, и тем самым вытесняют ее за пределы общеевропейской истории. «Русские европейцы» это, по мнению философа, совсем другое. Русские европейцы — это те, кто вовсе не отделяет Россию от Запада, смотрит на Запад не извне, со стороны, а изнутри, глазами европейца. Ведь Европа, действительно, далеко не совершенна и имеет много проблем и в истории и в современности, но особенностью истории народов Европы, в общем и целом, является динамизм и настойчивая воля к преодолению проблем и трудностей традиционного общества. На пути к модернизации общества многие географически чисто европейские страны и народы были в определенные периоды истории, точно также как Россия, вырваны из контекста прогрессивно-либеральной европейской истории, например, Германия и Италия в годы фашизма. При этом сторонников мнения, что Германия и Италия — неевропейские страны, гораздо меньше, чем сторонников «неевропейскости» России. Из анализа сущности «русского европейца» В. К. Кантора можно сделать вывод, что «русские европейцы» — большие почвенники, чем славянофилы. Очень

хорошо об этом сказал К. Д. Кавелин — именно настоящий русский европеец, а не «западник», как считает В. К. Кантор. По словам К. Д. Кавелина, «нам не следует, как делали до сих пор, брать из Европы готовые результаты ее мышления, а надо создать у себя такое же отношение к знанию, к науке, какое существует там». Одним словом, русскому нужно научиться мыслить «по-европейски», независимо, а не по-старому догматически.

Примечательно, что очень сходные мысли об истинном смысле русского «псевдопочвенничества» высказывал в том же журнале «Вестник Европы», только еще сто лет тому назад, известный русский публицист того времени Г. А. Евреинов, в статье «Самобытность или отсталость?..»⁴⁴. Г. А. Евреинов отмечал, что истинное славянофильство или точнее русофильство необходимо отделять от элементарного ретроградства, под которым оно часто маскируется. А ретроградство это, как известно, стремление вернуть старые порядки. В свое время под славянофильством маскировался, по словам Евреинова, «атавизм крепостничества», а в наше время, — могли бы мы добавить к его словам, — под «псевдопочвенничеством» зачастую маскируется ретроградная идеология отечественных коммунистов и иже с ними.

Особенно ценными у Евреинова нам представляются мысли об истинном патриотизме, связанные у него с концепцией формирования новой именно европейской русской идентичности (одно другому здесь не противоречит). Г. А. Евреинов говорит, что «настоящий патриот не должен закрывать глаз на недостатки и несовершенства своего отечества, он ими болеет, он негодует, страстно желает их изменения», тогда как «крайний националист старается их не видеть...». Чтобы обеспечить России благополучное развитие, нужно, по мнению Евреинова, уметь находить в истории такие опорные пункты, которые годились бы для прогрессивного развития, а не те, которые бы наоборот его тормозили, нужно уметь «тщательно отцедить русские национальные начала от татарской дикости и византийского мертвящего догматизма». А эти русские национальные начала, очищенные от позднейших наслоений, по мнению автора, не имеют никаких существенных различий с общеевропейскими началами.

Конечно, многие из этих «начал» в позднейшие времена были либо подавлены в русской истории, либо исчезли, либо не развились. На этот случай необходимо выработать новые начала, новые национальные

традиции, которыми «будут гордиться и дорожить наши потомки как своим национальным достоянием». Следует заметить, что эта статья Г. А. Евреинова вышла в свет незадолго до русской революции 1905 г., когда в России была учреждена Государственная Дума, появились политические партии — то есть те самые новые национальные традиции, которыми действительно, гордится и дорожит значительная часть мыслящего российского общества.

Интересно, что и некоторые зарубежные европейские историки, независимо от мнения отечественных авторов, приходили к сходным выводам о необходимости искать в русской истории основания для оптимизации исторического развития России в русле прогрессивного развития других европейских стран. Например, английский ученый Н. Дэвис в своей энциклопедической монографии «История Европы» рассматривает историю России в контексте истории Европы, но достаточно критически оценивает многие факты русской истории, как впрочем и истории других народов⁴⁵.

Особенно автор сокрушается по поводу издержек возвышения Москвы и объединения остальных русских земель именно под ее эгидой. Историк сопоставляет «идентичность» более демократичных «рутенгов» Древней Руси и позднейшей Литвы и Украины и русских Московии, привыкших к византийской автократии, и естественно, такое сопоставление не может быть в пользу автократизма. Н. Дэвис очень высоко оценивает и даже идеализирует жизнь Новгородской республики до ее завоевания Москвией, находя, видимо, именно в новгородском устройстве наиболее веские исторические основания для европейской мотивации пути развития России. В связи с этим, Н. Дэвис риторически и с очевидной досадой вопрошает: «Какой была бы Россия, если бы развивалась под руководством мирной новгородской республики?» Не случайно, по мнению Н. Дэвиса, именно Новгород был для русских того времени примерно тем же вражеским «Западом», каким спустя столетия стала Европа и Америка для жителей Советского Союза.

Как бы продолжая эту мысль Н. Дэвиса об исторической преемственности взглядов русских на Запад, немецкий ученый Г. Штёкль, старший современник Н. Дэвиса, полагал, что в русской истории изначально (еще со времен Древней Руси) боролись две тенденции — европейская и антиевропейская, шла борьба европейских и антиевропейских сил. По словам Г. Штёкля, Европа не должна отстраняться от России,

и нельзя, точно так же, как это делают русские антизападники, утверждать, что Россия — не Европа. Действительно, русские крайние националисты и западные русофобы всегда поразительным образом сходятся в этом тезисе — что Россия не Европа. Вред обоих этих взглядов для успешного развития России очевиден, следовательно, очевидна несправедливость и опасность этого тезиса. Г. Штёкль, будучи западногерманским историком, еще в 60-е гг. XX в., в годы существования совестско-западного противостояния занял столь редкую в те годы для зарубежной историографии позицию по отношению к истории России. Он отметил ответственность «Европы» перед Россией, необходимость «бороться» за Россию, отстаивать в ней «Европу». Ведь «европейские силы», по мнению Г. Штёкля, действовали в России, и там, где они действовали, «вероятно и была Европа, и там ей не избежать ответственности»⁴⁶.

Г. Штёкль обвиняет в отталкивании России от Европы Византию. Он говорит о существовании на Руси так называемой «византийской цензуры», которая искореняла всякие проявления свободной мысли, в частности, древнерусский языческий эпос и лояльные, или симпатизирующие католическому Западу мнения и факты. Это мнение Г. Штёкля об отрицательной, а не только о положительной, как чаще принято считать, роли византийского наследия в русской истории разделяет ответственный публицист М. М. Сокольский⁴⁷. Кроме того, Сокольский вообще даже позволил себе достаточно «крамольную» для нашей историографии мысль о том, что Александр Невский — это вовсе не герой, а «антигерой» русской истории, который из страха перед татарами и не без влияния византийского антизападничества «продал Русь Азии ради независимости от Западной Европы» и «совершил предательство русской культуры культуре татарской».

Византийское влияние, на наш взгляд, нельзя оценивать исключительно отрицательно, как например, М. М. Сокольский или Г. Штёкль. К этому вопросу необходимо подходить исторически. Дело в том, что в разные исторические периоды и в разных жизненных аспектах Византия играла различную роль по отношению к России. В начальный период — в эпоху крещения Руси и незадолго до и после него, Византия, безусловно, играла больше позитивную роль. В эту эпоху Византия была более развитым в культурном отношении государством, чем многие европейские страны, и Русь получила от нее очень высокую духовную

культуру и искусство. Вероятно, худшей роль Византии по отношению к Руси становится в эпоху окончательного резкого размежевания католицизма и православия в середине XI в. и после окончательного упрочения именно византийского православия на Руси (тоже где-то к середине XI в.).

Возможно, правы те, кто говорит о пагубной для русской культуры византийской цензуры. Но здесь тоже нужно сделать одну оговорку. В самой Византии всегда существовали две тенденции в отношении к Западу — «лояльная» (умеренная критика) и «радикальная» (радикальное неприятие). Просто так случилось, что русские высшие церковные иерархи, назначавшиеся из Византии, оказались в большинстве своем сторонниками последнего «радикального» антизападнического настроения. Поэтому не столько Византия виновата, сколько радикальные круги ее клерикальной мысли. Об этом писал историк русской церкви А. В. Карташов⁴⁸.

Однако если в период Древней Киевской Руси византийское влияние было, на наш взгляд, в большей степени положительным, то в отношении ее влияния на Московскую Русь оценки уже гораздо более неоднозначны. Прежде всего влияние Византии в этот период видят в появлении известной доктрины «Москва — Третий Рим», в которой утверждается, что Москва — продолжатель дела Римской и Византийской империи и последний в истории хранитель истинного христианства-православия. Безусловно, на определенных порах эта теория имела прогрессивный характер, она, по словам историка Д. Оболенского, сформировала «московский национализм», способствовавший укреплению Московского государства и собиранию русских земель. Московия не могла стать Византией, и универсалистские и экуменические ее идеалы, по слова того же историка, Московию не интересовали. Н. Дэвис к этому добавляет, что русские «лишь сохранили форму византинизма, но утратили его дух».

Вообще, знаменитая теория «Москва — Третий Рим», судя по исследованиям признанного специалиста в этом вопросе Н. В. Синецкой⁴⁹, в первоначальный период своего существования имела совсем не тот смысл, какой ей стали придавать последующие трактователи. Только спустя столетия эта «теория» стала знаменем русского национализма и «имперскости». А этот национализм и «имперскость», как становится понятным сейчас, являются врагами модернизации и европеизации на-

родов. Точно также идея германского рейха, этого наследства средневековой Священной Римской империи не просто тормозила «европеизацию» Германии, но и имела для немцев и для всего мира катастрофические последствия в XX в. Современные немцы отказались от этой «немецкой идеи» и нашли свою новую культурную идентичность в рамках единой Европы. А вот Россия еще никак не может преодолеть это средневековое наследство. Даже во многих современных националистических изданиях, публицистике русскую национальную идею по-прежнему связывают с Византией. Основные столпы «русской идеи», с этой точки зрения — византийское православие, византийская соборность, византийское самодержавие. Объясняли такую чужеродность, на первый взгляд, русской идеи многие националисты-славянофилы тем, что Русь до усвоения византийского православия была абсолютно девственной почвой и поэтому жадно впитала чужое, византийское, не имея ничего своего.

Но разве такая позиция патриотична, ведь русская культура и «русская идея» представляются всего лишь отростком, наследником Византии? Не есть ли это просто подмена Руси или России Византией? Неужели у нас не могло выработаться собственной национальной идеи, не копирующей византийскую? Неужели на Руси возможен не только экспорт государства (как было во времена призвания варягов), но и экспорт национальной идеи? При этом ведь тех, кто говорит об экспорте государства, у нас зачастую клеймят антипатриотами, а те, кто проповедует экспорт национальной идеи, почему-то наоборот слывят почвенниками и патриотами. Не странно ли это? Что остается делать в таком случае так называемым русским европейцам? Им остается все же (и это очень важно) поставить мнимым почвенникам на вид собственные чисто национальные особенности и иные тенденции политического и общественного развития, отличные от византийской автократии. Хотя бы тот же Новгород и Галич — эти очень демократичные типично европейские политические образования Руси.

Итак, если посмотреть с такой точки зрения на славянофильство, становится удивительным, почему оно именно так называется, а скажем не «византинофильство»? Ведь и вправду, многих русских славянофилов и националистов привлекал и привлекает в России вовсе не славянский элемент (хотя, справедливости ради, следует сказать, что в последнее время появляются у нас все чаще и такие националисты, в наи-

более узком и грубом смысле). Нет, для русского национализма характерны более высокие, неславянские идеалы. Его привлекает идея империи — особенно византийской; но были среди русских националистов в прошлые века русской истории и германофилы. При чем тут патриотизм, если идеал — чужая, ненациональная идея империи?

В наше время, когда единая национальная идея в России отсутствует (советская рухнула, а новая еще не возникла) особенно важно учесть эту опасность отождествления России с Византией, столь характерную для нашей философии истории. Византия, как бы приятно для русского уха ни звучало это слово, на современном этапе тянет нас назад, к идее империи. Эта идея возбуждает против России многие народы, особенно некогда зависимые от этой «второй Византии» или «третьего Рима». Нам представляется, что в современном мире эта идея для России совершенно бесперспективна. Какова же может быть тогда национальная идея России? На этот вопрос очень хорошо отвечает известный отечественный философ А. С. Кармин. По его словам, в современном мире «национальная идея» у всех государств должна быть одна: создавать условия для благополучной и счастливой жизни своих граждан», и никакую другую «национальную идею» нет необходимости придумывать. Эта точка зрения не нова: многие либеральные авторы (например, уже упоминавшийся Г. А. Евреинов) высказывали ее еще сто лет тому назад. С тех пор эта позиция была более чем основательно проверена временем.

*1.4. История и идеология в постсоветских Украине и России: проблемы становления новых национальных идентичностей **

Всплеск национализма на территории бывшего СССР в конце 80—90-х гг. прошлого века привел к закономерному соблазну переписать национальную историю народов Союза. В этом деле национальные элиты захлестнули эмоции, а попытки объективного исторического анализа были достаточно редкими⁵⁰. В начале 90-х гг. в национальных, в том числе правящих элитах возобладали резко негативный образ России и русских — как вечных агрессоров, великодержавных шовинистов. Это был образ, весьма близкий ленинскому негативному образу «истинно русского человека, великоросса-шовиниста, в сущности подлеца и насильника...»⁵¹. В. И. Ленин, правда, имел в виду под этим «истинно русским» типичного русского бюрократа.

Эта тенденция в полной мере затронула украинскую элиту и общественное мнение. В свою очередь, в России (может быть, как реакция на такой негатив по отношению к русским) также вместо объективного взгляда на собственную историю предпринимаются попытки возродить старые «имперские» стереотипы в отношении соседних народов — вплоть до отрицания, например, самого существования украинского народа и украинского языка⁵².

Одной из глубинных причин складывания подобных этнических стереотипов восприятия является принцип экономии мышления, характерный для обыденного сознания⁵³. В обыденном сознании критическое отношение к фактам слабо выражено. Обыденное (массовое) сознание оперирует образами. Всякий образ отличается от действительности тем, что при его создании выдвигается какая-то одна наиболее яркая характерная черта отображаемого предмета или явления. Действительность же, на самом деле, всегда неоднозначна и противоречива. По этой причине образ, во-первых, всегда имеет определенную эмоциональную и этическую окраску («хороший» — «плохой», «умный» — «дурак», «сильный» — «слабый»), во-вторых, одна и та же личность или факт могут порождать прямо противоположные образы, в зависимости от того, какая характерная черта явления выставляется на щит.

---

* Текст этого очерка был написан задолго до современных трагических событий на Украине, но, к сожалению, актуальность его стала теперь еще очевиднее.

Например, в общественном сознании до сих пор существуют два противоположных образа Сталина — отрицательный (сейчас, конечно, гораздо больше распространенный) и положительный (существующий сейчас только в наиболее радикальных коммунистических кругах). В последнем случае отбрасываются все негативные черты этой личности, на них словно закрываются глаза, а подчеркиваются исключительно положительные (или мнимо положительные) факты его правления (порядок и стабильность, победа в Великой Отечественной войне). При этом невозможно переубедить ни ту ни другую сторону, ведь мы имеем дело не с научным, а с обыденным сознанием, и с точки зрения этого сознания оба образа имеют одинаковое право на существование. Такова природа массового, в том числе исторического и этнического образа. Точно также, например, равноправны, с точки зрения обыденного сознания и известные негативные образы русских (или украинцев), и их же идеальные положительные образы, характерные большей частью для самооценки народов.

Одним из главных факторов создания устойчивых этнических образов во все времена является исторический фактор, т. е. история взаимоотношений народов, факты конфликтов и сотрудничества, которая усваивается еще в детском возрасте в процессе социализации и приобщения к историческому сознанию. Историческое сознание, очевидно, своеобразный феномен общественного сознания⁵⁴. При этом историческое сознание может формироваться двумя путями. Первый путь — условно говоря, «естественный» — через историческую память народа, передаваемую из поколения в поколение, чаще всего в виде исторических преданий и образов (своеобразной «матрицы истории»). Второй путь — «искусственный» — когда историческую память пытается «скорректировать» идеология. Так, в период господства коммунистической идеологии в социалистических странах история в школе излагалась иначе, чем в неофициальной народной традиции. Особенно ярко это проявилось, например, в польских учебниках по истории, где намеренно сглаживался крайне устойчивый в польской народной традиции негативный образ русских путем упоминания многих исторических фактов и выпячивания лишь редких фактов сотрудничества, солидарности польского и русского народов⁵⁵.

После падения коммунистических режимов преподавание истории, на первый взгляд, деидеологизируется, т. е. история, преподаваемая в

школе, больше не входит в противоречие с «национальной памятью». Но на этом пути деидеологизации общество подстерегает другая опасность — чрезмерное увлечение этой популярной народной «матрицей истории», которая идет вразрез с научным сознанием, потому что в народном сознании, как уже говорилось, отсутствует критическое мышление, а превалируют субъективные исторические и этнические образы. Это приводит к написанию националистических историй. В результате у молодого поколения формируются этнические образы, отнюдь не способствующие улучшению взаимопонимания и интеграции народов. В современном украинском школьном преподавании истории в постсоветские годы в качестве научной и идеологической базы приобрела популярность концепция известного украинского историка М. С. Грушевского, также не идущая на пользу украинско-российским отношениям (особенно в ее еще более националистическом истолковании отдельными украинскими историками ⁵⁶). Национализм — хорошее явление, когда он умерен, когда это главным образом патриотизм, т. е. любовь к своему народу. Когда же это явление превращается в «ненависть к другим народам», тогда оно становится опасным. В современном мире гораздо более продуктивен интернационализм и космополитизм, который вовсе не следует, как это делалось в советские годы, оценивать исключительно негативно и противопоставлять патриотизму. Космополитизм означает любовь ко всем народам, не исключаящую и чувства патриотизма.

Для преодоления негативных стереотипов восприятия украинцев и русских, на наш взгляд, необходимо освободить преподавание истории от власти идеологии, поставить во главу угла научный, а не идеологический принцип и формировать объективную картину истории. Поскольку, однако, в преподавании истории не обойтись без ярких исторических образов, необходимо, чтобы они представляли максимально объективными, не односторонними (с выпячиванием только лучших или худших черт). Настоящий очерк должен послужить небольшим вкладом в эту значимую проблему деидеологизации истории. Мы попытаемся взглянуть на общеизвестные факты истории Украины — Руси (как называл Украину вышеупомянутый М. С. Грушевский) глазами «стороннего» беспристрастного наблюдателя — ни русского и ни украинца.

Вряд ли подлежит сомнению тот факт, что период Киевской Руси является общим для истории всех трех восточнославянских народов —

украинцев, русских и белорусов. Разрыв народности (как метко выразился об этом известный историк В. О. Ключевский) произошел во времена татаро-монгольского завоевания. Тогда же, а именно с начала XIV столетия в географической традиции утверждается понятие «Малая Русь» (позднее под влиянием греческого языка ставшая «Малороссией»). Термин «Малая Русь» первоначально был чисто политическим, точнее даже «церковно-политическим». Так стали называть в византийских источниках новую, учрежденную в начале XIV в. на Руси Галицкую митрополию — «митрополию Малой Руси» в противоположность «митрополии Великой Руси» (которая некогда располагалась в Киеве, а потом была перенесена во Владимир Великий). Позднее Галицкие князья, получившие еще в XIII в. от папы титул королей, стали называть себя князьями Малой Руси (Юрий II).

Этот термин, по мнению исследователей, возник, во-первых, под влиянием аналогичной современной польской географической терминологии. В это время в польской традиции как раз появились понятия «Великая» и «Малая» Польша. Во-вторых, под влиянием естественной антитезы слову «Великая», которая в источниках стала ассоциироваться с северной (Владими́ро-Суздальской, позднее Московской) Русью, возможно потому, что там располагались города с эпитетами «Великий» — «Великий Новгород» (в отличие от малого «Новгородка» или «Новгородка (Новогрудка) Литовского»), «Владимир Великий» (в отличие от «Малого Владимира», по-украински «Володимира», Волынского) «Ростов Великий» (в отличие от малого «Ростовца» в Киевской области). Любопытно, что долгое время понятия «Великая Русь» и «Белая Русь» (топонимический прототип нынешней Беларуси или Белоруссии) отождествлялись. Термин «Белая Русь», вероятно, восточного происхождения, обозначал ни что иное, как «вольную» Русь в противоположность «Черной Руси», как иногда называли Литовскую Русь (т. е. «подчиненную», «несвободную») ⁵⁷.

Этнографическим понятие «Малая Русь» и, соответственно, «малороссы» стало только в XVII в. Это название применительно к своему народу употребляли казацкие гетманы С. Острица и Б. Хмельницкий. С 1654 г. стали употреблять термин «Малая Русь» в этнографическом смысле московские цари, присвоившие себе титул царей всея «Великия и Малья» (позднее и «Белья») России. Примечательно, что до тех пор название «Малая Русь» не было употребительным в московской

традиции. Дихотомия «Малая — Великая Русь» заимствуется в Москве у киевских ученых церковных кругов. Так что в названии «Малороссия», «малоросс» нет ничего обидного, унижительного для украинцев, оно возникло в самой же Украине. Название это приобрело несколько обидный, словно ущемляющий национальное достоинство украинцев характер в период господства российской «имперской» доктрины, когда название «малоросс» сделалось единственным санкционированным обозначением украинцев. Слово «Украина» стало широко употребляться тоже примерно с XVII в. большей частью в простом народе: тогда большая часть украинской территории находилась в составе Польско-литовского государства (Речи Посполитой) и поэтому «Украина» собственно обозначала окраинные земли Речи, а не России (Московской).

Точно также нет ничего унижительного в корне исторического слова «москаль», которым украинцы порой до сих пор называют русских. Обидным это слово становится в устах украинских националистов. Это слово — полонизм, заимствованный в период полонизации украинской культуры в составе Речи Посполитой. Известно, что в XVI—XVII вв., когда Москва становится крупным северным русским центром и постепенно «собирает» под своей властью обширные русские (и не только русские) территории, жителей этого государства почти все европейские источники называют москвитянами («московитами»). Это достаточно редкий в исторической традиции и заслуживающий самостоятельного исследования случай, когда название народа производится от имени возвысившегося города (такое явление встречалось до этого в основном в древней истории, например, в истории Рима).

В XVIII в., со времени Петра I, понятие «Московия» и «московиты» вытесняется словами «Россия» и «русские», как себя называли, справедливо считая в большой степени наследниками древней Руси, сами «московиты». Эта перемена, может быть, в значительной мере связана с иным, нежели старая Московская Русь («Московия»), идеалом нашей страны в мыслях Петра и, в частности, с тем конкретным фактом, что Москва с начала XVIII в. даже перестает быть царской резиденцией и отчасти столицей. Однако польская традиция оставалась наиболее консервативной по отношению к своему восточному соседу и по-прежнему ассоциировала новую Россию и русских (даже после Петра) с «московитами». В польском языке вплоть до XX в. даже русский язык назывался «московским» (*moskiewszczyzna*). Вероятно, это поль-

ское влияние передалось и украинскому народу, долгое время бывшему в составе Польского государства; тем более что украинцы и вовсе имели резон называть жителей Московского государства «москалями», ведь они сами еще сохраняли память о единой Руси и также справедливо претендовали на право называться «русскими», не желая разделять это право с москвитянами.

На самом деле, конечно, с исторической точки зрения, оба народа, как украинцы, так и нынешние русские, имеют полное право на этот «бренд», так как оба народа являются выходцами из единого некогда народа Киевской Руси. Осуждения заслуживает как новая «арийская» теория о «чистых» славянах-украинцах и «нечистых», смешанных с татарами и финоуграми «москалях», имеющая место в известных украинских националистических кругах⁵⁸, так и новая российская «имперская доктрина», отрицающая само существование украинской нации, популярная в соответствующих российских кругах. Опровержением последней теории, пожалуй, служит весь этот очерк, а в опровержение первой хочется сказать, что украинцы едва ли в большей степени, чем «великороссы» являются чистокровными русскими. Просто если у великороссов значителен финоугро-татарский этнический элемент, то у большинства украинцев столь же значителен тюркский элемент. Впрочем, оставим этот спор антропологам, потому что украинцы очень неоднородны. Чистокровных русских (т. е. древних русских Киевской Руси), наверное, в природе не осталось. Виной тому сама история этой части Европы, еще до времен татаро-монгольского нашествия, но особенно после него весьма богатая столкновениями разных этносов — славян, половцев, печенегов, других тюрков, татар, финоугров, поляков, литовцев, турок, венгров, евреев и многих других.

История Украины, наверно, больше всего уникальна тем, что эта территория в разные времена была подвержена разным национальным влияниям и на ней всегда сходилась множество различных народов, оставивших свой след в ее истории. История украинского народа, его тяга к свободе и самобытности, сам факт его формирования в непростых условиях зависимости от могущественных соседей может служить ярким примером интернационализма в истории, т. е., в данном случае, уживчивости с разными народами, которые порой были между собой врагами (поляками, русскими, турками). Очевидно, именно такая «ин-

тернациональная» концепция Украины наиболее адекватна и продуктивна в современном обществе.

В пользу этой концепции истории Украины говорят еще следующие факты. Украина как единое самостоятельное государство возникло только в конце XX в. До этого в течение нескольких веков ее нынешняя территория была раздроблена и находилась в составе разных государств, как правило, ущемлявших права украинского народа. Определенным ядром украинского народа стало казачество, с центром в Запорожской Сечи. Именно в казачьей среде раньше всего начало складываться национальное самосознание и проявилось стремление к независимости и созданию своего самоуправяемого государства, которое и существовало в период так называемой «гетманщины», расцвет которой приходится на XVII в. В XVIII в. (в составе Российской империи) гетманщина существовала уже скорее номинально. Но ярче всего воля украинского народа к независимости, пожалуй, проявилась в создании так называемой «Слободской Украины» (с центром в Харькове) на пустующих после монгольского нашествия юго-восточных «диких» землях. Туда стекались бежавшие от польского гнета украинские крестьяне и казаки. Слободская Украина пользовалась значительной внутренней автономией вплоть до 1765 г.

В XVII в. именно казаки играли решающую роль в истории Украины. В середине XVII в. один из казачьих лидеров, позднее — гетман левобережной Украины, Б. Хмельницкий поднял восстание против польского господства и за создание независимого казачьего государства, закончившееся, однако, подчинением Москве. Личность и деятельность Хмельницкого, в частности, случившееся при нем «воссоединение» Украины с Россией не могут быть оценены однозначно — положительно или отрицательно. Личность Хмельницкого очень противоречива. Это был достаточно образованный, причем получивший польское образование человек, знавший несколько языков (польский, латынь, французский и турецкий). Вместе с тем, он был невероятно жесток, безжалостно расправлялся с врагами. В стремлении к независимости своего народа Хмельницкий вынужден был постоянно лавировать между поляками, татарами, турками и русскими. Изначально в восстании против поляков им, видимо, двигали личные мотивы (именно обиды, нанесенные ему поляками и нежелание или неспособность польского

короля заступиться за него). До того Хмельницкий был верным подданным польского короля и участвовал в его войнах против русских.

Поворот в сторону Москвы и вступление казаков и всей левобережной Украины в российское подданство вообще были в значительной степени известным «стечением обстоятельств». Во всяком случае, изначального плана присоединения к Москве у Хмельницкого, вероятно, не было. Между прочим, казачий старшина, киевский митрополит и духовенство весьма неохотно присягнули Московскому царю. Об этом факте говорит даже знаменитый словарь «Брокгауз—Ефрон», изданный в имперской России (что свидетельствует, наверное, о более объективном отношении к истории в царской России, чем в России Советской). Казацкие послы от войска Запорожского после долгих переговоров с Москвой все же выхлопотали для себя значительные права автономии.

Не менее противоречивы личности других известных украинских деятелей — например, преемника Хмельницкого гетмана И. Выговского, попытавшегося снова «разъединиться» с Россией, и еще более знаменитого гетмана И. Мазепы. Эти личности нельзя, как это долгое время было принято в отечественной историографии, оценивать однозначно негативно — как «предателей»; вряд ли имеется больше оснований и для их идеализации, присутствующей в украинской националистической историографии. Но, безусловно, биографии этих личностей нужно объективно изучать — как биографии всех исторических деятелей, оставивших след в истории. Кстати, личность, например, Мазепы стала весьма популярным историческим образом, который присутствует в творчестве многих великих писателей, в частности, Пушкина и Байрона.

История украинского народа не ограничивается казачьей и вообще левобережной Украиной. Особое место в его истории занимает западная Украина, представленная несколькими историческими областями — в первую очередь, Галицией и Закарпатьем. Собственно само название «Малая Русь» ведет свои корни, как мы помним, из Галиции. Своеобразием этих территорий являются их большие связи с Западной Европой и развившаяся из этих связей большая ориентация на Запад, отличная от восточноукраинского казачьего «интернационализма» и «вольницы».

Со времен монголо-татарского нашествия правители западных русских земель стали искать помощи на Западе, в частности, вступали в сношения с римскими папами. После объединения Польши и Литвы в одно государство и обращения литовцев в католичество, православное русское население Литвы было подготовлено к идее церковной унии — «воссоединения» православия и католичества на условиях сохранения православных (греческих) обрядов. Эта идея была не нова. Первая недолговечная Лионская уния между византийским православием и римским католичеством была заключена еще в XIII в.; более прочная Флорентийская уния состоялась в XV в., и в ее принятии, между прочим, участвовал московский митрополит Исидор (впоследствии, правда, лишенный за это своего сана). Флорентийская уния была принята в Литве, но фактически не имела большого значения. Новая, специально предназначенная для западнорусского населения (так называемых русинов или, в латинской традиции, «рутен») уния была заключена в конце XVI в. на соборе в г. Бресте Литовском.

К сожалению, эта уния не примирила конфессии, а, напротив, способствовала разжиганию религиозной розни, последствия которой в этих краях сказываются до сих пор. Поскольку не все православное население Речи Посполитой приняло унию, и многие районы остались православными, началось затяжное соперничество и борьба униатской и православной церквей. Перевес в этой борьбе той или иной стороны определялся тем, в составе какого государства (католического или православного) оказывалась территория Западной Руси (или Украины).

До разделов Польши в последней трети XVIII в. эти земли были в составе католической Речи Посполитой. После разделов часть западноукраинских земель отошла к России, и вскоре началась их русификация и борьба с униатской церковью. Собственно Галиция со столицей во Львове отошла к Австро-Венгерской монархии, где она получила достаточно широкое самоуправление (особенно после реформ императрицы Марии-Терезии и Иосифа II). Униатская церковь нашла здесь покровительство среди властей; она была переименована в «греко-католическую», и в начале XVIII в. была учреждена ее самостоятельная митрополия во Львове. В составе Австро-Венгрии Галиция, разумеется, подвергалась германизации. Реакцией на это явился всплеск сепаратизма в Галиции во время революции 1848 г. Тогда австрийское правительство вместо германизации края сделало ставку на его полонизацию,

тем более что он был в значительной части населен поляками и уже в предшествующей истории сильно колонизирован.

Еще более подверженной западному влиянию оказалась закарпатская Украина (с центральным городом Ужгородом), которая была еще в XI в. отторгнута от Киевской Руси Венгрией и сильно мадьяризирована. В Ужгороде была заключена в середине XVII в. уния, аналогичная Брест-Литовской, и с тех пор стала доминировать в Закарпатье. Еще одна часть украинского народа, жившая в Буковине, особенно в северной ее части, в разные времена находилась под властью Османской империи, Австрии, после I мировой войны — Румынии.

Несмотря на столь значительную раздробленность украинских земель между различными государствами и отсутствие своего единого государства, в XIX в., наряду со многими другими европейскими нациями, начинает складываться украинская нация. В этот период в разных частях Украины проявляется национальное самосознание, появляется ощущение единства украинского народа, живущего в разных государствах, и необходимости его консолидации, зарождается украинская национальная литература. Главными центрами формирования украинской нации и национальной элиты были, как это ни странно, Россия (и не только украинские земли в составе России, но и сами российские столицы, где творили многие выходцы из Украины, участвовавшие в создании украинской национальной культуры) и австрийская Галиция (где издавна существовал крупный просветительский центр, Львовский университет — кузница национальной элиты).

Общественное движение за возрождение и духовное сплочение украинского народа, одновременно зародившееся в российской Украине и в Галиции, в истории получило название *украинофильства* (некоторые исследователи рассматривают его как «малорусский вариант» славянофильства). Родоначальниками этого движения были такие видные писатели и ученые, как Т. Г. Шевченко, Н. И. Костомаров и П. А. Кулиш. Провозвестниками же течения, очевидно, являлись и Н. В. Гоголь, и отец украинской литературы И. П. Котляревский. Конечно, украинский национализм подвергался гонениям со стороны российских властей, но все же восприятие имперской России исключительно как «тюрьмы народов» нам представляется не вполне оправданным стереотипом. Во всяком случае, формировавшиеся одновременно русская и

украинская интеллигенция не только не были врагами, но и взаимно обогащались и сотрудничали.

Также не вполне оправдан и аналогичный стереотип в отношении Советского Союза. Этот стереотип возможен только в том случае, если видеть одни негативные стороны советской национальной политики по отношению к Украине, например, преследования униатской церкви и т. п. Вообще, Советский Союз был изначально задуман большевиками (и лично Лениным) как совершенно свободная для национальных проявлений (с правом выхода из ее состава), основанная на принципе пролетарского интернационализма конфедерация. Потом, конечно, эта идея подверглась существенной трансформации, но нельзя закрыть глаза на тот факт, что именно в рамках Советского Союза произошло наиболее полное за все времена воссоединение разрозненных частей Украины в составе единой Украинской ССР (по результатам II мировой войны), и даже земли, завоеванные российской армией при Екатерине II и называвшиеся Новороссией (Крым), были переданы Украине в ознаменование юбилея «воссоединения украинского и русского народов». Нельзя забывать и того факта, какова бы ни была его подоплека, что Украина после II мировой войны стала самостоятельным постоянным членом ООН.

При этом стоит помнить, что многие западные украинские земли, присоединенные к Советскому Союзу и объединенные с Украиной еще в начале II мировой войны (Галиция, западная Волыния, северная Буковина), как известно, были отторгнуты у Польши и Румынии преступным путем тайного сговора с фашистской Германией (закрепленного в секретных протоколах пакта Молотова—Риббентропа). Так что история крайне противоречива; во всяком факте есть и положительные и отрицательные стороны. Просто нужно уметь объективно их оценивать, не скрывать и не искажать ни единой детали, следуя античному принципу *prima lex historiae ne quid falsi dicat* («первый закон истории — не лгать»). Если происходит обратное, тогда возникает идеологическая история. На этот тезис, впрочем, могут возникнуть возражения такого рода, что история якобы не может быть абсолютно неидеологической. Это спорный вопрос, на который, пожалуй, нет однозначного ответа. Неоспоримо же единственно то, что идеологизированная история не должна представлять опасность для межнациональных отношений, способствовать их ухудшению.

В случае с украинской историей из нашего изложения следует вывод, что наиболее естественной и продуктивной концепцией истории этого народа может служить подчеркивание фактов интернационализма, различных этнических влияний и «этнической уживчивости» украинцев. С этой точки зрения, главное своеобразие, уникальность истории Украины — в неоднородности ее территории, составленной из различных в историко-этнологическом и в религиозном отношении частей. И еще необходимо сказать в заключение, что для содействия созданию объективной, а не сугубо националистической концепции истории Украины и украинно-российских взаимоотношений требуется серьезная работа ученых-специалистов по разработке этих проблем, созыв специальных научных конференций. Подобные примеры уже были после распада СССР, но их еще явно недостаточно.

1.5. Об исторической специфике восприятия Китая в России

Не так давно в науке появилось новое направление — так называемая «имагология», специализирующаяся на изучении этнических образов, их формирования в различных традициях (прежде всего литературных и фольклорных). Это направление возникло в 50-е годы прошлого века в рамках сравнительного литературоведения⁵⁹. В последние десятилетия методы имагологии находят активное применение гораздо в более широких научных кругах, нежели литературоведы — в истории, культурологии, искусствоведении. Исследователи, работающие в этом направлении, обычно привлекают исторический, литературный прежде всего, материал и пытаются выявить преемственность в этнических стереотипах восприятия, которые, как правило, носят очень устойчивый характер. Такие стереотипы зачастую имеют многовековую историю и оказывают заметное влияние на современное восприятие тех же народов и, следовательно, на межнациональные отношения.

Но восприятие одного и того же объекта может существенно различаться в разных социальных слоях. Поэтому и стереотипы восприятия могут быть подразделены (по социальному критерию) на несколько категорий. Мы выделим три основные категории. Во-первых, это стереотипы, популярные в образованных слоях общества — то, что в России издавна называется словом «интеллигенция». Следующая категория — стереотипы, существующие во властных кругах, условно говоря, внешнеполитические стереотипы. Несмотря на то, что внешняя политика в целом прагматична, по крайней мере, должна быть таковой, исторически сформировавшиеся стереотипы иногда оказывают влияние на внешнеполитические доктрины. Наконец, третья категория это так называемые массовые этнические стереотипы, распространенные в наиболее широких слоях населения. Нужно отметить, что массовые стереотипы, особенно в новейшее время, в значительной степени определяются теми же стереотипами элиты и власти, усваиваемыми широкими массами благодаря средствам массовой информации.

В данном очерке мы решили обратиться к очень интересной и, на наш взгляд, актуальной теме формирования образов Китая и китайцев в России в разные периоды ее истории. История русско-китайских культурных и дипломатических отношений и, в частности, важная для ее понимания проблема формирования образа Китая в России стали сис-

тематически изучаться только в последней трети XX в. (были, конечно, отдельные фундаментальные исследования в дореволюционной историографии, но их научная традиция была потом прервана). Из исследований последней трети XX в. можно упомянуть работы отечественных авторов Е. И. Кычанова, Д. И. Белкина, А. И. Кобзева, В. В. Сербиненко, А. Н. Хохлова, А. И. Шифмана, К. Ф. Пчелинцевой и зарубежных исследователей Андреаса Каппелера и Барбары Маггс⁶⁰. Две последние работы, изданные еще в 80-е годы, посвящены именно проблеме образа Китая в России (в XVII—XVIII вв.). Позднее, в 90-е годы, образ Китая в дореволюционной России исследовался в работах отечественных ученых Н. А. Самойлова и А. В. Лукина. Причем один из них, петербургский китаевед Н. А. Самойлов, в одной из публикаций справедливо отметил, что проблема образа Китая в России изучена еще очень слабо, в ее изучении не получили применения новейшие методологические подходы так называемой имагологии, нет исследований, затрагивающих советский период формирования образа Китая⁶¹. После этой публикации, правда, появилась одна такая работа, А. В. Лукина, в которой кратко рассматривался и советский период, но она, несмотря на ряд ценных мыслей, безусловно, не является исчерпывающей по проблеме⁶².

Задача настоящего очерка состоит в том, чтобы, используя некоторые источники столетней давности и нынешние, проследить эволюцию и преемственность в восприятии русским обществом Китая и попытаться выявить исторически обусловленное своеобразие восприятия Китая в России. В связи с этим, представляется полезной попытка взглянуть на проблему образа Китая в России с позиций «имагологии», в частности попытка обнаружить преемственность некоторых стереотипов восприятия Китая, выявить факторы и мотивы формирования тех или иных стереотипов в отношении нашего великого восточного соседа. Забегая вперед, можно заметить, что в восприятии Китая, причем в самых разных слоях, не исключая и властей, прослеживается определенная преемственность между тем, что было сто лет тому назад и что теперь. В этом чувствуется, что Россия является не только правопреемницей СССР, но и прежней, дореволюционной России. В начале мы кратко рассмотрим историю складывания русско-китайских отношений, обращая внимания на те факты, которое могли оказать влияние на восприятие Ки-

тая, по крайней мере, в определенных кругах. Затем обратимся к истории формирования стереотипов Китая в элитных слоях и во властных кругах. И наконец, попробуем выявить, тоже в сравнительном аспекте (сто лет назад и теперь) специфику восприятия Китая и китайцев у рядовых граждан нашей страны.

Одним из основных факторов формирования стереотипов восприятия чужих культур всегда является историко-культурный фактор, то есть история контактов, отношений между народами и их культурами. Если «открытие» Китая Западом состоялось достаточно рано, во всяком случае, начиная с Марко Поло (в последней трети XIII в.), то становление русско-китайских внешних сношений, несмотря на большую географическую близость, происходит гораздо позднее. По данным энциклопедического словаря «Брокгауз—Ефрон», первые известия о Китае были получены при Иване Грозном (от сибирских казаков). Внешние, в частности, дипломатические сношения России с Китаем начинаются только во второй половине XVII столетия, причем первые русские посольства в Китай (Федора Байкова и Николая Спафари) терпели неудачу — из-за неисполнения унижительных, по мнению послов, требований китайского придворного этикета. В то же время устанавливаются торговые отношения с Китаем.

В начале XVIII в. был заложен, фигурально выражаясь, первый камень русско-китайских дружественных связей, положено начало русско-китайскому культурному диалогу. В 1715 г. была основана (а по Кяхтинскому договору 1728 г. официально «утверждена») Российская Духовная Миссия в Пекине, действовавшая преемственно в течение XVIII, XIX и XX вв. и сыгравшая большую роль не только в проповеди православия в Китае, но и в развитии отечественной и в целом мировой синологии. Многие деятели Миссии были большими знатоками китайского языка и культуры и создали целую синологическую школу в русской науке. Между прочим, появление этой знаменитой Миссии в свое время было вызвано прямо противоположным по характеру событием в истории русско-китайских отношений. В ходе русско-китайского столкновения в конце XVIII в. китайцами был взят городок Албазин на левом берегу Амура, принадлежавший тогда русским казакам; большинство русского населения после этого бежало в г. Нерчинск, но несколько десятков человек приняли китайское подданство и были от-

правлены в Пекин. Для этих людей и их потомков была позднее создана Православная Миссия⁶³. Так военный конфликт способствовал становлению в будущем мирного культурного диалога двух народов. В истории часто случаются парадоксальные вещи...

Еще раз подчеркнем, что Российская Духовная Миссия в Пекине — это едва ли не основной положительный фактор в становлении дружеских отношений нашей страны с Китаем в XVIII — первой половине XX вв. и в формировании положительного образа Китая. По словам русского историка Н. И. Веселовского, Российская Духовная Миссия в Пекине представляла собой уникальный феномен в истории русско-китайских отношений, имевший огромное значение, прежде всего, для политики (то есть укрепления добрососедских отношений) и для науки (синологии)⁶⁴. Таким образом, если говорить о специфике русского образа Китая, по сравнению с «общевропейским» его образом, то она в значительной степени определялась существованием этого феномена русско-китайских связей.

Вообще, до последней трети XIX в. образ Китая в России мало отличался от общевропейских стереотипов и был распространен, в основном, в образованных литературных кругах. В XVIII в. было популярным увлечение китайской культурой, в частности, так называемая *chinoiserie* (стилизация под Китай в искусстве). В русской литературе XVIII — первой половины XIX вв. оформился прочный стереотип «недвижного Китая» (по выражению Пушкина) а также свойственного китайцам «незнания иноземцев» (по выражению Грибоедова). Одним словом, Китай воспринимался как одно из наиболее типичных азиатских экзотических государств⁶⁵.

Во второй половине XIX в. в европейской литературе и общественной мысли складываются два противоположных взгляда на Китай. Негативная точка зрения была вызвана, главным образом, возникшими опасениями по поводу возможного усиления Китая в будущем, которое могло бы стать, по мнению некоторых, угрозой европейской цивилизации. В это время стал очень употребительным термин «желтая опасность». Основными негативными мотивами восприятия Китая и китайцев были деспотизм, жестокость законов, бесправие личности, отсталость и, уже тогда, перенаселенность Китая — одна из главных составляющих так называемой «желтой опасности».

С другой стороны, имела место противоположная тенденция — идеализация Китая и противопоставление китайского (и вообще, традиционного восточного общества) европейскому. Это было связано с философской рефлексией европейцев по поводу собственной культуры. Одно из показательных сочинений в этом духе — изданная в Берлине в 1902 г. книга Г. фон Самсон-Гиммельштерны под названием «„Желтая опасность“ как нравственная проблема». В этой книге пресловутая у европейцев «желтая опасность» рассматривается с нравственной стороны, и делается вывод, что европейцы сами виноваты в том, что их культура клонится к упадку, а Китай в будущем вырвется на передний план во всех сферах жизни, в экономической, политической и культурной. Необходимо радикальное обновление европейской культуры — только в таком случае можно будет противостоять «желтой опасности». Основные мотивы идеализации китайцев у Г. фон Самсон-Гиммельштерны — это их «упорное трудолюбие», патриархальность, воздержанность — черты, противостоящие, по его словам, европейской «фальшивой системе морали»⁶⁶.

В России эти две точки зрения на Китай нашли наиболее яркое выражение в концепциях философов В. С. Соловьева и Н. Я. Данилевского. Первый относился к Китаю чересчур негативно, как к своего рода антиподу, угрожающему европейской цивилизации⁶⁷, а второй, напротив, признавал Китай достойным и самоценным «культурно-историческим типом», альтернативным европейской цивилизации⁶⁸.

Здесь, когда речь зашла об одном из идеологов славянофильства, мы незаметно подошли к еще одной важной специфической черте в восприятии Китая в России. Можно констатировать, что с тех самых пор, когда начался спор «западников» и «славянофилов», Китай стал играть в общественном мнении России роль своего рода символа — олицетворения определенных идей, возникших собственно на русской почве. Причем, в очень близком символическом значении Китай, как показывают некоторые источники, использовался, например, в отечественной прессе сто лет назад и теперь. Для одних, вполне консервативно-почвеннических сил Китай — это идеал, пример для подражания его консерватизму, умению сохранять самобытность, противостояние Западу. Для либеральных сил России Китай, наоборот, является примером, на который не следует равняться России; китайская самобытность и

консерватизм оцениваются негативно в этих кругах. Фактически образ Китая по сей день является одним из «символов», иными словами, определенным «инструментарием» в вечном споре «славянофилов» и «западников».

В данном случае мы имеем дело с важной имагологической проблемой влияния собственного образа (образа своей страны и народа) на образ чужого. Ведь образ — явление субъективное, это всегда «преломление» объекта через призму своей (субъективной) действительности. Так, например, и в советское время Китай вполне играл такую символическую роль в отечественной публицистике. Как отмечает один из исследователей, А. В. Лукин, под вывеской «маоизма» стало возможным критиковать многие пороки командно-административной экономики и ортодоксально-коммунистической идеологии. В критике Китая в советской публицистике легко увидеть невольный или сознательный намек на очень похожую советскую действительность. Вообще, специфика восприятия Китая в истории отечественной публицистики отличается определенной преемственностью, о которой еще будет речь ниже.

Официальное отношение к Китаю, то есть отношение к нему российских властей, на протяжении истории не раз менялось; оно определялось общей эволюцией внешнеполитической доктрины, а в советское время еще и, в значительной мере, идеологическими мотивами. Но даже в те периоды истории, когда Россия (на официальном уровне) самоидентифицировалась исключительно с западной цивилизацией, например, в «имперский» период нашей истории, отношение к Китаю отнюдь не было негативным. Отношение к Китаю и китайцам в России было более мягким, чем во многих других, например, в европейских странах. В этом-то, наверное, специфика русского образа Китая в сравнении с его общеевропейским (западным) образом. Даже в годы так называемого «боксерского восстания», когда в порыве всплеска национализма в Китае было убито множество русских, в том числе члены Православной Миссии в Пекине, в России оставались «китаефилы». Одним из наиболее известных в то время «китаефилов» был весьма близкий к Николаю II публицист кн. Э. Э. Ухтомский, который в значительной степени идеализировал Китай, сравнивая его с «по-китайски консервативной змиемудрой допетровской Русью»⁶⁹.

Но взгляды кн. Э. Э. Ухтомского не являлись определяющими ни в русском общественном мнении столетней давности, ни даже в тогдашней официальной идеологии, в которой со времен Петра постулировался образ России как европейской державы. Отношение русских властей к Китаю в начале XX в., то есть сто лет тому назад, становилось все более прагматичным, происходило осознание того, что Китай — мощная сила, готовящаяся выйти из многовековой спячки, имеющая непосредственную границу с Россией. Известный русский юрист, специалист по международному праву Ф. Ф. Мартенс излагал в своей статье «Европа и Китай» именно такое видение российской доктрины в отношении Китая. Россия, в силу своего географического положения, должна была, по мнению Ф. Ф. Мартенса, добиваться «преобладающего положения» в Китае и отстаивать принципы «неприкосновенности», единства и политической стабильности Китая⁷⁰.

Свидетельством того, что русское правительство тогда взяло именно такой прагматический «азиатский курс», учитывающий усиление Китая в будущем и необходимость строить с ним добрые отношения, является начало строительства уже в конце XIX в. знаменитой Транссибирской железнодорожной магистрали, а также одно важное внутренне мероприятие — отмена сибирской ссылки. Указом 12 июня 1900 г. Николай II отменил так называемую «ссылку на поселение в Сибирь». Как отмечал историк царствования Николая II С. С. Ольденбург, эта мера «отнюдь не была отменой жестокой системы репрессий», а преследовала совсем другую цель. На Сибирь теперь делалась ставка как на важный стратегический пункт в пограничном сотрудничестве с Востоком, и не следовало наводнять Сибирь «порочными» (как говорилось в Указе) людьми⁷¹.

Пропуская советский период, в котором было, как известно, всякое, зачастую прямо противоположное отношение к Китаю (тогда стала играть особенно большую роль идеология), обратимся к дню сегодняшнему — к современной нашей «азиатской» доктрине. Она, надо признать, тоже очень сильно напоминает ту, что начала зарождаться в дореволюционной России. Короче всего, отношение современных российских властей к Китаю можно сформулировать словами В. В. Путина, сказанными во время визита в Китай в 2000 г. По его словам, «Россия — это и европейское, и азиатское государство... В этом смысле отношения

с Китайской Народной Республикой, безусловно, будут являться одним из наших основных приоритетов»⁷².

Несмотря на популярность «прокитайских» идей в России в начале XX в., русская либеральная пресса оставалась непоколебимой в критике Китая за его порядки. Критики этих порядков, как мы знаем, делали кивок в сторону собственного режима, «спекулировали» образом Китая в отстаивании своих взглядов на пути развития России. Так, известный русский публицист, обозреватель журнала «Вестник Европы» Л. З. Слонимский в очерке с символическим названием «Желтая опасность» (в оригинале — в кавычках) писал о Китае буквально следующее: «Китай в полной мере осуществил идеал административного всевластия, народного бесправия и молчания, официального самодовольства и всеобщей закоснелости мнимых национальных традиций, — идеал, столь настойчиво предлагаемый нашей лжепатриотической печатью...». Л. З. Слонимский противопоставлял Китай Японии, которую оценивал, наоборот, положительно — за то, что она «последовала другим примерам и сразу выдвинулась на степень первоклассной державы Дальнего Востока»⁷³.

Как же поразительно современно звучат подобные мысли! Ведь почти те же самые идеи высказывает уже в новом, возрожденном русскими либералами, «Вестнике Европы» современный отечественный публицист О. Р. Лацис. Его статья в одном из номеров журнала, под названием «Почему Россия не Китай»⁷⁴, по существу, является ответом на нашумевшую книгу А. Паршева «Почему Россия не Америка» крайне правого, того самого «лжепатриотического» толка. Таким образом, по-прежнему Китай используется в отечественной публицистике в роли нравоучительно-историософского символа. Наверно, это говорит об определенной преемственности некоторых публицистических стереотипов — по крайней мере, в нашей стране.

Но в более широких кругах, чем вечно спорящие представители русской общественной мысли — «западники» и «славянофилы», Китай вовсе не является только знаменем идеологической борьбы. Как правило, на уровне массового сознания отношение одного народа к другому определяется такими факторами, как соматический (внешнее, антропологическое сходство или различие народов), культурно-исторический (причем, на рядового обывателя большее влияние обычно оказывают

воспоминания о ближайшей истории взаимоотношений народов) и, конечно же, политико-идеологический (то есть отношение определяется, так сказать и «существом момента»). Но, разумеется, не последнюю роль во взаимовосприятии народов в массовом сознании играет уровень развития межнациональных контактов в общественной, в частности, в экономической, в культурной сферах, положительные или отрицательные факты таких взаимоотношений.

Как отмечалось в самом начале очерка, уже в XVIII в., с открытием Православной Духовной Миссии в Пекине, были заложены определенные основы дружественных отношений русских и китайцев — на уровне культуры, а не политики. В дальнейшем, несмотря на то, что в истории взаимоотношений двух народов случались негативные факты, все же можно констатировать наличие определенной дружественной тенденции в отношении русских к китайцам (и наоборот) на протяжении нескольких столетий. Так что преемственность в восприятии Китая наблюдается не только в публицистике.

Продемонстрировать наличие этой тенденции можно на следующих примерах. Для начала XX в. источником может служить переписка некой госпожи W., жены одного офицера, проживавшей в Китае, в Южной Манчжурии, в 1900—1903 гг. (во время русско-китайского или, точнее, европейско-китайского столкновения). Эта переписка опубликована в нескольких номерах того самого «Вестника Европы» (№№ 4—6 за 1904 г.)⁷⁵. Судя по словам г-жи W., несмотря на состояние политического конфликта, «русские и китайцы братски живут рядом». По ее словам, даже отношения «рядовых чинов и китайцев», где нет никакой политической наигранности — «чисто братские». И г-жа W. приводит в своих письмах множество примеров, подтверждающих «братский» характер взаимоотношений русских и китайцев⁷⁶. Надо отметить, что и на г-жу W. в ее в целом объективно-непосредственном восприятии Китая оказал влияние известный идеологический фактор — самоидентификация с европейской цивилизацией. Автор писем в одном из них отмечает, например, что «Китай — наш антипод во всех отношениях, хотя мы и находимся на одном полушарии», имея, правда, в виду лишь поражающий любого европейца экзотизм некоторых китайских обычаев⁷⁷.

Что касается современного отношения россиян к китайцам, то о нем можно судить гораздо легче, так как теперь появились социологические опросы. Судя по данным одного из таких опросов, у граждан современной России сохраняется в основном благоприятное отношение к Китаю. Так, опрос, проведенный в 2002 г. фондом «Общественное мнение», показал следующую картину. Отвечая на вопрос о том, какой образ Китая сложился в представлении граждан — положительный, отрицательный или нейтральный, 42% респондентов ответили: положительный, 36% — нейтральный и лишь 12% — отрицательный; 10% — затруднились ответить. У экспертов же, по данным того же опроса, отношение к Китаю еще более дружелюбное (у 68% сложился положительный его образ)⁷⁸. Этот опрос, однако, выявил и тот факт, что на отношение к Китаю даже у рядовых россиян в настоящее время значительное влияние оказывает политико-идеологический фактор идентификации собственной культуры. Судя по опросу, у молодого поколения, которое после либеральных реформ больше ориентируется на Запад, сложилось более осторожное отношение к Китаю, а у старшего поколения, настроенного более почвеннически-консервативно, напротив — наиболее благоприятное отношение к Китаю.

Специфичным является, конечно, отношение к Китаю россиян, живущих в приграничных с ним регионах. По данным одного из опросов середины 90-х гг., 64% населения южной части Дальнего Востока выражало опасения в связи с угрозой китайской демографической экспансии. Думается, что негативное или осторожное восприятие Китая в этих регионах в значительной мере было вызвано не столько политическим фактором, хотя в середине 90-х внешняя политика России еще давала сильный крен в сторону Запада, сколько фактором, условно говоря, экономическим. Ведь именно пограничные регионы первыми и, наверно, больше всего испытали на себе наплыв китайских товаров (не всегда качественных), в чем ощутили, в частности, угрозу собственной экономике. Однако, по мнению, например, А. В. Лукина, на отношение к китайцам здесь, в приграничных регионах, как и в остальной России, накладывает отпечаток также идеологический фактор, а именно «тот факт, что, несмотря на растущую популярность идеи азиатскости России, население даже крайних восточных регионов по традиции ориентируется на капиталистический Запад...»⁷⁹. А по данным Е.А. Плаксе-

на, среди жителей Приморья «наибольший интерес к дружбе с Китаем проявляют лица старше 60 лет и сторонники КПСС»⁸⁰.

Применительно к настоящему моменту можно примерно так распределить роль различных факторов в формировании того или иного восприятия Китая и китайцев. Формированию положительного образа способствуют, большей частью, политический (политико-идеологический) фактор и историко-культурный. Негативному восприятию, причем прежде всего на уровне массового сознания, способствует соматический фактор (внешние различия), но, главным образом, сейчас, видимо, все-таки фактор социально-экономический. Суть последнего состоит в ощущении, особенно в приграничных с Китаем регионах, определенной социальной и экономической угрозы со стороны Китая. Это связано с наводнением рынков китайскими товарами (зачастую некачественными), в чем видится угроза собственной экономике, и в миграционном наплыве китайского населения в эти регионы, особенно активно происходившем в начале 90-х и даже не вполне контролируемом местными властями.

Итак, мы выяснили, что отношение к Китаю у россиян имеет определенную историческую специфику. Оно всегда было тесно связано с идентификацией собственной культуры. А с развитием средств массовой коммуникации и информации политико-идеологический фактор восприятия оказывает еще большее влияние на широкие слои общества. Однако отношение русских к Китаю и китайцам специфично еще и некой особой дружественностью к этому народу — тенденцией, которая, очевидно, имеет давние исторические корни. Эту дружественность необходимо всячески оберегать. И наука, в частности, может внести свой вклад в ее укрепление. В истории русско-китайских культурных связей еще очень много неизученного. В том числе, это относится к многовековой деятельности пекинской Духовной Миссии. Такие исследования, созыв соответствующих конференций актуальны и необходимы, на наш взгляд, не только с научной, но и с общественной точки зрения. И еще в заключение хотелось бы отметить, что, несмотря на изначальное предназначение «разделять», граница может и должна соединять людей разных культур. Существует немало примеров этому в истории, в том числе в истории Китая и России.

1.6. Об особом понимании в России искусства и художественно-эстетического воспитания

В педагогике существуют два очень похожих термина — «эстетическое воспитание» и «художественное воспитание». В отечественной науке эти термины часто отождествлялись⁸¹. Вероятно, это связано с тем, что понятие «эстетический» и более прикладное понятие «художественный» в отечественной традиции тоже часто отождествлялись. На самом деле, художественное воспитание является лишь частью более широкого понятия «эстетического воспитания». «Эстетическое воспитание», согласно современной «Российской педагогической энциклопедии», повторяющей в этом отношении Советскую энциклопедию, это процесс формирования у человека эстетического отношения к действительности, иными словами — понимания красоты. Это понимание может формироваться разными средствами, например, путем приобщения к мировым художественным ценностям, знакомства с выдающимися произведениями искусства различных эпох. Это пассивная форма, однако она может быть тоже очень действенной. Другая форма — это собственно художественное воспитание, то есть буквально «воспитание искусством» (в данном случае слово «искусство» — синоним слова «искусство», ср. английское «art education»). Как понимаем, это форма практическая, когда человека обучают чувству красоты, так сказать, в процессе ее собственноручного создания.

Мы будем говорить здесь об эстетическом воспитании (а не только о художественном) и об искусстве в целом, а также об особом их понимании в русской традиции второй половины XIX — XX вв. Определив эту историческую специфику, мы попробуем выяснить, как она согласуется с современной общепедагогической задачей гуманизации образования, стоящей перед российской школой еще с начала 90-х годов прошлого столетия.

История искусств связана с историей народа, поэтому в каждой стране исторически сложились специфические национальные традиции и подходы к эстетическому воспитанию. Так, например, в китайской школе, видимо, в силу общей сдержанности художественно-эстетического наследия Китая, философичности, эмоциональности, музыкальности, в художественном воспитании доминируют язык и литература, затем идут музыка и изобразительное искусство. В Японии особое значе-

ние, также под влиянием давних эстетических традиций, придается цветоведению, обучению восприятию различных мельчайших оттенков цвета (более ста), в истории мирового искусства изучается преимущественно история изобразительного искусства. В странах ислама, где изобразительное искусство из-за запрета на изображение человека ограничивалось в основном орнаментальными мотивами, эстетическое воспитание всегда было связано с теологической традицией. Язык, литература, каллиграфия — вот основные средства эстетического воспитания в мусульманских школах.

Традиции современной европейской педагогики восходят к античности. В античном воспитании зародился принцип «калокагатии», характеризующийся триединством истины, добра и красоты. Целью античной педагогики было воспитание одновременно прекрасного внешне и нравственно достойного человека, иначе говоря, всесторонне развитого — и физически и духовно. В новое время система так называемого «гуманистического» воспитания, опирающаяся на достижения античной педагогики, приобрела окончательные очертания в педагогической концепции Я. А. Каменского. Идеал Каменского — это, по сути, реанимированный античный идеал разностороннего развитого, современного человека. Очень хорошо основной принцип гуманистического воспитания выразил известный немецкий поэт и мыслитель Фридрих Шиллер. Цель эстетического воспитания, по его словам, развитие «не вышколенных воспитанников правил... с плоским, лишенным выразительности обликом», а гармоничная личность, свободно творящая прекрасное и наслаждающаяся им. В целом, та же самая идея лежит в основе современного гуманистического воспитания в странах Европы. Наиболее ярко эта идея воплотилась в так называемых свободных «вальдорфских школах». Первая такая школа была открыта в Штутгарте для детей рабочих фабрики «Вальдорф-Астория». Методика была разработана Р. Штейнером. Обучение базируется на антропософской интерпретации развития человека как целостного взаимодействия физических и духовных факторов.

Несмотря на общие гуманистические черты, эстетическое воспитание в отдельных западных странах имеет свои национально-исторические особенности. Точнее будет говорить, в данном случае, даже не об эстетическом воспитании, а о «художественном воспита-

нии», так как общие эстетические принципы, в целом, сходные. Например, в британской школе главным и традиционным средством художественного воспитания является изобразительное искусство, во Франции большое внимание уделяется привитию художественных вкусов и потребностей в процессе изучения мировой культуры и искусства и разного рода творческих занятий, в США — также как и во Франции, с той особенностью, что в США на первый план выдвигается идея развития так называемого «визуального мышления».

Русской спецификой уже давно, по признанию Л. П. Печко, автора соответствующей статьи в «Российской педагогической энциклопедии» является «рассмотрение искусства в перспективе широких насущных социальных проблем». В середине XIX в. в России распространяются радикальные общественно-политические учения, в частности, появляется русский социализм, сыгравший роковую роль в нашей истории. Вообще, нужно сказать, что после петровских реформ (во многом внешней вестернизации) произошел раскол общества на три мира — западно-ориентированную элиту, народ и тех, кто одновременно жил как бы в двух мирах⁸². Эта третья прослойка получила название «интеллигенции». Она как раз ставила задачей связать два этих мира — просветить народ. В том числе, соей задачей интеллигенция ставила и эстетическое просвещение народа. Также представители этой специфически российской духовной элиты подчеркивали особое *социальное* значение искусства. Таким образом, уже в XIX в. в России началась политизация искусства.

О социальном значении искусства говорили и представители русской религиозно-философской мысли, у которых восприятие искусства было окрашено в своеобразные тона «эстетической эсхатологии». Вспомним хотя бы знаменитое выражение Ф. М. Достоевского: «Красота спасет мир». Таким образом, и Достоевский, представитель противоположного лагеря, не относившего себя к интеллигенции (хотя Достоевский был все-таки выходец именно из интеллигенции), подчеркивает общественное значение красоты: «красота» существует не сама по себе, как самоценность, а она должна кого-то спасать. Другие тона — религиозно-эсхатологические — но мысль та же самая, о социальной функции искусства.

После Октябрьской революции, с приходом к власти в России наследников той самой интеллигенции в первоначальном наиболее радикально-нигилистическом смысле этого слова — в лице большевиков — давно выстоявшиеся идеи об особом социальном значении искусства завладели новой властью и наложили существенный отпечаток на историю отечественной педагогики в XX в. Достаточно ясно взгляды большевиков на художественное воспитание отражены в высказываниях их лидера, В. И. Ленина. Вот, для примера, несколько часто цитирувавшихся фраз. «Искусство должно принадлежать народу». «Искусство должно быть понятно массам и любимо ими». «Искусство — могучее организующее оружие, монополизированное раньше буржуазией, а теперь находящееся в руках пролетариата». «...Если перед нами действительно великий художник, то некоторые хотя бы из существенных сторон революции он должен был отразить в своих произведениях». Известны и еще более радикальные и даже нигилистские высказывания Ленина об искусстве и в частности эстетическом воспитании. Например, известный художник Ю. П. Анненков, писавший портрет «вождя мирового пролетариата», в своих воспоминаниях передает такие слова Ленина: «Я, знаете, в искусстве не силен, искусство для меня это... что-то вроде слепой кишки, и когда его пропагандная роль, необходимая нам, будет сыграна, мы его — дзык! дзык! дзык! вырежем. За ненужностью...» Здесь, если можно, конечно, доверять словам Анненкова⁸³, проявился давний нигилизм русской интеллигенции — стремление к низвержению старых традиций и идеалов.

Для реализации идей большевиков о пропагандистской роли искусства была создана специальная организация — так называемый «Пролеткульт», главным идеологом которого были А. А. Богданов и П. И. Лебедев-Полянский. Главной идеей Богданова было создание новой и чистой пролетарской культуры. Средствами для этого должно было стать, с одной стороны, разрушение старых «авторитетов» («фетишей»), а с другой стороны, трудовое воспитание, в частности воспитание «художественным трудом». Пролеткульт стал зачинателем массовых форм эстетического воспитания, выдвинул перед художниками задачу отдать все силы и знания на продвижение искусства в массы и на создание массового искусства. Создавались различные — школьные, колхозные, рабочие клубы, студии, а художники должны были брать

шефство над этими ячейками формирования новой пролетарской культуры.

Но даже в Пролеткульте были разные тенденции в отношении к эстетическому воспитанию. Если сам Богданов считал основой пролетарского искусства «правильно» отобранную и интерпретированную классическую культуру, то были и прямые наследники нигилизма вроде одного литературного критика с символической фамилией Иезуитов. Н. М. Иезуитов считал, что «практика пролетарского искусства такова, что категории красоты в ней нет места». Иезуитова поддерживала группа литераторов, объединившихся вокруг журнала «На посту» (так называемые «постовцы»). Все 20-е годы прошли в дискуссиях между точкой зрения Иезуитова и сторонниками более умеренного подхода. В этих дискуссиях и родился термин «агитационное и пропагандистское искусство», самим своим существованием служивший оправданием примата классово-социальных ценностей в искусстве.

Пролеткульт организовал отечественных деятелей искусства на выполнение социально-классовых заказов, прежде всего кинематографистов, так как, по словам В. И. Ленина, «из всех искусств для нас важнейшим является кино». По заказу Пролеткульта был создан ряд произведений искусства («Броненосец Потемкин» С. М. Эйзенштейна и Э. К. Тиссэ (1927), театральные спектакли «Мандат» по пьесе Н. Р. Эрдмана, поставленный В. Э. Мейерхольдом (1925), «Оборона Петрограда» А. А. Дейнеки (1928) и многие другие. К сожалению, традиции Пролеткульта, по мнению его исследователя Н. В. Кулаева, продолжали действовать в духовной жизни советского общества еще многие десятилетия. Огромное влияние Пролеткульт оказал и на отечественную педагогику. Вместо старого классического образования (в котором главное внимание уделялось классическим языкам, литературе и другим гуманитарным предметам) приоритетом теперь становятся «практические» предметы — трудовое обучение и «художественное воспитание».

В созданной в конце 20-х гг. так называемой трудовой школе занятиям искусством, то есть «художественному воспитанию» (в основном, изобразительная грамота) отводилось до 21 часа в неделю, тогда как до революции в гимназиях и прогимназиях оно вообще не было обязательным предметом. Кроме того, существовали и внеклассные формы худо-

жественного воспитания — в основном в виде школьных театров и в целом организации художественной самодеятельности. Вообще, в советской школе на начальном этапе ее существования гораздо большее значение придавалось воспитанию классово сознательной личности, чем образованию. Справедливости ради надо сказать, что не только в советской школе имели такие тенденции придавания особого значения воспитанию искусством. В 20-е и 30-е гг. подобные идеи, возможно, под влиянием советской педагогики высказывались в немецкой (Э. Шпрангер, Г. Кершенштейнер) и даже в английской (Г. Рид, Т. Монро) педагогике. Однако классовый подход, естественно, в этих концепциях отсутствует.

В дальнейшем все-таки произошла эволюция в сторону большего баланса воспитательных и образовательных задач. В 40—60-е гг. в отечественной педагогике происходила борьба между двумя подходами в преподавании искусства в школе — учебно-техническим и художественно-образным, творческим подходом. В 70—80-х гг. окончательно возобладали подход, согласно которому главной задачей является не столько художественное воспитание, сколько в целом эстетическое воспитание личности. Обучение изобразительной грамотности, согласно этому подходу, не самоцель, которой она являлась в концепции трудового воспитания, а лишь средство художественного развития школьников, формирования у них способности понимать художественный образ, проблемы современной и исторической действительности в произведениях искусства, создавать художественный образ самостоятельно.

Даже в современных работах на тему эстетического воспитания эта остро социальная ее направленность дает себя знать. Так, в статье В. Г. Штомпеля, опубликованной на сайте Пермского виртуального педагогического совета ⁸⁴, вновь слышны постоянные призывы с чем-то бороться посредством искусства — с хамством, невежеством, деградацией общества.

С начала 90-х гг. перед отечественной педагогической системой стоит задача гуманизации образования. Гуманизация образования — это неотъемлемая часть процесса реинтеграции России в общемировую систему ценностей. Интеграция не обозначает однако отказа от собственного положительного опыта, ведь в России был создан не только отрицательный, но и уникальный положительный опыт художественно-

го воспитания: уникальная система музыкальных школ, художественных училищ, были разработаны уникальные методики преподавания. Вообще, главная задача гуманистического образования (и в частности, этой цели должно быть подчинено художественное воспитание) — это формирование так называемой гуманистической, то есть человеколюбивой личности и всестороннее развитой личности, идеал которой восходит к античности. Основными критериями художественно-эстетического воспитания в рамках этой гуманистической модели образования, по мнению современного отечественного исследователя В. Г. Штомпеля, являются следующие:

1. Ценность ребенка как творческой личности, органической части образовательного пространства.
2. Эстетическое отношение к действительности.
3. Диалогичность общения.
4. Поисково-исследовательский характер деятельности ученика и учителя.
5. Целостное освоение мира в единстве научного и художественно-образного познания.
6. Использование в образовательном процессе основных видов человеческой деятельности (познавательной, ценностно-ориентационной, общения, преобразовательной и художественно-эстетической).
7. Нацеленность школьника и учителя на саморазвитие, самосовершенствование, умение рефлексировать свою деятельность⁸⁵.

Главным становится, таким образом, не художественное, а эстетическое образование. В этой связи, отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о содержательном наполнении курса так называемой «культурологии», новоиспеченного курса, отражающего именно российскую специфику. В школах обычно преподается курс несколько с иным названием — «История мировой художественной культуры». Нам представляется, что активное внедрение этих новых курсов в отечественную школу в 1990—2000-е гг. является отражением тенденции к выдвиганию на первый план именно эстетического воспитания — как, например, во Франции. Основной задачей подобных курсов является привитие ученикам художественного вкуса на примере рассмотрения разнообразных произведений мировой художественной культуры.

Непосредственно художественное воспитание, то есть обучение практическим, техническим художественным навыкам наиболее продуктивно на ранних порах обучения, в начальной школе и в так называемых средних классах (до седьмого), когда у ребенка преобладает еще эмоционально-чувственное восприятие действительности. В старших классах и вузах, когда уже окончательно сформировалось логическое мышление, целесообразно не прекращать художественно-эстетического воспитания, а переводить его в другую форму — форму теоретическо-созерцательную — прививать художественный вкус на примере изучения памятников мировой художественной культуры. Такая система характерна для большинства стран, в том числе и для нашей страны. В основе этой системы лежит англо-американская традиция: два обязательных урока в неделю в начальной школе и занятие по выбору в 7—12 классах для тех, кто хочет заниматься и имеет к этому наклонности. Обычно изобразительное искусство не входит в аттестат о среднем образовании; в Великобритании и Франции один из видов искусства входит в аттестат зрелости в учебных заведениях гуманитарного профиля.

Резюмируя, еще раз хотим подчеркнуть, что отечественная традиция художественно-эстетического воспитания XIX—XX вв. имела отчетливую тенденцию подчеркивания социального значения искусства, его воздействия на массы. Эта тенденция была связана прежде всего с давней традицией русской эстетической мысли, с революционным переустройством системы образования и, наконец, с общей тенденцией массовизации культуры в XX в. В истории художественного воспитания в России в XX в. были свои достижения, но были и явные минусы, перегибы, заключавшиеся в попытках поставить искусство на службу определенным социальным ценностям.

Так называемый социалистический реализм выполнял в общем не свойственную искусству агитационно-пропагандистскую функцию. Об этом очень хорошо в свое время говорил известный режиссер Ф. Феллини, споря с другими современными ему итальянскими режиссерами, фильмы которых, по его словам, «содействовали вступлению в партию»⁸⁶. В гуманистическом образовании главным является воспитание полноценной независимой, свободномыслящей личности, при этом культурной и нравственной, но отнюдь не «идеологически подкованной».

1.7. «Россия — любовь моя!»

(о культурном мотиве миграции в Россию из стран Европы)

Тема иммиграции в Россию из развитых стран, на первый взгляд, кажется довольно экзотичной. Очевидно, что гораздо привычнее слышать об эмиграции из России в эти страны. На самом деле, иммигрантов в Россию из Европы уже не так мало. По данным статистики, например, за 2011 год число иммигрантов в Россию из стран «дальнего зарубежья» выросло на 35% (3,3 тыс. чел.)⁸⁷. Еще лет десять-пятнадцать тому назад в одной из популярных информационно-аналитических программ (кажется, еще на так называемом «старом НТВ») был интересный репортаж о европейских иммигрантах, для которых Россия стала второй родиной. В основном рассказывалось о простых людях (например, об одном фермере-англичанине), которые искренне полюбили нашу страну, как говорится, прикипели к ней душой. Ну, а данный сюжет назван так по имени одной современной передачи, транслируемой по субботам на телеканале «Культура». Автор передачи — француз Пьер-Кристиан Броше, давно живущий в России, который утверждает, что он влюблен в нее и ее людей. Передача посвящена рассказам о многообразных народах России, их традициях и культуре⁸⁸.

Таким образом, мы коснемся темы культурных мотивов миграции — сравнительно редких, в соотношении с экономическими мотивами, но, тем не менее, немаловажных, особенно в нынешний период обострения отношений России с Западом, когда возрождаются худшие негативные стереотипы друг о друге из советского прошлого, что грозит уже чуть ли не новым «железным занавесом». Поэтому очень важно сейчас обратиться к положительному опыту взаимодействия русской и западной культур, акцентировать внимание на этом все более значимом ресурсе оптимизации международных отношений.

Тема взаимодействия культур, иначе говоря, «межкультурной коммуникации» стала одной из самых актуальных в последние годы. Это научное направление появилось во второй половине XX века, как раз в период «холодной войны», когда в экономике начала происходить важная трансформация — переход от «капитализмов отдельных стран» (individual-country capitalism) к так называемому глобальному капитализму⁸⁹. В России проблемы межкультурной коммуникации становятся актуальными после распада Советского Союза, с началом ее актив-

ной интеграции в глобализирующийся мир ⁹⁰. В последние десятилетия в отечественной историографии появилось несколько учебных пособий и научных сборников по межкультурной коммуникации ⁹¹. Но, в целом, это направление в России стоит лишь у истоков своего развития, исследований еще сравнительно мало. Оно, безусловно, является междисциплинарным: его изучение возможно в самых разных аспектах — лингвистическом, историко-культурологическом, социально-экономическом и других.

Чтобы понять так называемую «культурную мотивацию» переселения в Россию, стоит сначала упомянуть о существовании «идеологической мотивации», т. е. о существовании в европейской общественной мысли идей, которые используют Россию как некий символ, условный пример для подтверждения некоторых своих постулатов. Причем эти постулаты могут иметь весьма отдаленное отношение к реальной жизни. Как правило, это идеи традиционализма, а иногда даже романтического «примитивизма» (идеализации простоты и первобытности ⁹²).

Примеры такого авантюрно-романтического тяготения к России, к ее необычной загадочной культуре (хотя иногда не лишено и корыстных мотивов) у западноевропейцев встречаются со стародавних времен. Так, например, уже в сочинении о России французского капитана Жака Маржерета, бывшего на службе у Бориса Годунова и двух Лжедмитриев, можно встретить нотки романтизации простой и традиционной русской жизни, восхищения могуществом Русского государства, которое он называет не иначе как Империей ⁹³. Этого человека явно тянуло в Россию — он уезжал и снова возвращался (последний раз он попытался вернуться, завербовавшись на службу к князю Пожарскому, но уже безуспешно) ⁹⁴. Другой еще более яркий пример — влюбленность в Россию английского журналиста «Times» Стефана Грэхема ⁹⁵, который объездил ее всю вдоль и поперек, совершил вместе с русскими паломничество в Иерусалим и написал очень много книг о России. Однако Грэхем так и не поселился в России на постоянное местожительство. Европейская иммиграция в Россию, как это обычно и бывает, носила в основном прагматический характер — иностранцы вербовались на службу (военную, медицинскую, губернаторскую и т. п.) с целью заработка.

Наконец, еще одним восхищенным Россией европейцем был немецкий философ Вальтер Шубарт, последователь в этом отношении Ос-

вальда Шпенглера, автора «Заката Европы». В. Шубарт, как и Шпенглер, противопоставлял Россию Европе и доказывал, что спасение Европы и мира возможно только благодаря православной славянской идее. Из-за этих своих прославянских взглядов он был вынужден эмигрировать из Германии в Латвию, где в 1941 г. был арестован и бесследно сгинул в лагерях НКВД⁹⁶. Разумеется, этот исторический список европейцев, неровно дышащих к России, можно было бы еще продолжить.

В современной общественно-политической мысли Европы также немало «русофилов», точнее говоря, даже не русофилов в широком смысле слова, но идеализирующих в России исключительно традиционное и консервативное начало. Так, многие представители ультраправых, иначе говоря, консервативно-националистических сил в Европе симпатизируют современной России и политике президента Путина. Достаточно упомянуть высказывания на эту тему лидера французских националистов Марин Ле Пен, главы австрийской Партии свободы Хайнца Христиана Штрахе или лидера ультранационалистической партии Венгрии «Йоббик» Габора Вона⁹⁷. В основе этих симпатий лежит все то же преклонение перед консерватизмом и традиционными ценностями «христианской цивилизации», одним из символов которых в сознании ультраправых является современная Россия. Это явление не ново. И в царской России в прошлые века точно так же многие консервативно настроенные деятели видели такой же идеал — тогда как для либералов Россия, как оплот консерватизма, была всегда напротив «антиидеалом», т. е. идеалом со знаком минус⁹⁸.

Но идеологические и политические мотивы иммиграции из Европы имели место только во времена СССР, куда бежали преследуемые на Западе люди коммунистических убеждений (так, например, много политических беженцев приютил Советский Союз в период гражданской войны в Испании). Случаи иммиграции в постсоветскую Россию из стран Запада по идеологическим соображениям нам неизвестны, за исключением одного сделанного девять лет назад заявления бельгийского националиста Даниэля Ферэ о намерении просить политического убежища в России⁹⁹. Видимо, восхваление консервативной России необходимо современным ультраправым лишь для внутреннего пользования.

Современные европейцы, как правило, иммигрируют в Россию исходя не из идеологических побуждений, а из соображений практиче-

ских, зачастую случайных (кто-то устроился на работу в России, занимается здесь бизнесом, журналистикой и т. п.). Но при этом многие иммигранты, попавшие в Россию даже нецеленаправленно, а волей случая, не остаются к ней равнодушными — порой в отрицательном, но часто и в положительном смысле. Положительное восприятие России среди иммигрантов — совсем не редкость. Иначе бы они не оставались здесь надолго. А многие из них женятся на русских и остаются здесь навсегда. Такие примеры есть, в частности, и на моем родном Алтае: например, главный тренер детского футбольного клуба «Рубин» (г. Барнаул) и президент Академии футбола при ДЮСШ «Рубин» Кристоф Ламери. А его друг серб Аднан Хаджиабдич бежал в братскую Россию из-за войны в Югославии и сейчас тоже живет в Барнауле, правда до сих пор не получил российского гражданства¹⁰⁰.

По России таких примеров немало. Об одном самом известном (благодаря ТВ) примере французского журналиста П.-К. Броше уже говорилось ранее. Симптоматичен уже сам факт, что свою передачу на российском телевидении он назвал «Россия, любовь моя!». Продолжая тему французов, влюбленных в Россию, вспоминается также история известной французской журналистки Анн Нива, которая долго жила в России и даже купила в Рязанской области избушку с полуразвалившейся банькой¹⁰¹.

Давно влюблен в Россию и французский путешественник, музыкант, писатель и фотограф месье Тристан (настоящее имя — Филипп Буржуа). В 2012 г. он совершил путешествие по российскому Алтаю, результатом которого стало издание фотоальбома и написание книги путевых заметок¹⁰². Тристан присутствовал на открытии памятника Его Величеству Крестьянину в Барнауле и пришел в восторг от музеев Барнаула и Бийска. До посещения Сибири француз много раз бывал со своими фотовыставками в Саратове. По словам Филиппа Буржуа, его любовь к России «идет в первую очередь из литературы, а еще — из фильмов А. Тарковского»¹⁰³.

Еще один совсем молодой француз, который тоже очень полюбил Россию, живет здесь уже год и собирается оставаться надолго — это предприниматель Джонатан Кор, продающий блины в московском саду «Эрмитаж». Не так давно он принимал участие в обсуждении на канале «ОТР» (в передаче «Человек с киноаппаратом») документального фильма Ксении Мостинцев «Я — супер Джей» (2011 г.), посвященного

необыкновенным приключениям австралийца Джея Клоуза, решившего стать фермером в России. Австралиец, кстати, тоже влюблен в Россию и безуспешно пытается ее понять уже 17 лет (поэтому, собственно, и переехал сюда и занялся фермерством) ¹⁰⁴.

Неким аналогом француза П.-К. Броше среди англичан можно назвать англичанина Джона Уоррена, ведущего программы «Поедем, поедим!» на канале НТВ. Джон Уоррен — филолог и кулинар, давно влюбленный в Россию ¹⁰⁵. Он более 30 лет изучает русский язык и более 20 лет живет в России ¹⁰⁶. Его кулинарное шоу снимается в разных регионах России, где местные жители-герои передачи делятся местными традиционными рецептами блюд ¹⁰⁷. В том числе, Уоррен уже дважды побывал и на Алтае (в августе 2013 и в марте 2015 года), где успел приготовить черемуховый торт, варенье из тыквы, хлеб с берестой и многое другое, а также принял участие в увлекательных экскурсиях по историческим местам Барнаула ¹⁰⁸.

Другой любопытный пример — англичанин Джон Фитцпатрик, начавший в России довольно успешный бизнес практически с нуля, который прекрасно говорит по-русски и, судя по его словам в интервью на телеканале «Просвещение», счастлив в России и уже ощущает себя отчасти русским.

Среди влюбленных в Россию англичан, давно осевших здесь, создавших свое дело и справно работающих на нашу экономику, нельзя не упомянуть и фермера Джона Кописки, задававшего вопрос президенту Путину на его «Прямой линии» 16 апреля сего года и очень эмоционально сетовавшим на проблемы фермерского хозяйства в России ¹⁰⁹.

Еще один успешный англичанин, давно живущий в России, Майкл Гибсон так говорит о ней и о своей истории приезда: «Когда развалился СССР, я хотел посмотреть, как изменилась эта страна. Меня тянуло к приключениям и такого масштабного события я пропустить не мог. И я не ошибся, тут живут удивительные люди. Любой жизненный кризис, который вогнал бы европейца в глубокую депрессию, они могут решить от души посмеявшись... Я привык к погодным условиям в России, а зиму полюбил всей душой. Я даже в проруби купаюсь как минимум раз в неделю. Если уж быть русским, то до конца. По выходным я люблю заниматься греблей в Серебряном Бору или смотреть фильмы в 35ММ» ¹¹⁰.

А владелец сети ресторанов баварской кухни в Москве немец Эрхарт Виллюмайт рассказал такую историю о своем обустройстве в России: «Я познакомился с Россией еще в 1991 году и уже тогда почувствовал себя здесь как дома. С тех пор я планировал здесь жить и работать... Я в общем ни по чему не скучаю, потому что красоту Баварии вполне можно найти на Алтае, а культуру еды я здесь сам меняю. Россия, как живой организм, быстро подо все подстраивается и никогда не спит»¹¹¹. Подобных примеров можно приводить много, достаточно вспомнить хотя бы таких известных личностей, как «русский финн» Вилле Хаапасало или не так давно получивший русское гражданство известный французский актер Жерар Депардьё (который, правда, помимо декларируемой им любви к русской культуре, имел для получения российского гражданства, как всем известно, весомые экономические мотивы).

Завершая этот перечень примеров, стоит упомянуть известного медиамагната, родом из Голландии, сделавшего очень успешную карьеру в России — Дерка Сауэра. В своем недавнем интервью он сказал: «Я не согласен со всем, что говорят о России на Западе. Я оказался сейчас в странном положении: в Голландии меня знают как главного защитника России, и меня там много критикуют, называют другом Путина. Здесь же все западное теперь воспринимается как антироссийское, что, конечно, чушь». Но, несмотря на ухудшающие обстоятельства, он говорит, что «пока ни разу не задумывался о том, чтобы уехать из России»¹¹².

Таким образом, в заключении хотелось бы еще раз подчеркнуть возрастающую роль культурного аспекта миграций в современном глобализирующемся мире и необходимость разностороннего изучения проблемы межкультурных коммуникаций, потому что именно в ней кроется как причина всех негативных восприятий, так и возможный залог взаимопонимания и, следовательно, оптимизации отношений между народами.

---

¹ Межуев В. М. Классическая модель культуры: проблема культуры в философии нового времени // Культура: теории и проблемы / Под ред. Т. Ф. Кузнецовой. М., 1995. С. 8.

² Ср.: Тайлор Э. Б. Первобытная культура. М., 1989. С. 8.

³ Мак-Нил У. Восхождение Запада: история человеческого сообщества. Киев—М., 2004.

⁴ Там же. С. 5.

-
- ⁵ Понтинг К. Всемирная история. Новый взгляд. М., 2010.
- ⁶ Huntington S. P. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. Vol. 72. № 3. Summer 1993; Idem. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N. Y.—L.; Toronto; Sydney, 1996.
- ⁷ Ср.: Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М., 2004.
- ⁸ Ср.: Осборн Р. Цивилизация. Новая история Западного мира. М., 2010; Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М., 2003; Постзападная цивилизация. Либерализм — прошлое, настоящее и будущее / Под общ. ред. С. Н. Юшенкова. М., 2002.
- ⁹ Le Goff J. Die Grenzen Europas // Die Zeit. №50. 7.12.2000. S. 61–64. URL: http://www.zeit.de/2000/50/Die_Grenzen_Europas; ср.: Границы Европы. Интервью с Ж. Ле Гоффом // Die Zeit. 7.12.2000 / Сокр. пер. с нем. В. Синицы. URL: <http://inosmi.ru/untitled/20001207/144038.html>
- ¹⁰ Как, наконец, проходит граница между Европой и Азией? Отвечает д.г.н., проф. А. П. Горкин // География. 2010. № 10. URL: http://geo.1september.ru/view_article.php?id=201001020
- ¹¹ Дитмар А. Б. К истории вопроса о границе между Европой и Азией // Ученые записки Ярославского государственного педагогического института имени К. Д. Ушинского. Вып. XX (XXX). Ч. 1. География. Ярославль, 1958. С. 35. URL: <http://tapemark.narod.ru/pedagog/ditmar2.html>
- ¹² Там же. С. 35—49; ср.: Чибилёв А. А. Евро-азиатская граница: история вопроса и современные представления. URL: <http://orenburg.rgo.ru/about/publikacii/evro-aziatskaya-granica-istoriya-voprosa-i-sovremennye-predstavleniya>; Чибилёв А. А., Богданов С. В. Граница Европы и Азии по Уралу. URL: <http://oren-icn.ru/index.php/retrospectiva/685-eagraniza>; Чичагов В. П. Граница Европы и Азии // География. 1997. № 12. URL: <http://geo.1september.ru/1997/no12.htm>
- ¹³ Дэвис Н. История Европы / Пер. с англ. Т. Б. Менской. М., 2004. С. 7
- ¹⁴ Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях / Пер. С. А. Аннинского. М.—Л., 1936. С. 68.
- ¹⁵ Там же; Дэвис Н. Указ. соч. С. 8; ср.: Tazbir J. Myśl i Polska w nowożytnej kulturze europejskiej. Warsz., 1986. S. 101—105.
- ¹⁶ Wilczyński W. Europa: geograficzna wspólnota ducha // Pressje. 2011. № 26—27. S. 21. URL: http://pressje.pl/media/pressje_shop/article/article__issue_294.pdf; ср.: Вильчинский В. Где кончается Европа? / Сокр. пер. с польск. URL: <http://www.kresy.pl/publicystyka,opinie?zobacz/gdzie-konczy-sie-europa>
- ¹⁷ Воронов П. С. Очерки о закономерностях морфометрии глобального рельефа Земли. Л., 1968.
- ¹⁸ Цит. по: Чибилёв А. А., Богданов С. В. Указ. соч.
- ¹⁹ Татищев В. Н. Избранные работы по географии России / Под ред. А. И. Андреева. М., 1950; см. тж.: Дитмар А. Б. Указ. соч.
- ²⁰ Дитмар А. Б. Указ. соч. С. 48.
- ²¹ Олеарий А. Описание путешествия в Московию / Пер. с нем. А. М. Ловягина. Смоленск, 2003. С. 159; ср.: Чибилёв А. А., Богданов С. В. Указ. соч.
- ²² Дитмар А. Б. Указ. соч. С. 39.

-
- ²³ Wilczyński W. S. 22 — Цит. по: Вильчинский В. Указ. соч.
- ²⁴ Ср.: Le Goff J. *Op. cit.*; Как, наконец, проходит граница...; Дэвис Н. Указ. соч. С. 7; Алексеев А. С. Является ли Россия в историческом смысле частью Европы // *Наука и жизнь*. 2006. № 11.
- ²⁵ Ségur L.-P. *Tableau historique et politique de l'Europe de 1786 à 1796*. 3e ed. P., 1803. — Цит. по: Дэвис Н. Указ. соч. С. 8.
- ²⁶ См. там же.
- ²⁷ Ср.: Stökl G. *Rußland und Europa vor Peter dem Großen* // *Rußland, Europa und der deutsche Osten*. Münch., 1960. S. 57—58; idem. *Russische Geschichte*. Stuttg., 1965. S. XII.
- ²⁸ Cf. Parker W. H. *An Historical Geography of Russia*. L., 1968. P. 27—29. — Цит. по: Дэвис Н. Указ. соч. С. 8.
- ²⁹ Cf. Meurer P. *Europa Regina*. 16th Century Maps of Europe in the Form of a Queen // *Belgeo. Revue Belge de Géographie*. 2008. № 3—4. *Formatting Europe — Mapping a Continent*. URL: <http://belgeo.revues.org/pdf/7711>
- ³⁰ Duroselle J.-B. *Europe. A History of Its Peoples*. L., 1991; cf.: Davies N. *Europa. Między Wschodem a Zachodem*. Kraków, 2007. S. 6.
- ³¹ Seton-Watson H. *What Is Europe, Where is Europe? From Mystique to Politique*. 11th Martin Wight Lecture, delivered at the Royal Institute of International Affairs, 23 Apr. 1985 // *Encounter*. 1985. 65/2 (July-Aug.) P. 14; cf. Davies N. *Heart of Europe. A Short History of Poland*. Oxf., 1984.
- ³² Дэвис Н. Указ. соч. С. 10; см.: Носков В. В. *Изобретая Центрально-Восточную Европу. К выходу в свет коллективного труда польских и французских историков «История Центрально-Восточной Европы» // Диалог со временем*. 2010. № 32. С. 323—346.
- ³³ Чибилёв А. А. Указ. соч.
- ³⁴ Cf. Parker W. H. *Europe: How far?* // *Geographical Journal*. 1960. Vol. 126. Part 3.
- ³⁵ «Познер». 24 марта 2014 г. Гость в студии — Кшиштоф Занусси. URL: http://www.1tv.ru/sprojects_edition/si5756/fi30337; От Лиссабона до Владивостока. Владимир Путин рассказал о перспективах сотрудничества России и Европы. URL: <http://www.rg.ru/2010/11/26/putin.html>; Путин предлагает создавать Европу от Лиссабона до Владивостока. URL: <http://www.rg.ru/2014/04/17/bolshaya-evropa-anons.html>
- ³⁶ *Большая Европа: идеи, реальность, перспективы* / Под общ. ред. А. А. Громыко и В. П. Федорова. М., 2014. С. 117.
- ³⁷ Там же. С. 120.
- ³⁸ Как, наконец, проходит граница...
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же; Чибилёв А. А. Указ. соч.; Чибилёв А. А., Богданов С. В. Указ. соч.; Чичагов В. П. Указ. соч.
- ⁴¹ Le Goff J. *Op. cit.*

-
- ⁴² Гройс Б. В ожидании русской культурной идентичности // Критическая масса. 2003. № 3.
- ⁴³ Кантор В. К. Русский европеец как задача России // Вестник Европы. 2001. № 1.
- ⁴⁴ Евреинов Г. А. Самобытность или отсталость?.. // Вестник Европы. 1904. № 2. С. 570—584.
- ⁴⁵ Дэвис Н. Указ. соч.
- ⁴⁶ Stökl G. Das Bild des Abendlandes in den altrussischen Chroniken. Köln; Opladen, 1965; cf. idem. Rußland...
- ⁴⁷ Сокольский М. М. Неверная память: герои и антигерои России. М., 1990.
- ⁴⁸ Карташев А. В. Собрание сочинений. Т. I. Очерки по истории русской церкви. М., 1992.
- ⁴⁹ См.: Синицына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV—XVI вв.). М., 1998.
- ⁵⁰ Константинов С. В., Ушаков А. И. Восприятие истории народов СССР в России и исторические образы России на постсоветском пространстве // Национальные истории в советском и постсоветском государствах / Под ред. К. Аймермахера, Г. А. Бордюгова. М., 1999. С. 80.
- ⁵¹ Ленин В. И. К вопросу о национальностях или об «автономизации» // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М., 1970. Т. 45. С. 357.
- ⁵² Ср. Смолин М. Б., «Украинский туман должен рассеяться и русское солнце взойдет». Украинофильство в России. Идеология национального раскола // Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. М, 1998.
- ⁵³ Cf. Lippman W. Public opinion. L., 1965. — цит. по: Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М., 1999. С. 241; Мамедов М.Н. Массовые стереотипы и предрассудки в национальных историях и представлениях о прошлом // Национальные истории в советском и постсоветском государствах / Под ред. К. Аймермахера, Г. А. Бордюгова. М., 1999. С. 104.
- ⁵⁴ См.: Ельчанинов В.А. Методологические проблемы исторической науки. Барнаул, 1990. С. 12 и сл.
- ⁵⁵ См.: Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира / Пер. с фр. М., 1992. С. 214 сл.
- ⁵⁶ Ср.: Трубайчук А. Михаил Грушевский и истоки украинской государственности // История в школі. 1996. № 1.
- ⁵⁷ О происхождении названий «Малая», «Белая», «Великая» и пр. Русь см.: Соловьев А.В. Великая, Малая и Белая Русь // Вопросы истории. 1947. № 7. С. 24—38; Агеева Р.А. Страны и народы: происхождение названий. М., 2002. С. 171 сл.
- ⁵⁸ См.: Константинов С.В., Ушаков А.И. Указ. соч. С. 84.
- ⁵⁹ Cf. Dyserinck H. Zum Problem der „images“ und „mirages“ und ihrer Untersuchung im Rahmen der Vergleichenden Literaturwissenschaft // Arcadia. 1 (1966). S. 107—120. URL: <http://www.imagologica.eu/dyser>; Ощепков А. Р. Имагология // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 1. С. 251—253.

---

⁶⁰ См. подробный перечень этих работ в статьях: Лукин А. В. Образ Китая в России (до 1917 г.) // Проблемы Дальнего Востока. 1998. № 5—6. Он же. Эволюция образа Китая в России и русско-китайские отношения // Неприкосновенный запас. 2003 № 3 (29). URL: <http://nlo.magazine.ru/philosoph/sootech/sootech65.html>

⁶¹ Самойлов Н. А. Образ Китая в России: историография вопроса и методология изучения (Тезисы доклада на XX научной конференции по историографии и источниковедению истории стран Азии и Африки 6—7 апреля 1999 г. в г. Санкт-Петербурге): <http://orient.ru.ru/conferences/april1999/054.html>

⁶² См. прим. № 2.

⁶³ См. об этом: Православие на Дальнем Востоке. 275-летие Российской Духовной Миссии в Китае / Сост. сборника Н. А. Самойлов. СПб., 1993. С. 5 слл.

⁶⁴ Цит. по: Новгородская Н. Ю. Роль и место российской духовной миссии в Пекине в истории русско-китайских отношений (конец XVII—XVIII в.) // Православие на Дальнем Востоке... С. 9.

⁶⁵ См.: Нестерова Е. В. российская Духовная Миссия в Пекине и начало русских контактов в сфере изобразительного искусства // Православие на Дальнем Востоке... С. 127—133; Пчелинцева К. Ф. Образ Китая в поэзии А. С. Пушкина и трудах мыслителей XIX века // Язык, культура, менталитет: проблемы изучения в иностранной аудитории. Материалы международной конференции. СПб, 2003.

⁶⁶ Samson-Himmelstjerna Н. Die gelbe Gefahr als Moralproblem. Berlin, 1902. — Цит. по: Слонимский Л. Э. «Желтая опасность» // Вестник Европы. 1904. № 5. С. 310 слл.

⁶⁷ Ср.: Сербиненко В. В. В. С. Соловьев о Китае // XIII научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. М., 1982. Т. I. С. 227—235.

⁶⁸ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. СПб., 1995. Глава IV.

⁶⁹ Цит. по: Ольденбург С.С. История царствования Николая II. (Репринт. изд.) СПб., 1991. С. 112.

⁷⁰ Там же. С. 123 сл. Об иного рода, колонизаторских, взглядах на дальневосточный регион, которых придерживался, например, известный ученый Н. М. Пржевальский, см.: Схиммельпэнник ван дер Ойе Д. Свет с Востока // Родина. 1995. № 11.

⁷¹ Ольденбург С.С. Указ. соч. С. 128.

⁷² Интервью китайской газете «Жэньминь жибао», китайскому информационному агентству Синьхуа и телекомпании РТР. URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/24168>

⁷³ Слонимский Л. Э. Указ. соч. С. 321.

⁷⁴ Лацис О. Р. Почему Россия не Китай // Вестник Европы. 2001. № 2. URL: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2001/2/lac.html>

⁷⁵ W. Из жизни на Дальнем Востоке. 1900—1903 гг. // Вестник Европы. 1904. № 4. С. 433—478. № 5. С. 5—37. № 6. С. 466—492.

⁷⁶ Там же. № 6. С. 487.

⁷⁷ Там же. № 5. С. 20.

⁷⁸ Данные опроса приводятся по информации сайта информационно-аналитического агентства «Маркетинг и консалтинг»: <http://www.iamik.ru/8527.html> Справед-

---

ливости ради следует отметить, что у некоторых ученых, специалистов по международным отношениям России со странами Дальнего Востока, напротив, складывается весьма осторожное и даже настороженное отношение к современному Китаю — ср.: Афанасьев Е. В., Логвинов Г. С. Россия и Китай на пороге третьего тысячелетия // *Международная жизнь*. 1995. № 11—12. С. 51—60; Ларин В. Л. Россия и Китай на пороге третьего тысячелетия: кто же будет отстаивать наши национальные интересы? Взгляд с российского Дальнего Востока // *Проблемы Дальнего Востока*. 1997. № 1. С. 15—20.

⁷⁹ Лукин А. В. Эволюция образа Китая... — Цит. по электронной версии: <http://nlo.magazine.ru/philosoph/sootech/sootech65.html>

⁸⁰ Плаксен Е. А. Интеграция Приморья в экономическую структуру АТР. Общественное мнение населения и особенности взглядов руководства // *Россия и АТР*. Декабрь 1993. № 2 (4). С. 40.

⁸¹ Печко Л. П. Эстетическое воспитание // *Российская педагогическая энциклопедия*. В двух томах. М., 1999. Т. II (М—Я). С. 625.

⁸² См.: Образ России. Русская культура в мировом контексте // Под ред. акад. Е. П. Чельшева. М., 1998. С. 5—36.

⁸³ Анненков Ю. П. *Дневник моих встреч: цикл трагедий*. Л., 1991. Т. II. С. 247.

⁸⁴ Штомпель В. Г. Развитие художественно-эстетического воспитания как органическая часть гуманистического образования. URL: http://gcon.pstu.ac.ru/pedsovet/programm/-section=2_7-1.htm

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ См.: Юренев Р. Н. Эстетические воззрения мастеров итальянского неореализма // *Современное искусствознание за рубежом*. М., 1964. С. 289—290.

⁸⁷ Миграционный прирост населения России за 2011 год по новым правилам учета составил 320 тысяч человек, а по прежним — 107 // *Демоскоп Weekly*. № 501—502. 5—18 марта 2012. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0501/barom01.php>

⁸⁸ О проекте «Россия, любовь моя!». URL: http://tvkultura.ru/brand/show/brand_id/43908; «Россия К» покажет цикл передач о России, снятых французским коллекционером // *Российская газета*. 24.05.2013. URL: <http://www.rg.ru/2013/05/24/broshe-anons.html>

⁸⁹ См.: Cross-cultural communication. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Cross-cultural_communication; Edward T. Hall and The history of intercultural communication: The United States and Japan // *Keio Communication Review*. № 24. P. 1—5. URL: <http://www.mediacom.keio.ac.jp/publication/pdf2002/review24/2.pdf>

⁹⁰ Грушевицкая Т. Г., Попков В. Д., Садохин А. П. *Основы межкультурной коммуникации*. Учебник для вузов. М., 2003. С. 8—9.

⁹¹ Ср.: Грушевицкая Т. Г., Попков В. Д., Садохин А. П. *Указ. соч.*; Белянин В. П. *Психоллингвистика*. Учебник. 2-е изд. М., 2004; Тер-Минасова С. Г. *Язык и межкультурная коммуникация*. М., 2000; *Русское и немецкое коммуникативное поведение*. Вып. 1. Воронеж, 2002; *Русское и французское коммуникативное поведение*. Вып. 1. Воронеж, 2002.

⁹² Cf. Lovejoy A. O., Boas G. *Primitivism and Related Ideas in Antiquity*. Balt., 1935.

---

⁹³ Ср.: Маржерет Ж. Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях (Тексты, комментарии, статьи) / Под ред. А. Береловича, В. Д. Назарова, П. Ю. Уварова. М., 2007. С. 115—116; 136—137.

⁹⁴ Лимонов Ю. А. Россия в западноевропейских сочинениях XV—XVII вв. // Россия XV—XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986. С. 10.

⁹⁵ См.: Третьякова С. Н. Россия глазами английского журналиста Стефана Грэхема // Россия и Запад: диалог культур. 4-я международная конференция 12—14 января 1998 г. Вып. 5. М., 1998. С. 281—287.

⁹⁶ См.: Шубарт В. Европа и душа Востока. М., 2003.

⁹⁷ Лидер французских националистов Марин Ле Пен назвала Владимира Путина своим единомышленником. URL: <http://echo.msk.ru/news/1322772-echo.html>; Le Monde: Венгрия стала «пятой колонной» Путина в сердце Европы. URL: <http://russian.rt.com/inotv/2014-04-20/Le-Monde-Vengriya-stala-pyatoy>

⁹⁸ Ср.: Заиченко О. В. Образ России и формирование национального самосознания в Германии // Россия и внешний мир: Диалог культур. М., 1997. С. 241—248.

⁹⁹ Бельгийский националист намерен просить у России политического убежища. URL: <http://www.polit.ru/news/2006/04/20/ybejische.html>

¹⁰⁰ «Чемодан — вокзал — Белград»? // Алтайская правда. 16.05.2014. С. 20. URL: http://www.ap22.ru/paper/paper_12263.html

¹⁰¹ Анн Нива: «Я просто люблю Россию» // Российская газета. 23.01.2002. С. 4. URL: http://www.rg.ru/Anons/arc_2002/0123/hit.shtml

¹⁰² Французский режиссер и писатель Филипп Тристан выпустил фотоальбом об Алтайском крае. URL: <http://brl.mk.ru/news/2013/09/17/916361-frantsuzskiy-rezhiser-i-pisatel-filipp-tristan-vyipustil-fotoalbom-ob-altayskom-krae.html>

¹⁰³ Панфило Е. Алтай глазами гостей. Между степью и горами миллионы лет чудес // Природа Алтая. 2012. № 11—12 (203—204). С. 7. URL: http://www.priroda-sibiri.ru/?id_page=8&id_razd=135

¹⁰⁴ Я — супер Джей. Лента о приключениях австралийца в России. URL: <http://www.otr-online.ru/programmi/super-dzhei-28582.html>

¹⁰⁵ Ср.: Англичанин, влюбленный в Россию, побывал в бийском тракторе. URL: <http://www.amic.ru/news/300459>

¹⁰⁶ Джон Уоррен. URL: http://www.ntv.ru/peredacha/poedem_poedim/last23881672

¹⁰⁷ Поедем, поедим! URL: http://www.vokrug.tv/product/show/Poedem_poedim

¹⁰⁸ В Барнаул приехал Джон Уоррен вместе со съемочной группой снимать шоу «Поедем, поедим». URL: http://altapress.ru/kultpohod/news/1708/v_barnaul_priehal_dzhon_uorren_vmeste_so_sjemochnoy_gruppooy_snimat_shou_poedem_poedim.html

¹⁰⁹ Путин обсудил надон с фермером Джоном. URL: <http://lenta.ru/news/2015/04/16/padoi>; ср.: Джон Кописки — «Комсомольской правде»: Я люблю Россию, свою жену Нину и русский самогон. URL: <http://www.kp.ru/daily/26368.4/3249442>

---

¹¹⁰ Жители Румынии, Германии, США, Тибета — об иммиграции в Россию. URL: <http://www.the-village.ru/village/situation/benchmarking/142213-zhiteli-rumynii-germanii-ssha-i-tibeta-ob-immigratsii-v-rossiyu>

¹¹¹ Там же.

¹¹² Москва глазами иностранцев. Дерк и Том Сауэры — о том, как все изменилось с 90-х. URL: <http://gorod.afisha.ru/people/derk-i-tom-sauery-o-tom-kak-vse-izmenilos-s-90h>.

Глава II. ЗАПАД И РОССИЯ: ИСТОРИЯ ВЗАИМОВОСПРИЯТИЯ

2.1. О специфике восприятия русских в польской литературной традиции XVI в.

Проблема восприятия русских в польской традиции XVI в. еще мало исследована. Конечно, она так или иначе затрагивалась в трудах по русской и польской истории, например, в работах польского историка К. Валишевского¹, сочинениях, посвященных русской истории соответствующего периода². Но специальных исследований на эту тему до недавнего времени было не слишком много³. В 1990-х. — начале 2000-х гг., в период недолгой демократизации России, появляется тенденция «наведения мостов» и с этой непростой в нашей истории страной — отношения с которой почти на всем ее протяжении были противоречивыми и сложными. На этой волне демократизации появляются новые интересные исследования (сборники статей) на тему взаимовосприятия польского и русского народов⁴. Безусловно, эту историю просто необходимо изучать для того, чтобы лучше понять истоки их современного далеко непростого восприятия и, быть может, способствовать его улучшению.

Наша задача — выявить и осветить на конкретных примерах основные, забегая вперед, скажем, достаточно противоречивые, тенденции восприятия русских (жителей Московии прежде всего) в польской традиции XVI в., то есть до эпохи русской Смуты. В XVI в. появляется уже достаточно источников на эту тему, чтобы можно было сделать вывод о тенденциях. Наше исследование лежит в русле так называемой имагологии — уже упоминавшегося выше довольно распространенного современного научного направления, сферой изучения которого являются национальные образы в литературной и вообще в художественной традиции.

Прежде чем характеризовать тенденции восприятия русских, необходимо понять, что же собой представляла польская культура конца XV — XVI вв. В Польше это была эпоха Возрождения и гуманизма — по общему признанию «золотой век» польской культуры⁵. На польскую культуру этого времени большое влияние оказывала Италия и

папский Рим. Огромную роль играл латинский язык (на котором писалось большинство сочинений) и античная традиция. Под влиянием античной этнографии известный польский ученый Матвей Меховский в своем знаменитом «Трактате о двух Сарматиях» (1517 г.) отождествил поляков с древними сарматами и дистанцировал их от «варварского» мира «азиатской Скифии»⁶. Это дало начало становлению так называемого «сарматизма» — специфического польского национального самосознания эпохи Возрождения и раннего Нового времени, преимущественно характерного для шляхты⁷. Идеи сарматизма развивали в дальнейшем М. Кромер, М. Стрыйковский, В. Гослицкий. В их сочинениях поляки все более представляли носителями цивилизации в пограничном варварском мире. Эти идеи, разумеется, отражались, на восприятии окружающих народов, в том числе русских. Более того, польские писатели этой эпохи очень гордились той политической свободой, которая существовала в их государстве и в этом тоже справедливо видели признак цивилизации. Поэтому политическая свобода также была важной мерой в их отношении к окружающим «варварским» народам.

В связи со всем вышесказанным, а также в связи с напряженными международными отношениями, конечно, негативная тенденция в отношении москвитов была очень развита в польской традиции этого времени. Мы приведем для ее характеристики лишь несколько самых ярких и показательных примеров. Начнем с того, что у многих польских писателей, а особенно у поэтов XVI в., москвиты отождествляются с античными скифами — типичными азиатскими варварами. Хотя М. Меховский ясно указывал, что москвиты — народ славянский, а современные «скифы» (точнее, жители древней Скифии или иначе азиатской Сарматии) — это, по Меховскому, татары. Но польские поэты и публицисты в идеологическом пылу готовы были этим пренебречь и отождествить русских с татарами. Идеология и эмоции (а идеи всегда эмоциональны) заставляют выхватывать самое главное, пренебрегая исторической точностью и порой даже творя мифы. Действительно, ведь, по сути, по давним тесным связям, образу правления, нравам русские — в глазах поляков — были чрезвычайно близки татарам. Так почему бы не отождествить их друг с другом и этнографически, связав обоих с античными варварами скифами, противопоставляемыми более цивилизованным сарматам? И московские государи, как правило, представляются польским писателям сущими азиатскими варварами. Так, Ивана Гроз-

ного один из публицистов называет «тираном, худшим, чем Нерон, кормящимся человеческой кровью»⁸. Некоторые авторы, однако, объясняют это тем, что он не принадлежит вполне к русскому народу, так как его мать — татарка. И в этом, может быть, заметно лучшее отношение к русским, чем к татарам. Тем не менее, например, А. Чешельский называет московитов, как и татар, «враждебным нам народом»⁹.

Противопоставление московитов полякам по линии «деспотизм — свобода» особенно ярко выражено у известного проповедника Брестской унии Петра Скарги. Он писал, обращаясь к соотечественникам: «Граждане Турецкого и Московского государств, смотрите, какой гнет и тиранию терпят...; не такая ваша родина: мать она для вас, а не мачеха»¹⁰. Справедливости ради, следует заметить, что точно также поляки противопоставляли себе даже литовцев, уже давно инкорпорированных в польскую цивилизацию. Например, С. Ожеховский еще в 1564 г. писал: «Ты, литвин, ходишь в ярме от рождения, или, как скованная в узде кляча, носишь на хребте своего господина, а я, поляк, парю, как орел без привязи, на моей прирожденной свободе, под моим королем»¹¹.

Следуя исторической логике, не могло быть места в польской традиции положительному восприятию московитов — по крайней мере, в этот период их сильнейшего соперничества из-за русских земель. Однако культурологическая логика подсказывает, что народы русский и польский исконно все же очень близки — и этнически, и по языку и, как это ни странно, исторически — хотя бы по тому факту, что часть древнерусского народа долгое время проживала в составе Польско-Литовского государства. Кстати, к этим своим русским подданным поляки относились довольно хорошо, и определенная часть шляхты была православной, и вообще в Польше в это время (по крайней мере, до заключения унии 1596 г.) царила веротерпимость¹². На самом деле, примеров положительного отношения к московитам в польской традиции можно найти немало. У поляков, по-видимому, была такая черта, как готовность инкорпорировать (термин, возникший у них еще со времен польско-литовской унии 1386 г.) в свою культуру более отсталые варварские культуры, т. е. буквально «втелять» их в свою цивилизацию, сродняться с ними. Такое качество было в древности свойственно римской культуре. Параллели с Древним Римом напрашиваются даже в факте призвания на польский трон варварского литовского князя Ягай-

лы. Точно также римляне когда-то не чурались иноэтнических этрусских царей и императоров из варваров. Ведь главным для тех и других, очевидно, была не национальность, а принятие своей цивилизации, готовность ей служить и разделять ее ценности. Поэтому многие польские общественные деятели рассчитывали таким же образом инкорпорировать и московитов. Тем более, что многие их соплеменники-русские уже давно (вместе с Литвой) довольно успешно были инкорпорированы. Другое дело, что эти деятели сильно ошибались, потому что недопонимали и недооценивали собственных политических амбиций поднимавшегося Московского государства.

В подтверждение сказанного достаточно напомнить, что московские государи не один раз выдвигались в Польше кандидатами на королевский трон. В 1506 г. это был Василий III, сестра которого, Елена, между прочим, была замужем за предыдущим польским королем Александром Ягеллоном (причем в браке сохранила православие) (см. Валишевский, с 230). В 1573 г. и затем в 1575 г. кандидатом на польский престол выступал сын Ивана Грозного Федор, причем у него было немало сторонников, в основном среди мелкой шляхты, особенно, конечно, из православной¹³.

Один из самых горячих сторонников Москвы, Петр Мычельский, писал тогда: «Мы должны призвать на трон никого другого, но московского, который сердца большого и с большим достатком войну ведет». При этом Мычельский подчеркивал близость происхождения и языка двух славянских народов. Разделял Мычельский и идею инкорпорации более отсталого московского народа в польскую цивилизацию, отмечая, что царь, «проникнувшись отвращением к простоте людей своих и их обычаев, полюбит столь благородный народ польский». Другой, анонимный, публицист добавлял к этому, что московит «у нас или не хотел бы, или не мог бы быть тираном»¹⁴.

Но царь и поляки говорили на разных языках, совершенно не понимая друг друга. Например, архиепископ Иаков Уханский, большой приверженец кандидатуры царя, искренне старался ему помочь, научить его, как нужно себя вести, прислал ему образцы грамот, которые он должен был направить крупнейшим магнатам, чтобы заручиться их поддержкой. При этом Уханский всерьез думал, что Иван первым делом объявит о переходе в католицизм! Царь же смотрел на этот вопрос совсем иначе — он, как писал К. Валишевский, «по-своему, как на-

стоящий полуазиатский властелин, понимал свою популярность в Польше. Он думал, что... ему отдавали государство в полное его распоряжение»¹⁵. Судя по всему, у Грозного вообще был иной план в отношении Польши — разделить польско-литовское наследство на пару с императором Священной Римской империи¹⁶. Последний раз московская кандидатура звучала еще и на выборах 1587 г.

Таким образом, в отношении к Московской России в польской традиции XVI в. встречаются две противоположные тенденции — негативная, то есть восприятие русских Московии исключительно как враждебных по отношению к Польше варваров и позитивная, выражающаяся в понимании близости и родства этих народов и в готовности, по аналогии с Литвой, инкорпорировать москвитов в Польское государство. Польша и Московия не были в тот период заклятыми врагами (как например, в годы Смуты), в противном случае московские кандидатуры не могли бы не только иметь какой-то вес, но и вообще не могли бы ни предлагаться, ни рассматриваться.

Понимание того, что Россия и Польша далеко не всегда были врагами (какой стереотип у нас, к сожалению, довольно часто встречается), что были времена и случаи, когда они готовы были чуть ли не объединиться в одно государство, должно способствовать, на наш взгляд, лучшему пониманию и культурному сближению наших двух очень близких славянских народов.

2.2. Англия начала XVII века глазами русских

В исторической науке давно стала актуальной культурологическая проблематика. И в рамках такого подхода к истории одной из популярных тем становится изучение проблемы этнических образов в литературной традиции (так называемая имагология — от лат. *imago*, «образ») ¹⁷, которая, на наш взгляд, является частью более широкой проблемы межкультурных коммуникаций. С другой стороны, весьма актуальной до сих пор (и особенно в отечественной науке) является проблема культурных контактов, взаимодействия русской и западноевропейских культур ¹⁸.

Тема этого очерка, как во многом и предыдущего, лежит в русле обоих этих направлений и призвана осветить один любопытный эпизод в истории становления русско-английских культурных контактов. Проблема истории англо-русских отношений в целом довольно хорошо изучена в историографии ¹⁹. Уже давно были изданы и много раз переиздавались многочисленные сочинения английских дипломатов и путешественников о Московском государстве. Однако гораздо больше изучена тема английского восприятия. Что же касается особенностей восприятия русскими Англии, то здесь исследований существенно меньше, и большинство из них посвящены послепетровскому периоду в истории России ²⁰.

Принято считать, что отношения России и Англии завязались при Иване Грозном, и что это был наиболее англофильский царь ²¹. Однако это не совсем так. Первые сношения с Англией, очевидно, имели место еще при Василии III, когда в 1524 г. направлявшийся в Испанию из Москвы князь И. И. Засекин-Ярославский и сопровождавший его дьяк С. Б. Трофимов сделали остановку в Англии ²². А что касается англофильства, то современная отечественная исследовательница Т. Л. Лабутина, ссылаясь на сведения английского посла Джерома Горсея, полагает, что не меньшим англофилом, чем Иван Грозный, настоящим «ласкателем англичан» был Борис Годунов, который, между прочим, тоже подумывал об эмиграции в Англию ²³.

Надо сказать, что Борис вообще симпатизировал иностранцам и был первым до Петра Великого царем, который отправил русских молодых дворян учиться за границу ²⁴. Но в отношении Годунова к Англии дело обстояло не столь однозначно. Так, например, известный рос-

сийский специалист по истории международных отношений Ф. Ф. Мартенс писал, что изначально отношение Бориса к Англии складывалось не самым благоприятным образом. Хотя после смерти «вашего английского царя» (Ивана Грозного — по выражению сурового к иностранным кушам дьяка А. Я. Щелкалова) Елизавета, по совету Горсея, уповала на Бориса и его сестру царицу Ирину (супругу царя Федора) как на главных защитников англичан в России и писала им льстивые письма, Борис, по-видимому, таил на нее немало обид, в частности, например, из-за того, что в этом письме королева по ошибке назвала его «дьяком»²⁵. В это же время имело место неосновательное (как замечает Ф. Ф. Мартенс) неудовольствие московских властей по поводу будто бы нанесенных обид гонцу Р. Бекману, которого королева не сразу приняла. Вообще, начало царствования Федора (при фактическом правлении Бориса) было ознаменовано периодом очередного острого конфликта между Англией и Россией²⁶.

По поводу этой обиды Елизавета оправдывается тем, что была чрезвычайно занята важнейшими государственными делами и, к тому же, знала, что раньше весны он все равно не может возвратиться в Москву²⁷. В том, что касается места приема, которое, в силу лживого (если верить королеве) донесения Бекмана, тоже вызвало немалую обиду Москвы, Елизавета в свое оправдание сообщает, что то вовсе не был сад, в котором (как донес Бекман) разводится лук и чеснок, но «это прелестнейший и достойный государя сад», и что это место якобы «прилегал к самым тайным отделениям нашего дворца, и мы... в виде особенной милости, принимаем там только тех, которые наши приближенные и любезные слуги»²⁸. Эту историю мы привели не случайно. Она может отчасти объяснить причины необычайно теплого приема Елизаветой посольства Г. И. Микулина и в целом прояснить некоторые особенности отношения англичан к Московской России в тот период, когда торговые отношения с ней для англичан были крайне важны.

Как бы то ни было, но именно на царствование Бориса Годунова приходится один из самых интересных и успешных дипломатических эпизодов в отношениях Московского государства с Англией. Об этом эпизоде и пойдет речь в настоящем очерке. Помимо стремления пролить свет на этот малоизвестный, полузабытый эпизод в истории русско-английских связей (он вовсе не упоминается, например, в новейшей монографии на тему русско-европейских связей Т. В. Черниковой²⁹),

задачами очерка являются раскрытие своеобразных взглядов на Англию периода заката правления Елизаветы I с необычной стороны — представителей довольно далекой от нее тогда русской культуры, а также выявление характера и некоторых особенностей культурного взаимодействия двух народов в этот период.

Под упомянутым эпизодом мы имеем в виду посольство в Англию Григория Ивановича Микулина 1600—1601 гг., которое по праву может быть названо одним из крупных событий в истории дипломатии эпохи Годунова. Материалы этого посольства впервые были изданы в 1883 г. в 38-м томе «Сборника императорского русского исторического общества»³⁰, а впоследствии частично были включены в сборник «статейных списков» русских послов XVI—XVII вв., изданный в 1954 г.³¹ Об этом посольстве существует одно единственное специальное исследование, появившееся еще до опубликования самих материалов³²; кроме того, это посольство упоминается иногда, более или менее подробно, в работах, посвященных русско-английским отношениям³³. Возглавлял посольство, как уже было сказано, дворянин Григорий Микулин, а его помощником (секретарем) был подьячий Иван Зиновьев. По предположению авторов археографического обзора в последнем издании памятника, основные записи вел подьячий Зиновьев («Ивашка»), а посол потом при обработке текста «выбросил чересчур частые и нескромные упоминания своего помощника о его роли в переговорах»³⁴. Кроме того, в посольстве принимал участие переводчик англичанин Андрей Грот³⁵.

Об участниках посольства практически нет достоверных биографических сведений. Про Г. И. Микулина известно только, что он был, по словам грамоты, привезенной им от королевы Елизаветы, царского «двора шляхтич, знатного рода» (a Principall Gentleman of Your Courte), и в деле он постоянно называется дворянином³⁶. По-видимому, он не был профессиональным дипломатом. Автор исследования об этом посольстве Н. В. Чарыков нашел у Карамзина несколько упоминаний предположительно именно об этом человеке. Первое из них относится к 1590, а последнее — к 1610 году. Вероятно, Микулин был тот самый стрелецкий голова, который после смерти Бориса Годунова перешел на сторону Лжедмитрия I³⁷. Современный отечественный исследователь С. Н. Богатырев, автор публикации одного английского письма, имеющего отношение к нашей теме, утверждает, ссылаясь на данные истори-

ка В. Б. Кобрина, что Микулин выдвинулся еще при царе Иване Грозном, и в 1571—1572 гг. служил опричником³⁸. Скудость сведений русских источников (являющуюся вполне обычным явлением) в какой-то мере восполняет уникальный английский портрет Микулина, писанный во время его пребывания в Англии³⁹. Ниже приводится фотокопия этого портрета, находящегося сейчас в Историческом музее в Москве (библиография о портрете содержится в статье О. А. Белобровой⁴⁰). Рядом с ним мы приводим портрет Елизаветы I, к которой Микулин был послан и с которой очень тепло и довольно много общался в течение своего пребывания в Англии.

Г. И. Микулин, русский посол в Англии
Портрет работы неизвестного английского художника, 1601

Елизавета I, королева английская
Портрет работы Маркуса Чирэртса Младшего, 1595

Английский историк Н. С. Эванс, сопоставив данные портрета с тем, как описывал внешность Микулина один из англичан, лично видевший посла, пришел к выводу, что портрет скорее отражает впечатления художника, чем реальный образ посла. Судя по описанию, Микулин был очень полным высокорослым человеком, и его величественное лицо обрамляла черная борода. На портрете же Микулин изображен безбородым, с небольшими усами татарского типа⁴¹. Некоторый дополнительный свет проливает на личность посла сохранившееся в микулинском архивном деле письмо к нему английского государственного

деятеля сэра Эдварда Хоби от 15 мая 1602 г. (с ходатайством о каком-то англичанине, отправляющемся в Россию). Из этого источника можно сделать вывод, что Микулин был человеком, способным расположить к себе окружающих, проявлял заметный интерес к общению с иностранцами и был не чужд западной культуры⁴². Это подтверждал еще М. П. Алексеев, известный знаток русско-английских культурных связей⁴³.

В литературе довольно распространенным является мнение, что в допетровскую эпоху европейцы воспринимали русских по большей части как «варваров». Действительно, такое мнение находит подтверждение во многих источниках, в том числе и в английских. Варварами называли русских, например, Климент Адамс (излагающий историю плавания Ричарда Ченслера)⁴⁴ и Сэмюэл Коллинс⁴⁵, но особенно яркую картину «русского варварства» нарисовал в своих стихах-памфлетах из России английский поэт Джордж Турбервилль⁴⁶.

Однако стоит учитывать по меньшей мере три фактора, которые способствовали более лояльному отношению к русским. Первый фактор, безусловно, это огромная выгода англичанам от торговли с Россией, а также транзитной торговли через Россию с Персией. Потому так опасались английские правители гнева русских царей и, как правило, стремились всячески их задобрить разнообразными символическими почестями, особо уважительным отношением к царским послам, старанием угождать всем требованиям принятого при царском дворе этикета. Вторым фактором был приход на русский престол, как бы то ни говорили, в целом проанглийского царя Бориса Годунова, в отношении которого английская королева Елизавета всячески пыталась выразить свое расположение.

Наконец, третьим фактором мог быть, вероятно, и вполне искренний интерес, проявленный многими англичанами к необычной русской культуре. Некоторые англичане начали изучать русский язык и даже перевели с русского на английский несколько географических сочинений, могущих заинтересовать английского читателя (например, о путешествии одного сибирского казака в Монголию и Китай). По словам ряда английских путешественников, они читали также русские летописи⁴⁷. Поэтому не удивительно, что русский топоним встречается в произведениях Шекспира, Мильтона и многих других известных английских писателей⁴⁸.

По свидетельству Горсея, сама королева Елизавета проявляла интерес к русскому языку. Однажды, когда Горсей докладывал ей о полученных от русского царя привилегиях английским купцам (которых, по ее словам, они якобы не стоили), королева долго разглядывала одну из царских грамот, а потом приказала Горсею встать на колено рядом и начала расспрашивать, какое звучание имеет та или другая буква, находя их сходства с греческими, и наконец сказала: «Я бы скоро ему выучилась». По словам Горсея, она просила также своего тогдашнего фаворита лорда Эссекса выучить этот «знаменитейший и богатейший в мире язык», и он, «занимаясь этим, получил много удовольствия и восхищался им»⁴⁹.

Г. И. Микулин и И. Зиновьев (вместе с переводчиком А. Гротом) отплыли в Англию из Архангельского порта, как обычно, на одном из английских торговых кораблей 17 августа 1600 г. Посольство было отпущено царем Борисом еще 15 мая, но сборы и путешествия при тогдашнем уровне развития коммуникаций составляли длительный срок. Основной формальной целью посольства было сообщение Елизавете о вступлении Бориса Годунова на престол (в 1598 г.). Как отмечает Н. В. Чарыков, торжественное извещение дружественных государей о вступлении русских царей на престол в начале XVII в., по-видимому, уже утвердилось в дипломатической практике⁵⁰. снаряжение этого посольства было проявлением особого дружественного расположения Годунова к Елизавете. Обычно сношения с Англией велись посредством «гонцов», а Микулин был четвертым в истории этих отношений «посланником»⁵¹. Посол должен был также подтвердить торговые привилегии английских купцов⁵² и выразить удовлетворение по поводу того, что ходившие в Москве слухи об англо-турецкой дружбе, не подтвердились⁵³. Кроме этого, одной из важнейших задач, ставившихся перед послом, было выяснение характера отношений между английским правительством и соседями Русского государства — Польшей, Швецией и Турцией. Наконец, не последней задачей посольства было и привлечение в Россию из Англии «мудрых и мастеровых людей». Микулин привез трех таких человек⁵⁴.

18 сентября посольство прибыло в Англию, в город Грейвзэнд, недалеко от Лондона. На набережной его встретили «того городка приказный человек и с ним посадских людей человек двести». Подойдя к Микулину, этот приказный человек «виталя с ним за руки» (пожал

руку) и, при стрельбе из пушек с крепости и кораблей, проводил посла и его свиту и командира эскадры, доставившей посольство, Ивана Ульянова (известного английского купца Джона Меррика) до подворья. На следующий день из Лондона от королевы приехал «хибирский князь» (от лат. Hibernia — Ирландия) Ульян Розсей (граф Уильям Россель [Russell]) и с ним многочисленные «дворяне и гости (купцы)», в числе которых был Франчик Иванов (английский купец и путешественник Фрэнсис Черри), ездивший в Россию в 1598 г.⁵⁵ Россель приветствовал посла от имени королевы и препроводил в Лондон на королевских судах (по Темзе). Сама королева находилась в это время за городом «в селех своих», «от Лунда (Лондона) верст с двадцать».

Когда Микулин приближался к Лондону, Россель объяснил ему, что у того места, где ему предстоит выйти на берег, «пристает только одна королева и никто из ее великих ближних людей, ни князи, ни бояре, ни которых государств послы и посланники в этом месте не пристаюют. Эту особенную почесть «перед всеми иноземцы свыше иных государств послов и посланников» королева велела оказать русскому послу «ради его царского величества к себе братской любительной ссылки»⁵⁶. По пути, на улицах, на судах, по берегам было множество народа и с «города» и судов стреляли из множества пушек⁵⁷.

Как уже говорилось выше, такие особые почести по отношению к русской делегации были оправданы всегдашним особым вниманием русских того времени к детальному соблюдению этикета и проявлению должного уважения к представителям московского царя. В наказе Микулину содержатся подробные инструкции на этот счет. Послу вменялось в обязанность неустанно следить, чтобы вследствие несоблюдения какого-нибудь даже мелочного правила этикета, не умалилась «честь государева». Поэтому Микулин постоянно наблюдал за тем, кто шел по правую его руку и кто по левую, не сидел ли кто на более почетном месте, чем он, не присутствовали ли какие-то другие иностранные послы на его аудиенциях у королевы (согласно инструкции посла русского царя следовало принимать отдельно)⁵⁸ и т. п.

Свое первое впечатление от города Лондона авторы микулинского «статейного списка» передают следующим образом: «А города Лунда Вышгород [the Tower] камень, не велик, стоять на высоком месте, и около его воды обводные, а Большой город [City], стена каменна ж, стоит на ровном месте; около его ворота с четыре и больше, а через ре-

ку Темзь [Thames] меж посадов мост камен, а на мосту устроены дома каменные и лавки и торг великий устроен со всякими товары» (имеется в виду знаменитый London Bridge) ⁵⁹.

По прибытии на лондонский берег делегацию встретил «королевнин дворовой воевода лорд Харберт Пенброк» (Уильям Херберт, молодой придворный покровитель Шекспира, которому посвящено первое издание шекспировских пьес, унаследовавший от отца звание графа Пемброка спустя несколько месяцев после приезда Микулина ⁶⁰). Лорда Херберта сопровождали «князи, и дворяне, и дети боярские, и алдраманы (“aldermens”, члены городского совета), и гости на жеребцах и на конех, в наряде и в золотых чепях, человек с триста; и пешие многие люди, да королевниных дворовых людей дробантов человек со сто, с рогатинами з золочеными и с корды, в скорлатном червчатом платье; а на платье у дробантов шиты королевнины печати золотом» (так описывается традиционный костюм королевских телохранителей) ⁶¹.

Лорд Херберт «виталяся за руки» «з Григорьем и с Ывашком» и пригласил их сесть в специально присланные королевские «кочи» (очевидно, от англ. “coach”, экипаж, карета) ⁶². Посол сел в главную карету «в большом месте», напротив него сидел лорд Херберт, а «по сторонам в дверцах сидели с правые стороны князь Ульян Розсей [Уильям Россель], а с левую сторону сидел гость Иван Ульянов [Джон Меррик]». В другой «коче» сидели подьячий Иван Зиновьев и переводчик Андрей Грот, а с ними — купец Фрэнсис Черри ⁶³.

В течение своего пребывания в Англии русские неоднократно удаивались аудиенции у королевы и, судя по всему, престарелая королева прониклась к ним искренней симпатией. Например, однажды королеву очень позабавило, что после одного обеда у нее посол не хотел умыть рук в серебряном сосуде, поданном ему по ее приказанию: «И королевна почала быть весела и Григорью то похвалила, что ее почтил, рук при ней не умывал» ⁶⁴. Королева принимала Микулина много раз, в частности, 17 ноября 1600 года, в годовщину ее вступления на престол, посол был приглашен на вечер к королеве и наблюдал происходивший по этому случаю турнир — «королевину потеху, как пред нею билися, съезжаясь меж себя, князи и боярские дети, и дворяне в полных доспех на аргамацех и на жеребцах древцы» ⁶⁵.

В праздник Крещения (6 января 1601 г.) Микулин и Зиновьев были званы к королеве на обед, а перед обедом они вместе с королевой

присутствовали при обедне. Любопытно описание этой протестантской обедни: «А как королева вошла в церковь, учили играть в церкви в органы и в трубы и в иные во многия игры и пети, а сказывали приставы, что поют псалмы Давыдовы. А место, где попы служат, сделан рундук; а на рундуке поставлен стол, покрыть камкою, а на столе лежать две книги обложены золотом, а называют Апостолом да Евангилем, да на столах поставлены две свечи не зажжены, а попы стояли в ризах золотых, а по крыласам стояли дяки в стихарех белых. А как учили отпевать обедню и королева, подшед к месту, где попы служат, прилякнула на колени и дала попам на блюдо в трех бумашках, рассказывали приставы, что королева по своей вере по вся праздники приносит в дар Богу злато и ливан и смиру и, отдав, пошла к себе в палату»⁶⁶.

Во время обеда Микулин и Зиновьев сидели по левую руку от королевы за отдельным столом, и подавали им стоя, а не сидя, лорд Бедфорд и Джером Боус (бывший английский посол в России). После обеда у королевы Микулин получил приглашение отобедать у лорд-мэра Лондона; но так как Микулин не соглашался сесть за столом ниже лорд-мэра, а тот не соглашался уступить ему первое, хозяйское место, то Микулин на обед к лорд-мэру не поехал⁶⁷.

15 апреля королева прислала Микулину с дворянином князем Иваном Стафером (John Stafford), оленя, которого застрелила сама (как замечает по этому поводу Н. В. Чарыков, королеве в это время было 68 лет (на самом деле еще 67, т. к. Елизавета родилась 7 сентября — В. К.)⁶⁸. А 23 апреля Микулин получил приглашение «посмотрети, как она празднует мученику Георгию» (в Англии это, как известно, праздник ордена Подвязки). Когда он прибыл во дворец, его ввели в «невеликую особую палатку» (Микулин, как обычно, просил, чтобы в одно время с ним не было бы послов других государств), откуда можно бы видеть «королеву и чины ее»; а немного погодя, «шла королева из своих палат к церкви..., и пошла из церкви около своего двора, а перед нею шли митрополит да владыка и попы в ризах золотых и несли две книги, а называть их Евангелие да Апостол, а пели, сказывают, псалмы Давыдовы, а за митрополитом и за владыкой и за попы шли бояре, а над королевною несли солнешник камчат червчат (зонт из багряной камки), а около нее шли дворяне с рогатинами, а перед ней несли саблю (вероятно, государственный меч — Sword of State), а за королевною шли боярыни и девицы»⁶⁹.

Незадолго до отъезда посольства королева пригласила Микулина и Зиновьева «ехати гуляти в ее, королевнины, заповедные острова» «олений бити и зайцы травить» (посмотреть на королевскую охоту), «и колымагу прислала свою, в чем сама ездит». Причем, как сказал королевский ловчий, «в те острова никто не въезжает, ни князи, ни бояре, и иных некоторых государств послы и посланники; а то де королевна делает, любя брата своего, великого государя вашего, а вас жалючи; велела вам свою потеху показати; а после б деи того, чтоб вам пожаловати у меня сегодня ужинать и ночевать и завтра в островах тешитца»⁷⁰.

Прощальная аудиенция состоялась 16 мая 1601 г. Первоначальная аудиенция была краткой: королева только призвала Микулина к руке и с тем отпустила, на что посол очень обиделся и даже отказался принять участие в «фуршете» (откушать «овощей и вина»), сетуя лорду Сассексу и графу Дерби, что королева не «приказала челобитья к великому государю нашему, царю и великому князю Борису Федоровичю всея Руси самодержцу... и к царевичю, ко князю Федору Борисовичю всея Руси», и ему не с чем «к его царскому величеству приехати». После того как об этом доложили королеве, она пригласила Микулина к себе «в постельные коморы». В эту «невеликую палату» его препроводил граф Дерби.

Вот крайне любопытное описание прощальной аудиенции у королевы. Приводим его во всех подробностях. Когда Микулин вошел, «королевна с места своего встала и велела Григорью приступитись к себе близко и говорила: „Того деи себе и в мысли не держу, что был вам давеча отпуск; мне деи то как учинити, что к любительному моему брату, к великому государю вашему, к его царскому величеству, не подлинно наказав и челобитья не приказав, вас отпустить; а давеча де тебя позвала к руке, жалючи, и велела вас в столовой полате подчивати овощи и вины, чтоб деи тебе быти прокладну; а теперво деи вам от меня отпуск подлинной“. И велела поставити стула блиско подле себя, и велела Григорью сести. И Григорей на королевнине жалованье челом бил, и блиско королевны не сел, и отдвинув стула от того места с сажень, и сел на стуле; и посидя немного, встав королевна с места своего, говорила: „Теперво деи вас отпускаю: поедте к великому государю своему з божию помощью; а приказываю деи с тобою к любительному моему брату, к великому государю вашему, царю и великому князю Борису Федоровичю,

всеа Русии самодержцу...»⁷¹. Посольство вернулось в Россию 14 июля 1601 г.

В заключение следует добавить, что свидетельства русских послов о пребывании в Англии являются ценным источником не только по истории восприятия, но и важным и интересным источником по истории самой Англии периода заката великой елизаветинской эпохи. Микулин застал (в феврале 1601 г.) восстание против королевы ее бывшего фаворита лорда Эссекса, незадолго перед тем отстраненного от дел и лишеного всех должностей при дворе. Королева заранее узнала о планах Эссекса захватить дворец и Тауэр и позаботилась об усиленной охране. Восстание было подавлено, а лорд Эссекс схвачен и казнен⁷². Вот как описываются эти события в статейном списке Микулина: «И Лунда-город был заперт недели з две, а улицы замкнуты были чепми, а лунские люди все ходили в зборе наготове, в доспесех, с пицальми, остерегаючи королеву и опасаячися от иных окресных ближних государств эрл Эскетцкому вспоможенья, потому что он в Аглинской земли и в иных государствах славен был и любим»⁷³.

Как писал академик М. П. Алексеев, Микулин «довольно отчетливо представил себе события, совершавшиеся на его глазах. Он знал по именам главных действующих лиц неудавшегося заговора графа Эссекса, среди них шекспировского графа Саутгемптона, отметил сочувственное отношение к восстанию англичан посадских людей⁷⁴. Также, как явствует из одного печатного английского свидетельства 1605 г., Микулин, вероятно, помог одному из замешанных в восстании англичан (Джорджу Гарланду) скрыться из Англии в Россию. Микулин поселил его вблизи от своего поместья, неподалеку от Ярославля, и, вероятно, общался с ним⁷⁵.

Часто упоминаются у Микулина шотландские послы, с которыми он тоже вел переговоры. На этот счет Джером Боус поведал Микулину свою догадку, что «мы чаем, для того ссылка меж ими, государи, что ему, шкотцкому королю, быти после королевны на Аглинском королевстве»⁷⁶. «Шотландский» материал посольских записок дал почву для исследования английского ученого Н. С. Эванса⁷⁷. Наконец, по сообщению того же М. П. Алексеева, «статейный список» посольства Микулина был по достоинству оценен не только английскими историками, но даже театроведами. Он позволил автору исследования о комедии Шекспира «Двенадцатая ночь» Л. Хотсону вполне точно установить

дату первого представления этой комедии при дворе королевы Елизаветы в присутствии герцога Орсини (который является одним из героев этой комедии). В тексте статейного списка Микулина Вирджинию Орсини, герцог Браччьяно, именуется как «Итальянские земли Флоренской удельной князь Верджен Аурсинов»⁷⁸.

Из всего сказанного следуют по крайней мере два основных вывода. Во-первых, стоит подвергнуть сомнению устоявшееся мнение о том, что русские представлялись европейцам исключительно грубыми «варварами», дикарями. Рассмотренный случай микулинского посольства, напротив, свидетельствует о достаточно равноправных и взаимоуважительных отношениях, а со стороны престарелой королевы Елизаветы, вероятно, даже о некоем увлечении и симпатии к жителям далекой и экзотической, но очень выгодной для английской торговли страны. Возможно, здесь также сыграла свою роль и сама личность посла, который, как уже говорилось, видимо, умел расположить к себе людей и был положительно настроен к европейской культуре.

Во-вторых, следует отметить в целом благоприятное и доброжелательное отношение к англичанам и Англии у русских участников посольства. Это невооруженным глазом просматривается при чтении «статьевого списка». В нем практически отсутствуют какие-либо серьезные критические нотки в отношении англичан или черты распространённой в те времена религиозной или какой иной нетерпимости. Наоборот, повсюду в тексте заметен живой неподдельный интерес к чужой достаточно передовой культуре. Но все же главным для членов посольства было отстаивание интересов посланной их страны, строгое соблюдение правил этикета, непреклонное требование проявления уважения к своему государю. Таким образом, восприятие Англии участниками посольства 1600—1601 г. является примером прагматического и вместе с тем лояльного к чужой культуре подхода, открывающего широкий путь для взаимообогащающего культурного диалога.

2.3. Николай I и «имидж» России

Имидж страны складывается из разных факторов, и далеко не последним являются личности ее политиков, особенно, конечно, личность главы государства, ведь именно с ним в значительной степени ассоциируется страна в общественном сознании. Иногда политик может существенно повлиять на имидж страны, изменить его в лучшую или худшую сторону. Наиболее яркий пример первого случая для России — это, безусловно, Петр I. Навряд ли кто будет спорить с утверждением, что личность Петра положительно повлияла на образ России в мире. Личность Николая I, которую мы избрали темой этого очерка, являет собой обратный пример. Этот царь давно стал символом всего наихудшего в России — авторитаризма, бюрократии, полного подавления личности, «страшилищем для всех прогрессивных слоев европейского общества» (формулировка известного советского историка Е. В. Ггарле)⁷⁹. Почему так произошло, как и когда сформировался в общественном сознании исключительно отрицательный образ «николаевской России», каким в действительности был образ Николая I и России его времени в тогдашнем мире? Было ли что-то положительное в его влиянии на международный имидж России? Наконец, в какой мере именно личность царя определяла отношение к России того времени? Таковы задачи настоящего доклада.

Прежде чем начинать отвечать на поставленные вопросы, следует сделать оговорку, что понятие «имидж» применительно к первой половине XIX века звучит несколько модернизаторски, поскольку тогда не существовало ни самого этого термина, ни «имиджмейкерских» технологий. Поэтому, возможно, корректнее было бы употреблять такие слова, как «репутация» или «образ». Но все же, если понимать под имиджем целенаправленно формируемый в общественном мнении некий образ страны, то с полным правом можно утверждать, что именно в николаевские времена в мировом общественном мнении зарождаются первые ростки такого явления — т. е. целенаправленного формирования в общественном мнении определенных образов. Да и вообще пресса в это время, особенно, конечно, в годы Крымской войны, начинает становиться поистине «четвертой властью».

Итак, сперва о формировании отрицательного образа Николая I и его режима. В том, что николаевский режим действительно был непри-

глядным, нет никаких сомнений. Формированию такого образа в русской общественности способствовала почти вся его политика, начиная с жестокой расправы над декабристами. По этому поводу А. И. Герцен остроумно заметил, что царствование Николая I «торжественно открылось виселицами». Вообще, именно Герцен в значительной мере приложил руку к созданию одиозного стереотипа Николая I как душителя свободы и «жандарма Европы». Вот как этот известный общественный деятель и революционер характеризовал личность царя: «Высочайший фельдфебель», «подозрительный, холодный, упрямый, безжалостный, лишенный величия души — такая же посредственность, как те, что его окружали»⁸⁰. Взгляд царя, по словам Герцена, «имел свойство гремучей змеи — останавливать кровь в жилах» и являл собой «наглуемую откровенность самовластья», глаза его были без всякой теплоты, без всякого милосердия, зимние глаза»⁸¹.

Надо сказать, к Николаю I и его внутренней политике относился отрицательно далеко не один только Герцен и революционеры, но даже закоренелые консерваторы, такие, как например, Тютчев, эпиграмма которого на Николая заканчивалась словами «Ты был не царь, а лицедей». В русском обществе и в литературе бытовало много негативных прозвищ этого царя, который в официальной историографии, между прочим, носил прозвище «Незабвенный». Это и «коронованный барабанщик», и уже известный «высочайший фельдфебель», и «палач», и «кровавый» (как впоследствии также Николай II). Самым же знаменитым прозвищем, конечно, было «Палкин». Оно возникло еще при жизни царя, но по-настоящему упрочилось в общественном сознании уже гораздо позднее — при советской власти, после того как в 1917 году был впервые в России опубликован рассказ Льва Толстого «Николай Палкин», написанный еще в 80-е годы и до этого уже издававшийся за границей. Советские историки придерживались однозначно негативной оценки Николая I и его режима, который историк А. Е. Пресняков еще в 1925 г. охарактеризовал как «апогей самодержавия»⁸².

В зарубежном общественном мнении образ Николая I в основном складывался под воздействием таких его действий, как подавление восстания в Польше в 1831 г., интервенция в Венгрию и подавление венгерского восстания в 1849 г., а также под влиянием резко обострившегося при нем «восточного вопроса», вылившегося в Крымскую войну. Кроме того, многие русские общественные деятели, в том числе русские

эмигранты (Герцен, Огарев, Бакунин, Тургенев и др.) транслировали на Западе негативный образ Николая и его режима.

На западное общественное мнение определенное влияние оказала знаменитая книга побывавшего в России при Николае I маркиза Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 г.», которая была долгое время (вплоть до времен Николая II) в России, разумеется, под запретом, а в советское время была издана, в сокращенном варианте, под заглавием «Николаевская Россия»⁸³. Какой нелестный приговор вынес автор николаевской России, можно показать одной заключительной фразой: «Когда ваши дети вздумают роптать на Францию, прошу вас, воспользуйтесь моим рецептом, скажите им: поезжайте в Россию! Это путешествие полезно для любого европейца. Каждый, близко познакомившийся с царской Россией, будет рад жить в какой угодно другой стране». Это мнение роялиста и консерватора Кюстина. Что же говорить о западной либеральной и революционной общественности? Разумеется, она полностью солидаризировалась с русским либеральным общественным мнением о Николае. Ф. Энгельс, например, характеризовал Николая совершенно в духе Герцена — как «самодовольную посредственность с кругозором ротного командира».

Резко ухудшился образ России в мире, конечно, в последние годы правления Николая, в связи с Крымской войной, в которой, как известно, против России выступили Франция и Англия. Тогда в европейской печати активно появляются резко негативные статьи, карикатуры на царя.

Истоки негативного стереотипа Николая и его режима вполне ясны, и они имеют достаточно веские основания в его политике. Однако такой образ, наверно, как и всякий стереотип, все равно гораздо уже, чем реальность. Реальность всегда сложнее и неоднозначнее, даже в случае с таким вполне однозначным политиком и типической и цельной личностью, каким был Николай. Поэтому, как это ни странно звучит после всего вышесказанного, Николай I, по крайней мере, до Крымской войны, немало способствовал усилению позиций и росту престижа России в тогдашнем мире. Личный вклад Николая I в российскую дипломатию признавали известный ученый-международник достаточно либеральных взглядов Ф. Ф. Мартенс⁸⁴ и советский ученый Е. В. Тарле⁸⁵, в целом очень критически оценивавший царя и его политику.

В новейших исследованиях отечественных ученых, например, в статье Н. С. Киняпиной также весьма положительно оценивается роль Николая I в международной политике⁸⁶. Ученые признают, что престиж России в мире при Николае до Крымской войны был чрезвычайно высок. Вообще, в последние два десятилетия в отечественной историографии наблюдается заметная переоценка личности Николая I. Это видно и по новейшей биографии этого царя, вышедшей в серии «ЖЗЛ» в 2006 г.⁸⁷ Любопытно, что Е. В. Тарле, наиболее неблагоприятно, из перечисленных авторов, настроенный к Николаю, в одной из своих ранних работ констатирует, что почти все французские послы в Петербурге высоко оценивали личность Николая I и его роль. Особенно их интересовали попытки Николая заняться решением крестьянского вопроса, и, самое любопытное, что некоторые французские деятели опасались чрезмерной поспешности императора в этом направлении и считали его чуть ли не радикалом!

Но наиболее популярен Николай I был, конечно, в среде консервативной европейской общественности. Там многие называли его царем-рыцарем, Дон Кихотом. Из русских общественных деятелей консервативного толка подобное мнение о Николае наиболее ярко выразил К. Н. Леонтьев, называвший Николая «гением-охранителем» России. Вообще, в консервативных общественных кругах Европы в это время возникает так называемое русофильство — именно из чувства консервативной солидарности и романтизации правящего в России стабильного, неподверженного революционному разложению режима. Например, еще до появления книги Кюстина, в Брюсселе в 1841 г. вышла книга А. Ферье де Турета «Россия», в которой Николай I характеризуется исключительно в панегирических тонах⁸⁸. А после разгромной книги Кюстина, когда в России озаботились, выражаясь современной терминологией, преодолением урона ее имиджу на Западе, появляется много подобных сочинений — своего рода отповедей Кюстину, созданных в основном по почину русского правительства. Один из самых известных тому примеров — это приглашение в 1843 г. в Россию немецкого консервативного деятеля А. фон Гакстаузена, который написал трехтомное сочинение о России, изданное на немецком, французском и английском языках.

Чтобы ответить на последний вопрос, который нас занимает — о том, насколько именно личность Николая I определяла отношение к

России его времени, прибегнем к мнениям его главных недоброжелателей — Герцена и Кюстина. И тот и другой высказывают мысль, что царь таков, каков он есть, не только в силу личных качеств, но во многом и в силу исторических обстоятельств, рамками которых он ограничен, как и всякий политик. Николаю все удавалось — писал Герцен, — «не потому, чтоб он имел чрезвычайную силу, а потому, что низость мира, его окружавшего, была чрезвычайна». Ведь его политике потакала не только консервативная и темная Россия, но и все консерваторы Европы. Кюстин же вообще местами исполнен сострадания к императору, несущему тягостную ношу русского «деспота», не будь которой, «может быть, он был бы простым, добродушным человеком».

Нам представляется, что значительная доля истины есть в этих рассуждениях. Ибо роль политика, не являющегося столь незаурядной личностью, как, скажем, Петр I, т. е. не революционера по духу, в имидже страны, на наш взгляд, все же в значительной мере определяется историческими условиями, в которых он вынужден действовать. Николаю I с этими условиями не повезло. Ему суждено было стать неограниченным самодержцем в феодальной, крепостнической стране, в окружении многих не менее консервативных режимов. В таких условиях страшно было делать смелые шаги. Даже французские послы предостерегали царя от неосторожных шагов в крестьянском вопросе. С другой стороны, международная обстановка складывалась для России неблагоприятно. И это было вызвано в те времена прежде всего объективными обстоятельствами, а не субъективной личностью и политикой Николая. Например, Николай, пожалуй, лучше всех из европейских лидеров того времени относился к Англии и все делал для нормализации русско-английских отношений, но они, тем не менее, неуклонно ухудшались в его правление — из-за восточного вопроса и вообще постоянного столкновения интересов двух стран на Востоке. В других же странах Европы, особенно во Франции, постоянно происходили какие-то перемены, которые просто не укладывались в голову царя. Ему трудно было принять меняющуюся действительность — для этого ему нужно было, по меньшей мере, было быть не консерватором, а либералом и родиться в другой стране. А живи он в другие времена, как знать, быть может, он, при тех же своих личных качествах, проявил бы себя совсем по-другому и по-иному был оценен потомками. А некоторые представители современной консервативной мысли, очевидно, числящие себя в по-

клонниках Николая I, высказывают мысль, что «доживи он до конца Крымской войны, несомненно, отменил бы и самое крепостное право»⁸⁹. Возможно, но, к сожалению, история не терпит сослагательного наклонения. Мы только хотим сказать, что оценивая вопрос о роли личности в формировании образа страны, надо строго взвешивать исторические условия, международный фактор и прочие обстоятельства, порой строящие этой личности, какими бы благими намерениями и потенциалом она не обладала, непреодолимые преграды.

Николай I в жизни и в карикатуре

Портрет неизвестного автора по оригиналу Ф. Крюгера, сер. XIX в.

Источник: «РИА Новости». URL: <http://visualrian.ru/site/gallery/index/id/450814/context/lightbox3>

«Император Николай, работающий в своем кабинете»
Honoré Daumier. «Le Charivari». 8.08.1850

Что касается личности Николая I и ее влияния на международную репутацию России, то из всего сказанного можно сделать следующие выводы. Самый негативный образ царя, как недалекого солдафона и палача, сложился в либеральном и даже, прежде всего, в революционном общественном мнении, как русском, так и зарубежном. Этот образ стал, по понятным причинам, каноническим в советской традиции. Такой образ во многом правомерен, но все же является преувеличением. Существуют и другие мнения о Николае I, известны его многие положительные качества, искренняя любовь, глубокий патриотизм. В формировании образа России в мире Николай I сыграл неоднозначную роль. С одной стороны, он способствовал укреплению ее авторитета, с другой стороны, авторитет этот, с определенной поры, стал преимущественно негативным — авторитетом «жандарма» Европы. Под конец

жизни Николай утратил внешнеполитическое чутье и привел страну к Крымской катастрофе. Николай I, безусловно, стал для всего человечества символом реакционной, авторитарной и агрессивной России. Своей косностью и консерватизмом он сильно приложил к этому руку, но не стоит винить в этом его одного и его политическую недальновидность. Его правление, на наш взгляд, пример того, когда личность, пусть даже сильная, загнана в тупик обстоятельств и находится в жестких тисках текущего момента.

2.4. Первый конфликт Запада и России, или еще раз об уроках Крымской войны

В большинстве исследований на тему Крымской войны основное внимание уделяется ходу военных действий, немного меньше — дипломатической подготовке и культурологическому антуражу и еще меньше — анализу причин этой войны, которую один из исследователей назвал «нелепой и ненужной» (*curious and unnecessary*)⁹⁰. Между тем, эта «нелепая и ненужная» война унесла, по некоторым данным, более полумиллиона жизней, что является самым большим числом жертв до времени I Мировой войны⁹¹. Исследований, специально посвященных анализу причин и уроков Крымской войны, нам встретилось только два⁹².

Зачем же была нужна эта ненужная война? Каковы ее наиболее глубокие причины? И можно ли было ее избежать? Ответы на эти вопросы, вероятно, помогут прояснить причины многих других войн и лишней раз осознать ненужность и пагубность всяких войн и конфликтов и необходимость приложения максимальных усилий для их предотвращения.

Главную причину Крымской войны чаще всего видят в обострении так называемого Восточного вопроса, в ослаблении Османской империи и стремлении России поскорее поделить наследство этого «большого человека Европы» (по словам императора Николая) вопреки интересам других великих держав, прежде всего, Англии.

Однако еще в одной из ранних монографий о Крымской войне (1863 года) немецкого автора, пожелавшего остаться неизвестным, отмечается, что вовсе не Восточный вопрос был истинной причиной войны, и очевидно, что он был лишь использован для ее развязывания. Вот что утверждает этот автор о природе конфликтов вообще и о природе Крымской войны, в частности: «Всякая более или менее значительная война, как и вообще любой значимый исторический факт, имеет свои глубокие, коренящиеся в умах людей причины, свои завуалированные предлоги и, наконец, ведущие непосредственно к военному взрыву поводы. Причины вызревают в сознании людей; это помыслы, симпатии, страсти души, суждения и заключения разума, которые постепенно... подталкивают людей к совершению поступков», тогда как предлоги

призваны скрывать истинные мотивы перед публикой «за красивыми словами и благовидными обоснованиями и пускать ей пыль в глаза»⁹³.

По мнению цитируемого исследователя, одной из главных истинных причин Крымской войны было «недовольство европейского общественного мнения, которое ненавидело поборника консерватизма в лице России». Примечательно, что именно в эпоху правления Николая I эта конфликтогенная тенденция впервые проявила себя в такой сильной степени, которая, в конце концов, при стечении прочих факторов, привела к войне.

Видение в Крымской войне геополитического или даже имманентного цивилизационного конфликта России и Запада было присуще уже самым ранним ее исследованиям, современным конфликту. Во многих из них значительную часть текста составляют разделы, посвященные сравнению русской и европейской истории и культуры и рассмотрению взаимоотношений России и Запада на протяжении нескольких веков⁹⁴. А современный нам британский исследователь Норман Рич, в 1985 году, утверждал, что «Крымская война являлась конфликтом между Западом и Россией середины XIX столетия, но, в отличие от завоевательных кампаний Наполеона и Гитлера, это была, по своему существу, война, преследовавшая целью то, что мы сейчас называем сдерживанием России. «Однако в наш ядерный век, — продолжает автор, — условия для ведения политики сдерживания решительно изменились: мы больше не можем позволить себе роскошь войны с Россией»⁹⁵.

Так сложилось, что именно в николаевскую эпоху между развивавшимися гораздо более быстрыми темпами западными державами и словно замороженной Николаем Россией назрели труднопреодолимые противоречия, в том числе противоречия геополитического характера, особенно между Россией и Англией, которая сильно опасалась конкуренции России в колониальном разделе Средней и Юго-Восточной Азии. Но к войне привели не только эти реальные противоречия. Большую негативную роль в нагнетании войны, как мы уже говорили, сыграло общественное мнение.

Специальных работ, посвященных анализу европейского общественного мнения о России в первой половине XIX в., насколько нам известно, не существует, за исключением одной⁹⁶. Довольно интересно освещает этот вопрос уже цитированный нами анонимный немецкий исследователь, современник событий. На вопрос о том, каким образом

Россия, «еще недавно столь ценимая, постепенно пришла в немилость общественного мнения», автор отвечает, что «это произошло, прежде всего, после того как князю Меттерниху удалось склонить императора Александра на сторону консерватизма, в том смысле, в каком его понимала Австрия». Но это была ложная и вредная теория, особенно для России как для молодого, в отличие от Австрии, только что расцветшего государства, ведь «материальный прогресс без духовного, как и наоборот, духовный без материального, ведут только к заболеваниям, как всякое одностороннее воспитание и развитие».

Петр I, Екатерина II, по мнению исследователя, двигали страну в правильном направлении естественного и гармоничного прогресса. Так же действовал и Александр I, «пока князь Меттерних... не внушил ему другого убеждения, и предпринятые в этом убеждении шаги и заявления России совершенно лишили ее всякой популярности за границей, поскольку, в силу либеральной тенденции времени, в ней стали видеть поборника жесточайшего консерватизма...»⁹⁷.

Вышесказанное автор относит к так называемым внутренним (российским) причинам, приведшим к войне. И его слова вполне подтверждаются многими фактами русской действительности. Известный русский поэт и дипломат тех времен Ф. И. Тютчев писал в 1848 г.: «Уже давно в Европе существуют только две действительные силы: Революция и Россия. Эти две силы сегодня стоят друг против друга, а завтра, быть может, схватятся между собой. Между ними невозможны никакие соглашения и договоры...» А уже после начала Крымской войны (в апреле 1854 г.) поэт писал что «теперь возгорается высшая борьба между всем Западом и Россиею»⁹⁸. Примерно так же писали и думали многие другие русские славянофилы.

Но, конечно, не только неверно выбранный Россией политический курс, эта застойная система Николая I, по словам Е. В. Тарле, «научила Европу ненавидеть тот народ, который больше всего от этой системы страдал»⁹⁹. По мнению все того же немецкого анонима, к внутрироссийским факторам «присоединяются еще два, казалось бы, незначительных факта, которые однако глубоко и упорно воздействовали на мнения и убеждения людей и произвели в высшей степени компрометирующее Россию впечатление». И это факторы внешние. Автор имеет в виду одно высказывание Наполеона на острове Св. Елены и так называемое «завещание Петра Великого». Наполеон заявил, что «через 50

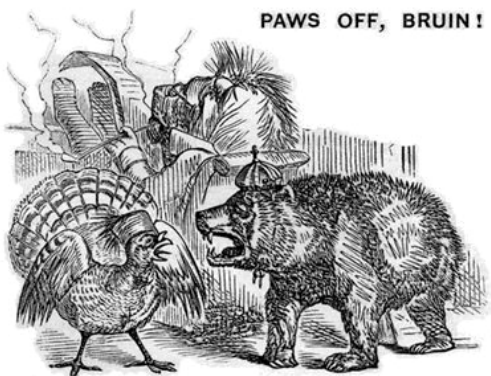
лет Европа будет либо революционной, либо казацкой», и его слова «производили тем более сильное впечатление, что все после его смерти, казалось бы, шло к исполнению этого высказывания».

Еще больший ущерб общественному мнению о России нанесло «завещание Петра I», о котором автор справедливо говорит, что нужно не много ума, чтобы понять, что это фальсификация, пророчествующая о вещах уже состоявшихся. Согласно этому документу, Петр I завещал своим преемникам поддерживать русский народ в состоянии непрерывной войны, разделять Польшу, воевать против турок, имея конечной целью овладение Константинополем и, наконец, установить господство России в Европе, причем, если она будет сопротивляться, то покорить ее военным путем¹⁰⁰.

На «завещание Петра» неоднократно ссылается и известный экономист и политолог Карл Маркс в своих корреспонденциях для американской «New York Tribune»¹⁰¹. Маркс писал из Лондона. В английском общественном мнении русофобская тенденция начала проявляться, пожалуй, раньше всего, почти сразу же после окончания наполеоновских войн, она была вызвана, главным образом, нараставшими противоречиями Англии и России на Востоке. Уже в 1828 г. в книге подполковника Лейси под заглавием «О замыслах России» говорится о стремлении России захватить Константинополь и даже Индию. Эта тенденция проанализирована в монографии Н. А. Ерофеева¹⁰².

TURKEY IN DANGER.
«Турция в опасности»
(John Tenniel, "Punch", 9.04.1853)

«Лапы прочь, Мишка!»
(John Tenniel, "Punch", 4.06.1853)

Накануне Крымской войны русофобия в Англии достигла своего апогея. Одна только «Таймс» была настроена более объективно по отношению к России, по поводу чего К. Маркс, в статье от 14 июня 1853 г., возмущался: «Как могло случиться, что бедная „Таймс“ поверила в „честные намерения“ России в отношении Турции и ее „неприятель“ ко всяким территориальным расширениям? Добрая воля России по отношению к Турции! Петр I планировал восстать на руинах Турции»¹⁰³. Кстати, впоследствии именно «Таймс» своими антивоенными репортажами способствовала повороту общественного мнения Англии против войны.

Эволюция французского общественного мнения о России в николаевскую эпоху подробно рассмотрена известным отечественным историком. По его словам, со времени Николая I в Европе сложилось «такое движение общественного мнения против русской системы», что «стоило только любому европейскому правительству обнаружить враждебное к России отношение, чтобы мгновенно на его стороне оказалось явственное сочувствие общественного мнения, толкавшее дипломатию с полным усердием к расширению и углублению конфликта»¹⁰⁴.

Первые антирусские настроения во Франции, по словам Е. В. Тарле, начинают появляться с 30-х годов XIX в., после жестокого усмирения Николаем I польского восстания в 1831 г., однако вплоть до 1843 г., когда вышла в свет знаменитая книга маркиза А. де Кюстина «Россия в 1839 году», французское общество ничего не знало и «как будто и не хотело знать» «о том, что кроме поляков в России есть еще русские люди, которым также живется не легко, о том, что эта политическая система душит даже тех подданных Николая, которые не родились поляками...»¹⁰⁵. Таким образом, именно с книги Кюстина начинается новый этап в восприятии России французским и, пожалуй, в целом европейским общественным мнением. В эпоху революций 1848—49 гг. либеральное общественное мнение «даже Турцию считало более близкою к духу века и к гуманности, нежели петербургское правительство, которое только тем и отозвалось на современные движения, что грозило залить их кровью русских солдат». Е. В. Тарле ссылается на «Revue des deux Mondes», передающую анекдот о том, «будто Миних во время войны против турок отдал приказ по войскам, воспрещавший солдатам заболеть чумою под страхом быть за это погребенным заживо»¹⁰⁶.

L'Ours du nord, le plus désagréable de tous les ours connus.
 «Северный медведь, самый неприятный из всех известных медведей»
 (Honoré Daumier, «Le Charivari», 17–18.04.1854)

Неудивительно, что во время Крымской войны французская пресса и публицистика была просто наводнена враждебно-шовинистическими памфлетами о России, в которых одну из главных ролей, по словам академика, играет тема «самодержавного кнута». Чего стоят одни только названия некоторых сочинений о России этого времени — «Кнут и русские» Жермена де Ланьи или «Русский манекен» Луи Люрена. Главной мыслью последнего является то, что «жизни никакой в России нет, есть только марионетки и автоматы», слепо «повинующиеся своему господину», «и их 60 миллионов»¹⁰⁷. Наконец, образчиком всех «тех лубочных представлений о России, какие были в это время распространены в средней публике на Западе», стала вышедшая в 1854 г. «Драматическая, живописная и карикатурная история Святой Руси», иллюстрированная Гюставом Доре. Цитируя Е. В. Тарле, «кнут, нагайки, целые страницы кроваво-красных пятен, пытки, рабы, лежащие связанными „пачками“ на карточном столе, где игроки их проигрывают и выигрывают, — вот главное содержание иллюстраций»¹⁰⁸.

HISTOIRE
PITTORESQUE, DRAMATIQUE ET CARICATURALE
DE LA
SAINTE RUSSIE

D'APRÈS LES CHRONIQUES ET HISTOIRES
NESTOR, NIKAN, SYLVESTRE, KARANSIN, SÉOUR, ETC.

COMPOSÉE ET DÉVELOPPÉE EN 500 MANIÈRES DIFFÉRENTES

GUSTAVE DORÉ

GRAVÉE SUR BOIS PAR TOUTE LA NOUVELLE ÉCOLE

AVEC LE CONCOURS GÉNÉRAL DE

SOTAIN

GRAVIER DE L'ÉCOLE DE ROMA, DE BAVILLE, DE PEROTTE, DE PEYRON, DE GENÈS,
DE BENO, D'ALLENAN, DE MONTAUDO ET DE PLUSIEURS AUTRES.

PARIS

J. BRY AÎNÉ, LIBRAIRE - ÉDITEUR
DE L'ÉCOLE DE ROMA, DE BAVILLE, DE PEROTTE, DE PEYRON, DE GENÈS,
DE BENO, D'ALLENAN, DE MONTAUDO ET DE PLUSIEURS AUTRES.
27, rue Quincampoix, 27.

1854

Титульный лист первого издания
«Драматической, живописной и карикатурной истории
Святой Руси», с иллюстрациями Г. Доре

Таков был первый в истории печальный опыт формирования взаимного образа врага у передовых держав Запада и России. Как уже отмечалось, по сути, это была первая «холодная война» между Россией и Западом. К сожалению, в те времена она дошла и до своей «горячей» фазы. Интересно об этом написал в своем новейшем исследовании политобозреватель агентства «РИА-Новости» П. В. Романов: «Полюса ненависти сошлись. Славянофил Тютчев писал о том, что столкновение с Западом неизбежно и необходимо. Русофоб Энгельс... утверждал: „У Европы только одна альтернатива: либо подчиниться игу славян, либо окончательно разрушить центр этой враждебной силы — Россию“. К счастью для европейской цивилизации Николай I не смог оправдать надежд славянофилов, а Англия и Франция — чаяний русофобов. Получилась боевая ничья»¹⁰⁹. В главном можно согласиться с этим мнением и в очередной раз призвать людей не повторять ошибок прошлого, стремиться к взаимопониманию, а не к конфронтации, которая должна остаться в прошлых веках, вместе со всеми «холодными» и тем более настоящими войнами.

2.5. Джером Клапка Джером о предреволюционной России (к вопросу о «футурологии» английской Россики)

Как уже ранее говорилось (во втором очерке этой части) в современной науке довольно популярной является так называемая имагология, специализирующаяся на изучении образов различных народов в литературе и искусстве. Это направление зародилось примерно три четверти века тому назад в рамках сравнительного литературоведения. Некоторые западные литературоведы, видимо, пытаясь вдохнуть новую жизнь в стагнирующее литературоведение, наткнулись на интересный и весьма перспективный для изучения феномен иностранных «образов» и «миражей» в национальных литературах. Так, с середины 20-х годов прошлого века появился целый ряд работ о восприятии различных стран и народов в литературных традициях. Скоро стало ясно, что это научное направление выходит далеко за рамки литературоведения, и появились даже попытки запретить филологам им заниматься (например, со стороны американского литературоведа Рене Уэллека)¹¹⁰. На самом деле, это направление ближе всего к сфере национальной психологии.

В России данная тематика стала изучаться с последней трети прошлого века. В числе прочего, немало работ в последние десятилетия было написано отечественными исследователями по проблемам так называемой «британской Россики», то есть об образе России и русских в английской литературной традиции, в английской публицистике и прессе. Более или менее подробно были исследованы сочинения различных британских авторов, в разное время писавших о России — от мемуарных сочинений английских купцов и дипломатов XVI—XVII вв. до трудов «маститых россиеведов» (как они названы в одном из исследований) конца XIX — начала XX вв.

Изучая «русскую тему» в английской литературе, нельзя не заметить, во-первых, ее богатства, обилия источников, а, во-вторых, определенной специфики. Эта специфика заключается в крайнем неприятии политического режима в России и, вместе с тем, в большой вере в великое будущее русского народа. Такое мнение характерно для многих британских авторов, писавших о России. Впрочем, это свойственно не только англичанам. Подобное мнение о грандиозных перспективах России (в связи с ее исторической молодостью) высказывал, например, и французский мыслитель А. де Токвиль¹¹¹. Однако в британской «Рос-

сике», пожалуй, чаще, чем в других, говорится вообще о перспективах развития России, делаются прогнозы на будущее. Все это позволило даже отечественной исследовательнице И. В. Карацубе назвать одну из своих статей на эту тему «Футурология британской „Россики“». Так что термин, вынесенный в заглавие доклада, уже не нов — мы заимствовали его у упомянутой исследовательницы. Гораздо более любопытно то, что эти предсказания имеют свойство сбываться с невероятной точностью¹¹². Так, например, еще в 1591 г. в своем сочинении «О государстве Русском» английский дипломат и ученый Джилль Флетчер сделал вывод, что России в ближайшем будущем грозит неминуемый «гражданский пожар», и это точно так и случилось спустя приблизительно два десятилетия.

Другой любопытный пример подобного прогнозирования мы рассмотрим в настоящем сообщении. Почему-то он был до сих пор совершенно обделен вниманием исследователями английской Россики, как, между прочим, обделен вниманием у исследователей и сам его автор (даже энциклопедические статьи о нем до обиды скудны — не в пример другим писателям). Мы имеем в виду известного английского писателя-юмориста Джерома К. Джерома и его небольшой очерк о русских. Этот писатель был очень популярен в России, даже больше, чем в Англии — настолько популярен, что однажды в Петербурге одна экзальтированная дама стащила у него из под носу автограф, предназначавшийся Чехову (в Ялту)¹¹³. У Джерома, как он сам пишет, было много русских друзей. Еще в 1912 г. в России (в издательстве Сытина) вышло полное собрание его сочинений, аж в 12-ти томах. Джером К. Джером любил путешествовать. В феврале 1899 г. он посетил Россию. И это дало пищу для его короткого очерка о русских под названием «Russians as I know them», вошедшего, в числе других, в сборник рассказов «American wives and others» (1904 г.)¹¹⁴. В этом издании любопытно, кстати, посмотреть на русских Джерома глазами американского карикатуриста (Джорджа Макмануса).

Позднее, в 1906 г., этот рассказ был напечатан в «Праздных мыслях в 1905 году» под видоизмененным названием «Creatures that one day shall be men»¹¹⁵ и в том же году был опубликован в России, под заглавием «Люди будущего»¹¹⁶. В этом рассказе Джером не ставил перед собой специальной цели описать Россию, исследовать особенности русской жизни (в отличие от некоторых других авторов, «маститых

россиеведов»); видимо, он написал этот очерк невзначай, что называется, между делом, и его замечания имеют характер непосредственных, не озабоченных какой-то глубокой идеей. Поэтому они, с одной стороны, могут восприниматься как непредвзятый «свежий взгляд со стороны» на Россию и русских тех времен, но, вместе с тем, отчасти являются и отражением уже популярных литературных стереотипов в описании русских, сложившихся в английской традиции. Ведь Джером все же ориентировался на читающую публику, он должен был оправдывать ее ожидания, используя какие-то знакомые образы и гипертрофирующие действительность юмористические приемы.

Джером Клапка Джером (1859—1927)

Фото Ф. Г. Ходсолла приблизительно 1904 года

Источник: <http://www.liveinternet.ru/users/1150469/post360832472>

В своих произведениях Джером был на стороне «маленького человека», пожалуй, даже этим он весьма близок многим великим русским писателям того времени, разрабатывавшим такой же образ, и потому еще столь понятен и любим в России до сих пор¹¹⁷. Эта черта его творчества сказалась практически во всех его сочинениях, в том числе и в рассказе о русских. «Отдельный русский — по словам Джерома, — одно из самых очаровательных существ земного шара». Автор восхища-

ется искренностью и непосредственностью русских, противопоставляя их сдержанным англичанам. В начале рассказа он описывает любопытный случай в русском ресторане, где он лицезрел, с одной стороны, двух русских дальних родственников, не видевших друг друга полтора года и непрерывно обнимавшихся и целовавшихся от радости встречи (что англичанину трудно себе представить), а с другой стороны, двух таких же русских, которые, из-за чего-то повздорив, сначала жестоко дерутся, но через какое-то время, после того как были обобраны за нарушение порядка целой ватагой полицейских, снова, как ни в чем ни бывало, мирно беседуют. «Ватагой» потому, что первый увидевший драку городской, вместо того чтобы попытаться разнять дерущихся, поспешил сообщить радостную весть о возможности «заработка» своим коллегам по ремеслу.

Would run round to embrace his cousin, kissing the other on both cheeks.

Еще раз свидетелем удивительной консолидации коррумпированных чиновников Джером оказался, когда его самого стали «штрафовать» на каждой железнодорожной станции, как только узнали, что он незаконно везет с собой в поезде собачку. Как остроумно предполагает Джером, «известие о том, что едет какой-то англичанин с собакой в корзине и рублями в кармане, должно быть, было протелеграфировано по всей линии», чтобы ни один чиновник не упустил такой возможности «пожизниться». И хотя автор вплоть до самой германской границы вынужден был «раздавать направо и налево этим субъектам с фельдмар-

шальской осанкой по известному количеству русских денег», он, со свойственной ему добродушной иронией, замечает, что «их прояснившиеся лица и горячие пожелания были вполне достойной наградой мне за потраченные деньги».

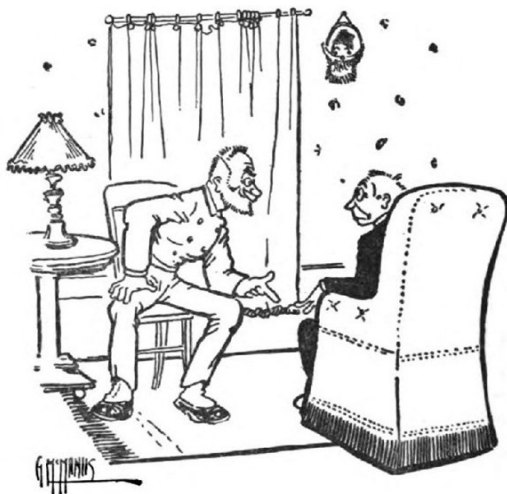
He shook me warmly by the hand.

By the expenditure of a few more coins I got my dog through the Customs.

Поэтому вдвойне сочувствует Джером русскому «маленькому человеку». Он приводит пример, как грубо издеваются бюрократы над тем, у кого «в кармане не позвякивает несколько свободных рублей». Из-за какого-то пустяшного упущения в паспорте одного такого несчастного, предварительно вдоволь над ним поиздевавшись, таможенные чиновники «порешили отправить назад в Петербург — около 18-ти часов езды — в вагоне, в котором в Англии не стали бы перевозить даже быков». Русские рабочие — утверждает Джером, — настоящие рабы, «позволяющие эксплуатировать себя с молчаливым терпением культурных существ».

Что же ожидает в будущем этих наивных, как дети (по выражению автора — «народа-ребенка»), и несчастных людей, задавленных полицейски-бюрократическим государством? В этом, пожалуй, главный пафос очерка Джерома. В целом, он верит в светлое будущее России, только отдаленное — за горизонтом первоначальной грандиозной революции. Сами русские, несмотря на крайнюю повсеместную боязнь наущничества, — как пишет Джером, — делились с ним предчувствиями этой революции. Как признался ему в разговоре даже один чиновник, «гроза собирается... Сам я стар и, быть может, не увижу ничего, но детям моим придется пострадать...»

“It is safer to trust no one.”

Вот что предполагает о грядущей в России революции Джером: «История России будет повторением истории Французской революции, но с той только разницей, что образованные классы, мыслители, толкающие вперед бессловесную массу, делают это с открытыми глазами...» Люди, подготавливающие революцию в России, которые насчитывают в своих рядах представителей самых разных общественных классов, «хорошо знают, что чудовище это растопчет их, но вместе с тем им хорошо известно, что заодно с ними будут растоптаны несправедливость и невежество, ненавидеть которые они научились сильнее, чем любить самих себя».

Но Джером не был бы Джеромом, если бы его очерк ограничивался только мрачными характеристиками и предначертаниями. Как отмечали почти все, даже самые суровые критики Джерома (а таких еще при жизни у него было немало), он всегда старался, прежде всего, замечать в людях не их недостатки, а достоинства. И русские, несомненно, преисполнены достоинств, по его словам. Не случайно статья названа «Люди будущего» в русском переводе (в английском, правда, гораздо менее величаво, но там автор ведь ориентировался все же на английского обывателя, который к русским, как и ко всем иностранцам, относился, мягко говоря, скептически).

«Мы свысока называем русских нецивилизованным народом, но они еще очень молоды... Мне кажется, что русские превзойдут нас. Их энергия, смысленность, когда они прорываются наружу, изумительны. Я знал одного русского, изучившего китайский язык в шесть месяцев. Английский! Да что говорить о нем, они выучивают его во время разговора с вами. Дети играют в шахматы и на скрипке, ради своего удовольствия. В общем, мир будет доволен Россией, когда она приведет себя в порядок». Между прочим, такой взгляд на Россию далеко не нов для английской России. Например, еще в середине XVI века первооткрыватель России для англичан Ричард Ченслер писал о ней почти то же самое, давая совершенно сходные оценки: «Я могу сравнить русских с молодым конем, который не знает своей силы и позволяет малому ребенку управлять собой и вести себя на уздечке, несмотря на свою великую силу...»¹¹⁸

Что же касается влияния этой статьи Джерома (впрочем, как и его творчества в целом) на международные отношения, то, ни в коей мере, конечно, не преувеличивая, все же можно с осторожностью заметить,

что и то и другое способствовало формированию хорошего мнения об Англии в русских либерально-демократических кругах и к росту консолидации демократических сил в России со своими английскими единомышленниками. Кстати, по странному стечению обстоятельств, эта статья Джерома появилась в русском переводе как раз тогда, когда (в мае 1906 г.) министром иностранных дел (вместо Ламздорфа) был назначен проанглийски настроенный А. П. Извольский, а новым английским послом тогда же стал А. Никольсон, и оба они энергично двинули дело к сближению двух стран и к подписанию соглашений 1907 года. А впоследствии, когда в Англии пришло к власти демократическое лейбористское правительство Ллойд-Джорджа, английское посольство, как писала, например, в воспоминаниях кн. Палей, стало просто притягательным местом для всех русских либералов (Львова, Милюкова, Родзянко и др.).

2.6. Либеральный взгляд на Америку в России начала XX в.

В современных науках о культуре немаловажное место занимает так называемая имагология (имагинология) — научное направление, специализирующееся на проблеме восприятия народами друг друга и отражения этих «этнических образов» в литературе, фольклоре и искусстве.

В последние десятилетия и в отечественной науке наблюдается всплеск интереса к «имагологическим» проблемам, в том числе к проблеме взаимовосприятия России и Запада, точнее, представителей русской и различных «западных» культур. В 90-е—2000-е гг. было опубликовано множество статей и даже монографий по этой тематике¹¹⁹, изданы многочисленные сборники статей¹²⁰.

Проблема взаимовосприятия русских и американцев тоже начала активно исследоваться в отечественной науке в последние годы. Зарубежных ученых эта проблема интересовала еще раньше¹²¹. Очень много работ (в том числе монографию) по теме восприятия России и русских американцами в XIX в. опубликовала А. В. Павловская¹²². Не обошли вниманием отечественные исследователи и проблему восприятия русскими Америки¹²³.

Несмотря на уже большой существующий задел, в исследовании этой темы, разумеется, еще очень много незаполненных лакун, ждущих своего исследователя. Так, например, в статье Е. Ю. Сергеева, посвященной образу США в представлениях россиян начала XX в.¹²⁴, ничего не сказано об одном очень любопытном источнике, относящемся как раз к этому периоду. Мы имеем в виду «Американские впечатления» Ф. Ф. Мартенса. Так называется статья, опубликованная этим довольно известным русским ученым и государственным деятелем в ноябрьском номере «Вестника Европы» за 1902 г.¹²⁵.

Целью настоящего очерка является привлечение внимания к этому источнику по истории восприятия Америки в России и характеристика особенностей восприятия Ф. Ф. Мартенсом Соединенных Штатов и их жителей, американцев.

Федор Федорович Мартенс был известным русским юристом, специалистом по международному праву, членом международных третейских судов, разбиравших международные конфликты. В 1899 г. он был одним из представителей России на Гаагской мирной конференции. Большой научной заслугой Ф. Ф. Мартенса было издание тринадцати-

томного собрания международных договоров России (с XVII по начало XX в.)¹²⁶. Он также опубликовал ряд статей по истории взаимоотношений России и Запада (о русско-английских связях в первой половине XIX в.)¹²⁷. В США Ф. Ф. Мартенс был приглашен в 1901 г. Йельским университетом для вручения звания почетного доктора прав.

Ф. Ф. Мартенс (1845—1909), около 1900 г.

Ф. Ф. Мартенс принадлежал к либеральным кругам русского общества, а точнее к так называемым «русским европейцам»¹²⁸, положительно настроенным по отношению к западной цивилизации. И это отразилось на его восприятии Америки. Как известно, на восприятие чужой страны всегда влияет собственное мировоззрение автора. Например, там, где либералы находят образец для подражания, консерваторы — исключительно дурной пример (или наоборот). В наше время, чего греха таить, в отношении российского общества к Америке вновь все более популярной становится консервативная линия — критика американского общества, резкое противопоставление его русскому, что мало способствует культурному диалогу и, с нашей точки зрения, продуктивному развитию собственной культуры. Потому что, на наш взгляд, наиболее продуктивно развивается и обогащается лишь та культура, которая открыта миру, а не отгораживается от него, лишь те народы, которые смотрят на другие народы открытыми и доброжелательными глазами, а не как на заведомых врагов. В этой связи как раз такой открытый и доброжелательный взгляд настоящего «русского европейца» начала XX в. очень полезен для нас и делает тему еще более актуальной.

В самом начале своей статьи Ф. Ф. Мартенс заявляет о своем полном согласии с фразой английского историка Дж. Брайса о том, что

«Америка вызывает восторг»¹²⁹. При анализе статьи Ф. Ф. Мартенса нужно учитывать, что ее автор был скован рамками учтивости по отношению к американцам, оказавшим ему очень гостеприимный прием, и потому не мог себе позволить резкой критики, о чем сам же делает оговорку в начале статьи. Поэтому, например, говоря об американском империализме, вызывавшем большую настороженность и критику у европейцев, Ф. Ф. Мартенс подчеркивает, что он не критикует, а только констатирует факты¹³⁰.

Тем не менее, достоинства американской жизни, которые называет автор, далеко не надуманы, а искренне им разделяются. Наиболее благоприятное впечатление на него произвели технологическая развитость Америки, огромное уважение американцев к закону и суду, высокая грамотность населения и особая система практического и наглядного образования, не перегружающего учеников классическими языками и тому подобными лишними элементами знаний, а также веротерпимость, трудолюбие, патриотизм и нравственность американского общества¹³¹. Ф. Ф. Мартенс одобрительно оценивает американский идеал *self-made man*'а¹³², раннюю самостоятельность американских детей и принятое у американцев правило начинать с юных лет самостоятельно зарабатывать деньги.

Единственным, что несколько подпортило в общем благоприятные впечатления Ф. Ф. Мартенса об Америке, был чересчур строгий и привередливый таможенный досмотр, который, правда, не коснулся самого автора, однако ему показалось унижительным, что американцы бесцеремонно и дотошно досматривают своих сограждан и заставляют их составлять доскональную декларацию всего приобретенного за границей¹³³. Таковую необычную для европейца суровость и беспардонность таможенного контроля автор не может оправдать даже американским уважением к закону, и здесь, очевидно, аристократизм автора, жившего в императорской России, берет верх над либерализмом.

Любопытным и ценным моментом во впечатлениях Ф. Ф. Мартенса является его анализ изменения образа Америки и американцев в Европе и России примерно за пятьдесят лет. Таким образом, в его статье, по сути дела, содержится уже элемент имагологического исследования. Русский взгляд Ф. Ф. Мартенс особо не отделяет от европейского, ведь не случайно мы его нарекли «русским европейцем». Если почитать современные исследования об особенностях восприятия русскими Аме-

рики, то он, может, в этом и не вполне прав, так как у русских все-таки был свой особый взгляд на Америку, вызванный, в частности, нахождением принципиальных сходств этих двух стран и их не менее принципиальных различий. Сходства обычно сводятся к тому, что обе страны одинаково велики и исторически молоды, а потому перспективны. Эту мысль едва ли не впервые высказал еще А. де Токвиль в своей знаменитой книге об Америке¹³⁴. Главное же различие и даже противоположность Америки и России обычно видится в том, что Америка якобы есть сконцентрированный образец западной бездуховности и прагматизма, ненавистных русской культуре. На это обращал внимание еще Пушкин¹³⁵. Но в действительности, если следовать логике Ф. Ф. Мартенса, у русского общества XIX века складывались в общем сходные и мало отличные от прочих жителей Старого Света представления об Америке.

Описывая то, каким американский народ казался ему в прежние времена (в середине XIX в.), Ф. Ф. Мартенс отмечает, что на формирование тогдашнего образа американца, с одной стороны, большое влияние оказывали романы Купера, заставлявшие восторгаться «отвагой и высокими нравственными подвигами американских пионеров». С другой же стороны, огромное впечатление произвела «картина рабства негров на американских плантациях», нарисованная «удивительным пером Бичер-Стоу». Автор говорит, что он хорошо помнит то, с каким восторгом все русское общество отнеслось к великому президенту Линкольну, борьба которого против рабства как раз совпала с отменой крепостного рабства и другими великими реформами в России, что немало способствовало росту симпатий русских к американцам. Автор с большой теплотой вспоминает посещение им американского броненосца на кронштадтском рейде в 1866 г. и «произведенный американцами фурор, в особенности среди русских дам»¹³⁶.

Среди других причин положительного восприятия Америки в годы своей молодости Ф. Ф. Мартенс называет увлечение европейцев в 60-х и 70-х гг. XIX в. американскими порядками, прежде всего американской свободой — гораздо большей, чем она была в то время в Европе. Наиболее ярко эта тенденция была выражена в сочинениях Алексиса де Токвиля (*La démocratie en Amérique*, 1835; 1840)¹³⁷ и Эдуарда Лабуле (*Paris en Amérique*, 1863), которыми «зачитывалось молодое поколение тогдашней эпохи». Таким образом, гражданин Соединенных Штатов,

по словам Ф. Ф. Мартенса, «стал синонимом с человеком, пользующимся личной свободой, самостоятельностью и самоуправлением»¹³⁸.

Такая популярность американцев в Европе продолжалась, по словам автора, до 80-х гг. XIX в. Увлечение американской культурой сменилось «боязнью за распространение на Европу американского империализма», прежде всего в экономической сфере, но также и в политической (в связи с новым развитием доктрины Монро). Ф. Ф. Мартенс замечает, что если раньше символического американца в сатирических журналах изображали этаким худощавым и длинноногим «братом Ионафаном» (Джонатаном), то теперь тот же «дядя Сэм» изображается на карикатурах все чаще как «морское чудовище, с лицом знаменитого Пирпонта Моргана, забравшее в свои лапы все торговые флоты европейских народов», или «как гигант Гулливер, около которого копошатся пигмеи — европейские народы, не знающие, как избавиться от поглощающей их американской конкуренции»¹³⁹.

Ф. Ф. Мартенс не уверен, «будет ли народ Соединенных Штатов счастливее от той «мировой роли», которую он в последнее время на себя принял». Это, по словам автора, покажет будущее. Но ученый пытается объективно разобраться в том, что «американский империализм» может дать Европе и России в том числе. Он полагает, что у этого объективно надвигавшегося уже тогда явления, под названием «американизация всего мира»¹⁴⁰ есть своя положительная сторона. Европейцам есть, чему поучиться у американцев. Во-первых, это знаменитый (ставший даже девизом герба США — В. К.) принцип «E pluribus unum», состоящий, по словам Ф. Ф. Мартенса, «в уважении разнообразия при соблюдении единства». Второе главное достоинство американской жизни, по его мнению, это веротерпимость, свобода совести и религии. «Если „американизация всего мира“, — говорит Ф. Ф. Мартенс, — приведет к беспредельному торжеству американского начала свободы совести и религии во всем мире, то американцы сослужат великую службу делу истинной цивилизации». И, наконец, третье золотое правило, которое следовало бы усвоить европейцам от американцев, это уважение к труду, идеал *self-made man*'а. Кроме этих трех «главнейших жизненных принципов», внесенных американцами в мировую цивилизацию, и многие другие начала «достойны всеобщего распространения посредством американизации». Сюда ученый относит «свободу мысли,

слова и печати; равенство между людьми перед законом и судом; простота обращения и доброта отношений... и т. п.»¹⁴¹.

Конечно, Ф. Ф. Мартенс во многом идеалист, он, подобно многим современным либералам, идеализирует порядки Соединенных Штатов. В развитии и распространении «великих социальных принципов» американской демократии он видит «завидное историческое призвание» Соединенных Штатов¹⁴². Думается, под этими словами могли бы подписаться и современные российские либералы. Но идеализм не достоин осуждения, наоборот, он бывает перспективен для оптимизации отношений между народами и для диалога культур. Тогда как прагматизм и национализм (даже в самом хорошем смысле этого слова), наоборот, очень часто приводит к международной напряженности и конфликтам.

Российский плакат 1917 года.

Источник: <http://www.liveinternet.ru/users/708893/page46.shtml>

Разумеется, кроме либерального подхода к Америке, в России всегда существовали и будут существовать и другие подходы, представленные иными спектрами русского общественного мнения. Америка, как и любой символ, не может восприниматься однозначно. Для исследования же темы восприятия Америки в России важно знать различные ее оценки, в том числе и либеральный взгляд на Америку, выраженный Ф. Ф. Мартенсом.

2.7. Когда имидж России был хорошим

Как известно, имидж России в современном мире, ее репутация, выражаясь старым, проверенным словом, оставляют желать лучшего. Поэтому уже сравнительно давно предпринимаются попытки искусственного улучшения имиджа России, путем использования PR-технологий. Несколько лет тому назад даже был создан специальный телеканал, призванный работать на улучшение имиджа страны — «Russia Today». Но пока эти усилия мало помогают. Как ни прискорбно заметить, но из последних событий, происходивших в нашей стране, в ее внутренней и внешней политике, пожалуй, лишь только одно событие положительно повлияло на имидж нашей страны на Западе. Это был тот определенный общественный подъем, который происходил в России в конце 2011 — начале 2012 гг. и давал тогда некоторую надежду на ее демократическое будущее и европейский выбор.

Что же делать, как улучшить имидж нашей страны в глазах мировой общественности? Насколько могут помочь в этом деле пресловутые в наше время пиаровские технологии? Думается, что они не всевластны, ведь суть так называемой имиджелогии (прикладной науки формирования имиджа) — в искусстве показывать, выпячивать только одну желаемую сторону объекта и скрывать, затушевывать нежелательные его стороны. Однако, когда эти самые нежелательные стороны становятся настолько очевидными, что скрыть их уже невозможно, вот тут-то имиджелогия бессильна.

Поэтому гораздо легче сделать правильный, нужный имидж, отдельного человека, например, политика, особенно такого, о котором общественности мало известно (т. е. нового человека), и гораздо труднее изменить имидж страны, которая, как говорится, вся на виду, вся ее политика широко известна в мире благодаря развитым средствам массовой информации. Значит, чтобы улучшить имидж, надо менять политику, надо делать ее такой, чтобы она производила хорошее впечатление на мировую общественность.

Но здесь есть одна проблема. В литературе и в общественном мнении очень популярна такая точка зрения, что иностранцы якобы всегда смотрят на нас предвзято, какими бы мы хорошими ни были на самом деле. И та политика, которая для нас на самом деле полезна и благоприятна, у наших западных конкурентов (а зачастую и врагов) воспринимается

ется негативно. С одной стороны, потому что эта политика делает Россию сильной и «имперской» (очень модное сейчас слово) — на зависть ее врагам, а с другой стороны, потому что Россию просто «аршином общим не измерить». Не понимают нас иностранцы, одним словом, завидуют и боятся, в этом-то и корень ее постоянно плохого имиджа.

С этим последним тезисом мы намерены поспорить. Так ли уж всегда иностранцы ненавидели нашу страну, неужели всегда у нее была плохая репутация? Забегая вперед, заметим, что это, конечно, не так, что были времена, когда имидж России, даже без всяких пропагандистских усилий, был довольно хорошим. И это вовсе не ельцинские времена огульной демократизации, как некоторые могут подумать. В ельцинские времена в мире как раз распространилось очень негативно действовавшее на имидж страны понятие «русская мафия»¹⁴³. На самом деле, это совсем другие времена.

Наша задача, таким образом, — показать в истории примеры положительного имиджа России и постараться выявить причины этого. Возможно, это послужит подсказкой современным политикам, желающим улучшить образ России в мире. При этом мы ограничимся лишь примерами имиджа России в странах Запада (т. е., в основном, Европы и Америки), пожалуй, именно это наиболее острая тема до сих пор, именно наш имидж на Западе до сих пор страдает больше всего. Имидж России в странах Востока — это, безусловно, отдельная тема.

И еще необходимо сделать одну оговорку. Восприятие одного и того же явления в разных слоях общества может быть очень различным, порой — диаметрально противоположным. Точно так же образ России далеко не однозначен (и никогда не был однозначен) в разных общественных и идеологических кругах Запада. Так, например, в определенных консервативных и националистических кругах и раньше восхищались даже николаевской Россией — «жандармом Европы» (ср. сочинения А. фон Гакстгаузена, А. Ферье де Турета)¹⁴⁴, и сейчас некоторые западные националисты, вроде лидера бельгийских националистов Д. Ферэ, восхищаются современной Россией, называя ее «демократической страной, где свобода выражения еще имеет смысл»¹⁴⁵. Для нас более интересны не эти сравнительно редкие примеры положительного имиджа России, мотивированные националистически-консервативной солидарностью, а примеры другого рода, относящиеся к более либеральному и более распространенному, по крайней мере на современном

Западе, общественному мнению. Ведь именно либералов (и, между прочим, не только западных) принято считать наиболее оголтелыми критиками России.

Между тем, и в либеральном мнении Запада бывали случаи положительного отношения к России, вызванного, в основном, одобрением ее либеральной политики в отдельные времена, т. е. своего рода «либеральной солидарностью». Это случалось нечасто, но все же случалось. Вообще, надо сказать, что идеологический фактор, связанный с характером ее политического режима, мерой его жестокости и закрытости, всегда играл едва ли не главную роль в восприятии нашей страны с самых давних времен — даже задолго до формирования отчетливого противостояния либерального и консервативного течений на Западе в XVIII—XIX вв. Деспотизм, как правило, осуждался, а всякое его ослабление — приветствовалось и способствовало тем самым улучшению репутации России.

Итак, попробуем припомнить хотя бы несколько очевидных исторических примеров, когда имидж нашей страны на Западе был положительным в, условно говоря, респектабельных кругах и даже в либеральном общественном мнении (с тех пор как оно само начало формироваться на Западе и оказывать влияние на международную политику).

Не углубляясь слишком далеко во времена Московского царства (хотя и там можно было бы найти у иностранцев одобрительные оценки — например, отдельных вестернизаторских мероприятий времен Бориса Годунова и Смуты), стоит прежде всего припомнить эпоху Петра I. Несмотря на то что, казалось бы, сам Петр был личностью неоднозначной и порой поражал европейцев своим варварством и, главное, несмотря на то что Россия при Петре реально «поднялась с колен» и стала представлять серьезную конкуренцию странам Запада на международной арене, преобладающее большинство иностранцев очень положительно отзывались как о личности Петра, так и о России его времени¹⁴⁶. Это противоречит весьма популярному тезису о том, что «нас не любят, потому что боятся». Выходит, или тогда, во времена Петра Запад был еще слишком наивен и романтичен, или тезис все-таки не вполне верен.

Другой пример из старой, имперской истории России — положительный образ на Западе Александра II и его либеральных реформ. Даже очень скупые на лестные оценки политики русского царизма аме-

риканские авторы очень высоко оценивали личность и реформы этого царя. Политика Александра II, как нам представляется, немало способствовала улучшению репутации России после ее резкого ухудшения в николаевскую эпоху и эпоху Крымской войны. Именно при Александре II, вероятно, начал зарождаться образ России не как врага, а как возможного союзника в таких западных демократиях, как Франция и Англия, что привело в дальнейшем к их реальному сближению и созданию Антанты — блока наиболее демократических стран и России, направленного против консервативной милитаристской Германии¹⁴⁷.

Очень положительной была репутация на Западе так называемой «либеральной России» эпохи русских революций и особенно эпохи Временного правительства. Это положительное восприятие в общественном мнении Запада либеральных перемен, произошедших в России в начале XX века, переносилось отдельными авторами даже и на оценку такой неоднозначной исторической фигуры, как Николай II. Так, известный английский политический деятель У. Черчилль весьма высоко отзывался о личности и даже о политике последнего русского царя¹⁴⁸. Как же это согласуется со все тем же расхожим тезисом, что иностранцы (а англичане в особенности) всегда преувеличивают российский депотизм? Получается, что не только преувеличивают, но иногда и преуменьшают, ведь даже в самой России к Николаю II относились гораздо хуже.

Советская Россия и Советский Союз не могут похвастаться чересчур хорошей репутацией на Западе — разве что в социалистическом, революционном общественном мнении (например, среди немецких левых эпохи Веймарской республики)¹⁴⁹. И тем не менее, в относительно краткий период тесного сплочения всех гуманистических сил против «чумы XX века» фашизма, репутация Советского Союза и образ русского (советского) человека во всем прогрессивном человечестве (говоря советской же терминологией) был необычайно высок. Крепки были тогда братские чувства у народов-победителей фашизма, сильно сознание того, что они все вместе «сломили хребет проклятому фашизму» (цитата из воспоминаний профессора В. Л. Найдина о совместном концерте союзников, посвященном окончанию Второй мировой войны в интервью в программе Майи Пешковой «Непрошедшее время» на радиостанции «Эхо Москвы» 6 мая 2007 г.). К сожалению, вскоре после

победы произошло новое обострение отношений и ухудшение репутации России, в котором были, очевидно, виноваты обе стороны.

Наконец, как мы все помним, невиданное улучшение имиджа СССР произошло в эпоху перестройки. М. С. Горбачев всегда был на Западе одним из самых популярных и любимых лидеров (в отличие от нашего народа). Такая разница во взглядах связана с тем, что бóльшая часть нашего народа смотрит на свою историю совсем иными глазами, чем смотрят на нашу историю со стороны. Либеральные явления нашей истории, увы, кажутся, многим нашим согражданам достойными осуждения, и до сих пор многие, очень многие из нас желают гордиться тем, против чего восставали лучшие, наиболее прогрессивные умы нашего же, русского общества, в частности М. Ю. Лермонтов (вспомним его стихотворение о любви к Родине).

Впрочем, пример с М. С. Горбачевым, весьма уязвим для критики со стороны наших крайних почвенников и консерваторов. Они ведь непременно возразят, что Запад так хорошо относился к Горбачеву и его реформам, потому что он разваливал Россию, что-де на руку Западу. Пусть так, но чем тогда объяснить положительный образ на Западе, например, Е. М. Примакова, который пользуется совсем иной репутацией у наших почвенников, нежели М. С. Горбачев. Отношение к Е. М. Примакову в западном общественном мнении было, по крайней мере, гораздо лучшим, чем отношение к нынешнему российскому президенту. И это при том, что оба они «выходцы из КГБ». Как же быть с этой вечной западной предвзятостью? Следует напомнить, что именно в премьерство Е. М. Примакова Россия добилась такого улучшения своей международной репутации, что стала полноправным членом «Большой восьмерки» (которая до того была семеркой). Между прочим, Россия первой половины 90-х, эпохи ельцинского крайнего либерализма (который, по логике наших почвенников, должен был вызвать восхищение на Западе), пользовалась гораздо худшей репутацией¹⁵⁰. При Ельцине сложился как раз довольно негативный имидж России как нестабильной страны дикого криминального капитализма.

Таким образом, наши рассуждения приводят нас к следующим выводам. Во-первых, не стоит преувеличивать предубежденность западного общественного мнения против России. Во-вторых, репутация страны зависит, на наш взгляд, не только от субъективных факторов и от работы PR-щиков, но в значительной мере все-таки от реальной политики

страны и поступков ее лидеров, от того, насколько эта политика согласуется с ценностями тех, кто ее оценивает, т. е., в нашем случае, с преобладающими западными либеральными ценностями. Чем сильнее эта политика расходится с ценностями, на которых основывается мировое либеральное общественное мнение, тем труднее будет его изменить в лучшую сторону при помощи РР.

---

¹ Валишевский К. Иван Грозный / Пер. с фр. Репринт. воспр. издания 1912 г. М., 1989.

² Ср.: Шмурло Е. Ф. Курс русской истории. Русь и Литва. Спб., 1999.

³ Базылев Л. Россия в польско-литовской политической литературе XVI в. // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. М.: Наука, 1976. С. 132—156; Винтер Э. Натиск контрреформации на Россию и польские королевские выборы 1575 и 1587 гг. // Международные связи России до XVII в. М., 1963. С. 400—418; Дмитриев М. В., Старостина И. П., Хорошкевич А. Л. Михалон Литвин и его трактат // Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1994. С. 6—56; Карнаухов Д. В. Формирование исторического образа Руси в польской хронографии XV—XVI вв. (Источники и историография исследования) // История и историки: историографический вестник. 2005 / отв. ред. А. Н. Сахаров. М., 2006. С. 53—83; он же. История средневековой Руси в польской хронографии конца XV — начала XVII вв. Дисс. ... докт. ист. наук. М., 2011; Флоря Б. Н. Русское государство и русский народ в оценке польских шляхетских публицистов XVI в. // Культурные связи народов... С. 251—261; он же. Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI — начале XVII вв. М., 1973; Głombiowska Z. Motywy polityczne w łacińskich elegiach Jana Kochanowskiego // Meander. Rok XXXI. № 3. Warsz., 1976. S. 104—117.

⁴ Поляки и русские в глазах друг друга / Отв. ред. В. А. Хорев. М., 2000; Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание / Сост. А. В. Липатов, И. О. Шайтанов. М., 2000.

⁵ Мельников Г. П. Культура Польши, Литвы, Белоруссии и Украины в середине XV—XVI в. // История культуры стран Западной Европы в эпоху Возрождения. М., 2001. С. 369.

⁶ См.: Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях / Пер. С. А. Аннинского. М.—Л., 1936.

⁷ Мельников Г. П. Указ. соч. С. 374.

⁸ Флоря Б. Н. Русское государство... С. 253.

⁹ Там же.

¹⁰ Базылев Л. Указ. соч. С. 144.

¹¹ Цит. по: Дмитриев М. В., Старостина И. П., Хорошкевич А. Л. Указ. соч. С. 34.

¹² Ср.: Широкопад А. Б. Дипломатия и войны русских князей. От Рюрика до Ивана Грозного. М., 2006. С. 3.

---

¹³ Валишевский К. Указ. соч. С. 234; Винтер Э. Указ. соч. С. 411.

¹⁴ Флоря Б. Н. Указ. соч. С. 257; Базылев Л. Указ. соч. С. 150.

¹⁵ Валишевский К. Указ. соч. С. 234.

¹⁶ Там же. С. 235.

¹⁷ Cf. Dyserinck H. Zum Problem der „images“ und „mirages“ und ihrer Untersuchung im Rahmen der Vergleichenden Literaturwissenschaft // *Arcadia*. 1 (1966). S. 107—120. URL: <http://www.imagologica.eu/dyser>; Guyard M.-F. L'étranger tel qu'on le voit // Guyard M.-F. *La littérature comparée*. P., 1951. P. 110—119. URL: <http://www.imagologica.eu/guyard#rfa>; Leerssen J. *Imagology: History and method*. URL: <http://www.imagologica.eu/pdf/historymethod.pdf>; Ощепков А. Р. *Имагология // Знание. Понимание. Умение*. 2010. № 1. С. 251—253.

¹⁸ Ср.: Алатов М. А. *Русская историческая мысль и Западная Европа XII—XVII вв.* М., 1973; Платонов С. Ф. *Москва и Запад в XVI—XVII веках*. Л., 1925; Романов П. В. *Россия и Запад на качествах истории*. В 4-х томах. Т. I. От Рюрика до Александра I; т. II. От декабристов до большевиков. М., 2009—2010; Черникова Т. В. *Европеизация в России во второй половине XV—XVII веках*. М., 2012; Янов А. Л. *Россия и Европа. 1462—1921*. В 3-х книгах. М., 2008—2009.

¹⁹ Алексеев М. П. *Русско-английские литературные связи (XVIII — первая половина XIX в.) // Литературное наследство*. Т. 91. М., 1982; Гамель И. Х. *Англичане в России в XVI и XVII столетиях*. Статья первая. Приложение к VIII тому *Записок Императорской академии наук № 1*. СПб., 1865; он же. *Англичане в России в XVI и XVII столетиях*. Статья вторая. Приложение к XV тому *Записок Императорской академии наук № 1*. СПб., 1869; Лабутина Т. Л. *Англичане в допетровской России*. СПб., 2011; Лакиер А. Б. *Обзор сношений между Англией и Россией в XVI и XVII столетиях*. СПб., 1854; Любименко И. И. *История торговых сношений России с Англией*. Вып. I. XVI век. Юрьев, 1912; Мартенс Ф. Ф. *Россия и Англия в продолжение XVI и XVII веков // Русская мысль*. М., 1891. Кн. I. С. 38—54; кн. II. С. 1—36; Прокофьева Н. Е. *Англо-русские культурные контакты XVII в.* Дисс. ...канд. ист. наук. Великий Новгород, 2003; Середонин С. М. *Английские известия о России во второй половине XVI века // Журнал министерства народного просвещения*. 1885. Декабрь. СПб., 1885. С. 116—165; Соколов А. Б. *Навстречу друг другу: Россия и Англия в XVI—XVIII вв.* Ярославль, 1992; Толстой Ю. В. *Первые сорок лет сношений между Россией и Англией. 1553—1593 гг.* СПб., 1875; Anderson M. S. *Britain's Discovery of Russia. 1553—1815*. L., 1958.

²⁰ Ерофеев Н. А. *Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825—1853 гг.* М., 1982; Орлов А. А. *Теперь вижу англичан вблизи...»: Британия и британцы в представлениях россиян о мире и о себе (вторая половина XVIII — первая половина XIX вв.)*. Очерки. М., 2008; Рогинский Э. И. *Поездка гонца Герасима Семеновича Дохтурова в Англию в 1645—1646 гг.* Ярославль, 1959; Рогинский Э. И. *Лондон 1645—1646 годов. Новые источники о поездке Г. С. Дохтурова в Англию*. Ярославль, 1960; Шестаков В. П. *Англия глазами русских // Россия и Запад: диалог культур*. Сборник статей / Отв. ред. А. В. Павловская. Вып. 3. М., 1996. С. 109—137.

²¹ Валишевский К. Указ. соч. С. 295—317.

- ²² Лурье Я. С. «Открытие Англии» русскими в начале XVI века // Географический сборник изв. Географического об-ва СССР. Т. III. М., 1954. С. 185—187.
- ²³ Лабутина Т. А. Указ. соч. С. 80—81.
- ²⁴ См.: Черникова Т. В. Указ. соч. С. 275.
- ²⁵ Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций России с иностранными державами. Т. IX (X). Трактаты с Англией. СПб., 1892. С. XLVIII—XLIX.
- ²⁶ Рогожин Н. М. Иностранные дипломаты о России XVI—XVII веков // Проезжая по Московии (Россия XVI—XVII веков глазами дипломатов). М., 1991. С. 7.
- ²⁷ Мартенс Ф. Ф. . Указ. соч. С. XLIX—L.
- ²⁸ Там же. С. L.
- ²⁹ Черникова Т. В. Указ. соч.
- ³⁰ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англией. Т. II (с 1584 по 1604 год) / Под ред. К. Н. Бестужева-Рюмина // Сборник императорского русского исторического общества. Т. 38. СПб., 1883. С. 278—363.
- ³¹ Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки. Репринт. воспр. издания 1954 года. СПб., 2008. С. 156—205.
- ³² Чарыков Н. В. Посольство в Англию дворянина Григория Микулина в 1600 и 1601 гг. (по документам Московского главного архива иностранных дел). М., 1878.
- ³³ Ср.: Алексеев М. П. Указ. соч.; Evans N. S. The Meeting of the Russian and Scottish Ambassadors in London in 1601 // The Slavonic and East European Review. Vol. LV. № 4. October. 1977. P. 517—528.
- ³⁴ Путешествия русских послов... С. 349.
- ³⁵ Алексеев М. П. Указ. соч. С. 52.
- ³⁶ Чарыков Н. В. Указ. соч. С. 22.
- ³⁷ Там же. С. 22—23, прим. 35; Путешествия русских послов... С. 403, прим. 1.
- ³⁸ «Мой честнейший и дорогой друг Григорий Иванович Микулин». (Письмо английского государственного деятеля к русскому дипломату начала XVII в.) // Отечественные архивы. 1995. № 6. С. 87, прим. 2.
- ³⁹ Чарыков Н. В. Указ. соч. С. 22—23.
- ⁴⁰ Белоброва О. А. Микулин Григорий Иванович // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1993. Вып. 3. Ч. 2. С. 350.
- ⁴¹ Evans N. S. Op. cit. P. 523, 527.
- ⁴² «Мой честнейший и дорогой друг...». С. 88; ср.: Чарыков Н. В. Указ. соч. С. 36, прим. 58.
- ⁴³ См.: Алексеев М. П. Указ. соч. С. 50—52.
- ⁴⁴ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Пер. с англ. Ю. В. Готье. М., 1937. С. 50.
- ⁴⁵ Коллинс С. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. М., 1846. С. 38—39.
- ⁴⁶ Горсей Джером. Записки о России. XVI — начало XVII в. / Под ред. В. Л. Янина; пер. и сост. А. А. Севастьяновой. М., 1990. С. 245—275.
- ⁴⁷ Алексеев М. П. Указ. соч. С. 38—39.
- ⁴⁸ Там же. С. 29—46.

-
- ⁴⁹ Там же. С. 36; Горсей Джером. Указ. соч. С. 112.
- ⁵⁰ Чарыков Н. В. Указ. соч. С. 12, прим. 11.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Путешествия русских послов... С. 281.
- ⁵³ Там же. С. 282.
- ⁵⁴ Чарыков Н. В. Указ. соч. С. 19 прим. 28.
- ⁵⁵ Путешествия русских послов... С. 159, 404, прим. 11—12.
- ⁵⁶ Там же. С. 160.
- ⁵⁷ Там же. С. 162.
- ⁵⁸ См.: Чарыков Н. В. Указ. соч. С. 24.
- ⁵⁹ Там же. С. 23; Путешествия русских послов... С. 162.
- ⁶⁰ Там же. С. 405, прим. 13.
- ⁶¹ Там же. С. 160.
- ⁶² Там же. С. 405, прим. 15; Чарыков Н. В. Указ. соч. С. 26, прим. 41.
- ⁶³ Путешествия русских послов... С. 161.
- ⁶⁴ Там же. С. 178; Гамель И. Х. Указ. соч. Статья вторая. С. 228, прим. 4.
- ⁶⁵ Путешествия русских послов... С. 173.
- ⁶⁶ Там же. С. 176; Чарыков Н. В. Указ. соч. С. 30.
- ⁶⁷ Путешествия русских послов... С. 178.
- ⁶⁸ Чарыков Н. В. Указ. соч. С. 31.
- ⁶⁹ Там же. С. 31—32; 182—184.
- ⁷⁰ Там же. С. 197—198.
- ⁷¹ Там же. С. 200—201.
- ⁷² См. об этих событиях подробнее: Эриксон К. Елизавета I / Пер. с англ. Н. А. Анастасьева. М., 2001. С. 412—417.
- ⁷³ Путешествия русских послов... С. 178—181.
- ⁷⁴ Алексеев М. П. Указ. соч. С. 51.
- ⁷⁵ Там же.
- ⁷⁶ Путешествия русских послов... С. 182.
- ⁷⁷ Evans N. S. Op. cit.
- ⁷⁸ Алексеев М. П. Указ. соч. С. 51—52.
- ⁷⁹ Тарле Е. В. Самодержавие Николая I и французское общественное мнение // Запад и Россия. Пг., 1918. С. 28—78.
- ⁸⁰ Герцен А. И. Собрание сочинений в восьми томах. М., 1975. Т. III. С. 427.
- ⁸¹ Там же. Т. IV. С. 53.
- ⁸² См.: Пресняков А. Е. Апогей самодержавия. Николай I. Л., 1925.
- ⁸³ Маркиз А. де Кюстин. Николаевская Россия. М., 1990; ср.: А. де Кюстин. Россия в 1839 году / Под ред. В. И. Мильчиной. В 2-х тт. М., 2000. СПб., 2008; Кеннан Д. Ф. Маркиз де Кюстин и его Россия в 1839 году. М., 2006.
- ⁸⁴ Мартенс Ф. Ф. Император Николай I и королева Виктория. Исторический очерк // Вестник Европы. 1896. № 11. С. 74—91.

---

⁸⁵ Тарле Е. В. Император Николай I и крестьянский вопрос в России по неизданным донесениям французских дипломатов 1842—1847 гг. // *Запад и Россия*. П., 1918. С. 3—27.

⁸⁶ Киняпина Н. С. Внешняя политика Николая I // *Новая и новейшая история*. 2001. № 1—2.

⁸⁷ Выскочков Л. В. Николай I. М., 2006.

⁸⁸ См.: Мильчина В. А. И еще одна книга о России // *Новое литературное обозрение*. 1995. № 13.

⁸⁹ Бесов А. Г., Зеленина Л. В., Шеремет В. И., Якушев М. И. О мифах, стереотипах, тайнах и парадоксах Восточной (Крымской) войны 1853—1856 гг. // *Золотой Лев*. № 121—122. URL: http://www.zlev.ru/121/121_20.htm

⁹⁰ Cf. Edgerton R. B. *Death or Glory. The Legacy of the Crimean War*. Oxf., 2000. P. 10.

⁹¹ *Crimean War* // *The Encyclopædia Britannica*. 11th Edition. Vol. VII. N. Y.: Encyclopædia Britannica Inc., 1910—1911. P. 453—454; Edgerton R. B. *Op. cit.* P. 5.

⁹² *Wie ward der letzte orientalische Krieg herbeigeführt? Eine historische Untersuchung*. Lpz., 1863; Rich N. *Why the Crimean War? A Cautionary Tale*. L.—Hanover, 1985.

⁹³ *Wie ward der letzte orientalische Krieg...* S. 2.

⁹⁴ Guérin L. *Histoire de la dernière guerre de Russie (1853—56)*. P., 1858; Dufour, A. H. *La Russie et l'Europe. Histoire de la guerre d'Orient*. P., s/a; Nolan E. H. *The Illustrated History of the War against Russia*. Vol. I—II. L., 1857; *Pictorial History of the Russian War, 1854—56*. Edinburgh & L., 1856.

⁹⁵ Rich N. *Op. cit.* P. XVII—XVIII.

⁹⁶ Тарле Е. В. *Самодержавие Николая I...*

⁹⁷ *Wie ward der letzte orientalische Krieg...* S. 5—7.

⁹⁸ Тютчев Ф. И. *Россия и Запад / Сост., пер. и коммент. Б. Н. Тарасова*. М., 2007. с. 53, 231.

⁹⁹ Тарле Е. В. *Указ. соч.* С. 76.

¹⁰⁰ *Wie ward der letzte orientalische Krieg...* S. 9; ср.: Данилова Е. Н. «Завещание» Петра Великого // *Труды Историко-архивного института*, Т. II. М., 1946; Козлов В. П. *Тайны фальсификации. Анализ подделок исторических источников XVIII—XIX вв.* 2-е изд. М., 1996; Павленко Н. И. *Три так называемых завещания Петра I // Вопросы истории*. 1979. № 2.

¹⁰¹ Marx K. *The Eastern question, a reprint of letters written 1853—1856 dealing with the events of the Crimean war* / Ed. by E. Marx Aveling and E. Aveling. L., 1897. P. 34, 79.

¹⁰² Ерофеев Н. А. *Указ. соч.* С. 271—279.

¹⁰³ Marx K. *Op. cit.* P. 34.

¹⁰⁴ Тарле Е. В. *Указ. соч.* С. 31.

¹⁰⁵ Там же. С. 43.

¹⁰⁶ Там же. С. 66.

¹⁰⁷ Там же. С. 69.

¹⁰⁸ Там же. С. 77.

- ¹⁰⁹ Романов П. В. Россия и Запад на качелях истории. В 4-х тт. Т. II. СПб., 2010. С. 121.
- ¹¹⁰ См. прим. 17.
- ¹¹¹ См.: Токвиль А. де. Демократия в Америке. М., 1992.
- ¹¹² Карацуба И. В. Футурология британской «Россики» (XVI — начало XIX века) // Россия и Запад диалог культур. Материалы 2-й международной конференции... 1995 г. Вып. 2. М., 1996. С. 477—484.
- ¹¹³ Зверев А. М. Улыбка Джерома // Джером Дж.К. Трое в лодке, не считая собаки. Трое на четырех колесах. Рассказы. М., 1995. С. 5—14.
- ¹¹⁴ Jerome J. K. Russians as I Know Them // American wives and others. N. Y., 1904. P. 61—75.
- ¹¹⁵ Jerome J. K. Creatures That One Day Shall Be Men // Jerome J. K. Idle Ideas in 1905. L., 1906. P. 141—157.
- ¹¹⁶ Он же. Люди будущего // Джером Дж. К. Избранное. М., 1999. С. 627—639.
- ¹¹⁷ См.: Маркиш С. П. Джером Клапка Джером // Джером Дж. К. Избранные произведения в 2-х тт. М., 1957. С. 3—25; Комаров И. «Человеческое измерение» // Джером Дж.К. Избранное... С. 5—14.
- ¹¹⁸ См.: Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М., 1937. С. 61—62.
- ¹¹⁹ Ср.: Ерофеев Н. А. Указ. соч.; Зашихин А. Н. Глядя из Лондона: Россия в общественной мысли Британии. Вторая половина XIX — начало XX в. Очерки. Архангельск, 1994; Павловская А. В. Россия и Америка. Проблемы общения культур. Россия глазами американцев: 1850—1880-е годы. М., 1998.
- ¹²⁰ Ср.: Россия и Запад: диалог культур. Сборник статей / Отв. ред. А. В. Павловская. Вып. 1—6. М., 1994—1998; Россия и внешний мир: диалог культур. Сборник статей / Отв. ред. Ю. С. Борисов. М., 1997; Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия / Под ред. А. В. Голубева. Вып. 1. М., 2000; Образ России в мировой культуре и образы других стран в русской культуре XIV—XX веков / Под общ. ред. акад. Е. П. Чельшева. М., 1998; Россия и Европа в XIX—XX вв. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. М., 1996 и др.
- ¹²¹ The American Image of Russia. 1775—1917 / Ed. by E. Anselm. N. Y., 1974; American Research on Russia / Ed. by G. Fischer. Bloomington, 1959; Lakier A. A Russian Looks at America. Boston, 1969; Allen G. Russia Looks at America. The View to 1917. Wash., 1988; America Through Russian Eyes. 1874—1926. New Haven; L., 1988; Boden D. Amerikabild im russischen Schrifttum bis zum Ende des 19. Jahrhunderts. Hamburg, 1968.
- ¹²² Павловская А. В. Указ. соч.. Ее многочисленные статьи см. тж. в сб. Россия и Запад... Вып. 1—6 и в сб. Россия и мир...
- ¹²³ Ср.: Шестаков В. П. Русское открытие Америки // Россия и Запад... Вып. 1. М., 1994. С. 74—86; Сергеев Е. Ю. Образ России и русских в общественном мнении США (август 1914 — февраль 1917 г.) // Россия и внешний мир... М., 1997; он же.

Образ США в представлениях россиян. (Начало XX века) // Россия и мир... С. 235—246.

¹²⁴ Сергеев Е. Ю. Образ России и русских в общественном мнении США (август 1914 — февраль 1917 г.) // Россия и внешний мир: диалог культур. М., 1997. С. 149—161.

¹²⁵ Мартенс Ф. Ф. Американские впечатления // Вестник Европы. 1902. № 11. С. 5—51.

¹²⁶ Он же. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. В 13-ти т. СПб., 1874—1905.

¹²⁷ Ср.: он же. Император Николай I и королева Виктория // Вестник Европы. 1896. № 11. С. 74—91; он же. Россия и Англия в царствование императора Николая I // Вестник Европы. 1897. № 1. С. 5—31.

¹²⁸ Об этом термине см. интересную статью известного философа В. Кантора в новом, возобновленном «Вестнике Европы»: Кантор В. К. Русский европеец как задача России // Вестник Европы. 2001. № 1.

¹²⁹ Мартенс Ф. Ф. Американские впечатления... С. 6.

¹³⁰ Там же. С. 12.

¹³¹ Там же. С. 24—31.

¹³² Там же. С. 47—48.

¹³³ Там же. С. 17—20.

¹³⁴ Cf. Tocqueville A. Democasy in America. P 142. — Цит. по: Шестаков В.П. Русское открытие... С. 79—80; ср. русский перевод: Токвиль А. де. Демократия в Америке // Пер. с фр. М., 1992.

¹³⁵ Ср.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. XVI. М., 1949. С. 241.

¹³⁶ Мартенс Ф. Ф. Американские впечатления... С. 8—9.

¹³⁷ См. прим. № 132.

¹³⁸ Мартенс Ф. Ф. Американские впечатления... С. 10.

¹³⁹ Там же. С. 12.

¹⁴⁰ Этот термин Ф. Ф. Мартенс заимствует у английского публициста У. Т. Стеда: Stead W. T. The Americanization of the World. L., 1902. Это явление было вполне прогнозируемо уже в начале XX в.

¹⁴¹ Там же. С. 45—51.

¹⁴² Там же. С. 50.

¹⁴³ См.: Ужегова Э. А. О стереотипах восприятия России и российского бизнеса за рубежом // Россия и Запад: диалог культур. Вып. 6. М., 1998. С. 518—529.

¹⁴⁴ См.: Потапенко О. А. Гакстгаузен о России // Россия и Запад: диалог культур. Сборник статей / Отв. ред. А. В. Павловская. Вып. 1. М., 1994. С. 49—59; Мильчина В. А. Указ. соч.

¹⁴⁵ Бельгийский националист намерен просить у России политического убежища. URL: <http://www.polit.ru/news/2006/04/20/ybejishe.html>

¹⁴⁶ См.: Агеева О. Г. Петр I глазами западноевропейских мемуаристов начала XVIII века // Россия и мир глазами друг друга: Из истории взаимовосприятия. М., 2000.

---

¹⁴⁷ Павловская А. В. Император Александр II глазами западных современников // Россия и Запад: диалог культур. Вып. 1. М., 1994. С. 59—73; см. также: Голубев А. В., Поршнева О. С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М., 2012.

¹⁴⁸ Churchill W. The World Crisis. 1916—18. Vol. I. L., 1927. P. 223—225.

¹⁴⁹ Кардашова Е. В. Эволюция образа большевистской России в СДПГ в 1917—1919 годах // Германия и Россия: события, образы, люди. Вып. II. Воронеж, 1999. С. 25—47.

¹⁵⁰ Ужегова Э. А. Указ. соч.

Вместо заключения

Непросто подводить общие итоги такого разнопланового исследования. Поэтому вместо традиционного заключения как суммы выводов мы решили обрисовать, основываясь на мнениях современных экспертов, дальнейшие перспективы развития взаимоотношений России и Запада и попытаться сформулировать ответы на вопросы, которые возникают, исходя из заглавия темы монографии: «А Европа ли Россия?», «По пути ли нам с Западом?», «Куда движется современная Россия?» и т. п.

Прежде всего нам представляется особо важным внутренний (внутрироссийский) общественный диалог на эту тему, иначе говоря, длящийся уже веками дискурс о самоидентичности России — «Россия и Европа» или «Россия и Запад». На наш взгляд, именно от его решения, точнее, разворота во многом зависят перспективы наших политических взаимоотношений с «Западом». Ведь и возник этот термин, понимаемый в негативном, противопоставляемом России ключе, на российской почве (о чем мы говорили еще во введении). Хотя, разумеется, все зависит не только от нас, есть и второй субъект, однако роль в этом процессе России, роль трансформации ее политической жизни и общественного мнения представляется более чем весомой. Поэтому столь важно проанализировать меняющиеся общественные реалии в России, по крайней мере, поставить уже сейчас эту проблему и наметить некоторые штрихи к ее решению.

Корень проблемы, по большому счету, лежит в глубокой истории. Западничество и почвенничество («славянофильство») появились в общественной мысли России еще в середине XIX века, и с тех пор эти два противоположных, казалось бы, взгляда на пути общественно-исторического и культурного развития России, существуют и до сих пор, подвергаясь лишь некоторой трансформации или корректировке, в зависимости от меняющегося «исторического фона». На самом деле, по справедливому замечанию отечественного философа В. К. Кантора, между западниками и почвенниками есть значительное сходство: они едины в том, что признают Россию иной, чем Европа, и тем самым вытесняют ее за пределы общеевропейской истории. Поэтому, актуальной задачей, по мнению Кантора, является становление новой идеологии

«русского европейца». В отличие и от почвенников и от западников, «русские европейцы» — это те, кто вовсе не отделяют Россию от Запада, смотрят на Запад не извне, со стороны, а изнутри, глазами европейца. Под «европейскостью» этот философ понимает некий культурно-этический идеал, к которому стремятся все европейские и не только европейские, а вообще цивилизованные народы. Европеизация для него — своего рода модернизация под эгидой почти мистического европейского гуманизма и либерализма. Разумеется, заключает автор, — это «процесс исторически непростой, как непростым был процесс становления любого (французского, английского, испанского и т. п.) западного европейца»¹.

Эти мысли высказывались В. К. Кантором в конце 90-х — начале 2000-х гг.² Что же произошло после этого? Не прибегая к излишне эмоциональной популярной риторике либеральной отечественной и зарубежной прессы, насчет того, что Россия вернулась к авторитаризму, ушла в спячку и т. п., попытаемся ответить на этот вопрос цитатами из профессиональных исследований российских ученых. Вот как, например, характеризует ситуацию, сложившуюся в последние годы в отношениях России и Европы известный отечественный политолог С. А. Караганов: «На протяжении 2006—2009 годов в отношении России и Старого Света ощутимо накаливалось недоверие, а то и напряженность. Причин было немало... Свою роль сыграл и вновь открывшийся «ценностный разрыв»... Более того, своим неуважением к закону и все более тотальной коррупцией Россия стала ощутимо сворачивать с традиционного для нее (с вариантами) европейского пути...». При этом, «несмотря на огромный потенциал развития и проделанный путь сближения, отношения Россия — Европейский Союз пребывают в концептуальном и политическом тупике»³.

А вот как оценивает трансформацию общественного дискурса «Россия и Запад» в последние годы другой известный российский политолог О. Ю. Малинова. По ее словам, «контент-анализ президентских посланий выявляет тенденцию к снижению количества высказываний, утверждающих подобие/равенство России и ее Значимого Другого, и к увеличению доли критики в адрес последнего в 2005—2008 гг. Ту же тенденцию обнаруживает исследование дискурса пропутинской части российского политического класса... континуум сходств и различий легко смещается в направлении „антизападничества“»⁴. Еще одна

широко известная в профессиональной среде исследовательница Т. Г. Пархалина также признает «существование и эксплуатацию частью политического класса нашей страны стереотипов, базирующихся на представлении о том, что Запад — либо «враг» России, либо, по меньшей мере — «не друг»⁵.

Между тем, как утверждают ведущие специалисты по внешней политике в уже цитированном исследовании «Россия vs Европа...», «для России и стран ЕС сохранение позитивных элементов в отношениях и их переход в более высокое качество имеют жизненно важный характер... Действуя в отрыве друг от друга и тем более соперничая, Россия и Европейский союз, скорее всего, не будут в состоянии претендовать на роль полноценных центров силы будущего миропорядка и окажутся объектами политики внешних сил». А Россия, «без объединения с той частью Европы, что ныне составляет Евросоюз, обладающий значительным человеческим, культурным, технологическим потенциалом, обречена на десятилетия борьбы за геополитическое выживание». Наконец, близость к Европе, единство с ней — по мнению авторов, — необходимо России в первую очередь для продолжения социально-культурной и политической модернизации. Европа — колыбель многого лучшего в российской цивилизации... Нас объединяют единая культура, история, религиозные корни. Европа — один из главных источников российской цивилизации и идентичности, общественной и культурной модернизации страны...». И «без единения с Европой, ее гуманизмом, политической и общественной культурой, уважением к закону и правам человека, — полагают авторы издания, — возникает риск демодернизации России, роста в ней неуважения к человеку, элементов „нового варварства“, безудержной коррупции»⁶.

Любопытная дискуссия состоялась несколько лет тому назад, в период пробуждения российского общества конца 2011 — начала 2012 гг., в студии программы известного журналиста Евгения Киселева «Большая политика» (выходившей тогда на украинском телевидении). В ходе дискуссии было высказано два полярных мнения по интересующему нас вопросу. Известный украинский политолог, директор Института глобальных стратегий В. Ю. Карасев высказал оригинальную точку зрения о том, что если раньше, по выражению Пушкина, единственным европейцем в России являлось правительство, то сегодня, наоборот, «единственный европеец в России — это общество». Власть, по словам поли-

толога, как раз не хочет, чтобы Россия шла в Европу, в то время как общество, по крайней мере, образованная элита, демонстрирует, что он уже к этому готов, и эта часть общества начинает брать на себя миссию «толкать страну в Европу», силится осуществить «европейский транзит».

Категорически возразил этой точке зрения другой не менее известный украинский политолог М. Б. Погребинский. По его мнению, Россия еще совсем не готова к «европейскому транзиту», и если бы в России сейчас состоялись по-настоящему демократические выборы, то к власти пришли бы отнюдь не Немцов и даже не Навальный, а махровые националисты, и была бы создана партия под условным названием «Сильная Россия». Отсюда Погребинский делает уж совсем пессимистический, пожалуй, даже дурной вывод, что это хорошо, что в России не очень демократические выборы и что там есть политическая сила, которая контролирует то общество, которое будет выбирать русских «фашистов»⁷. То есть, согласно данной точке зрения, власть в России все еще остается большим европейцем, чем общество, а последнее не готово еще к модернизации по европейскому типу. К сожалению, не исключено, что такой точки зрения придерживаются и многие другие европейские политики (не только украинские).

Как ни странно, но среди европейской либеральной общественности и прессы встречаются более оптимистичные оценки. Особенно это было выражено в эпоху уже упомянутых бурных событий, связанных с политическими протестами в России 2011—2012 гг. Многим европейским либералам (так же как и русским) тогда это дало огромную надежду и заставило поверить в демократическое будущее России. Так, например, бывший посол Великобритании в России Родрик Брейтуэйт в своей статье от 21 декабря 2011 г. в «Financial Times» писал, что он еще «в 1992 году полагал: Россия преодолет трудности только через несколько десятилетий, но со временем сформирует свою демократию» и «этого мнения он придерживается донныне». При этом Р. Брейтуэйт упрекает Запад за то, что в некоторых его кругах, вместо искреннего желания помочь России преодолеть трудности, «звучали некрасивые нотки торжества, было ощущение, что теперь мы заставим русских плясать под нашу дудку»⁸.

Была преисполнена оптимизма и статья известной французской ученой Элен Каррер д'Анкосс в «Figaro» от 9 января 2012 г. под загла-

вием «Русская весна» По ее мнению, манифестации протеста в России, во-первых, «являются доказательством политического здоровья граждан России, которые не являются аморфными и пассивными подчиненными системы, способной навязать им что угодно», во-вторых, «это движение не является демонстрацией отчаяния неконтролируемых масс, вписывается в четкие рамки и отвергает всякую спонтанность и экстремизм» и, в-третьих, «несмотря на молчание Владимира Путина, перемены уже близки». Путин «уже воспринимается лишь как переходный кандидат, до появления новой системы, возможно „беспрезидентской“, до появления новых людей, лучше понимающих поколение, вышедшее на улицы в декабре. В этом смысле декабрь действительно был российской весной», — заключает Э. Каррер д'Анкосс⁹.

Одни только заглавия многих статей в европейской прессе двух- или трехлетней давности свидетельствуют о преобладавшем оптимизме в отношении новейших событий в России и даже об улучшении имиджа России, в связи с этим. Например, еще одна любопытная статья в том же в том же «Figaro» (в основу которой положено интервью с экспертом парижского Центра анализа криминальных угроз Арно Калика) была озаглавлена «Мы являемся свидетелями пробуждения у россиян ответственности за свою судьбу»¹⁰, а статья в испанском «El País» называется: «Наконец-то хорошие новости из России»¹¹.

Таким же духом оптимизма были проникнуты тогда и статьи в немецкой прессе. Еженедельник «Die Zeit» писал: «Утверждение, что Россия „не созрела“ для демократии и нуждается в авторитарном правлении, в высших кругах было вполне расхожим. В последние недели это презрительное мнение было опровергнуто массовыми протестами против фальсификации выборов»¹². Примерно те же мысли высказывает немецкий журналист Клеменс Вергин в своем блоге на сайте газеты «Die Welt». Немцы, по его словам, «создали удобный для себя образ России, основанный на предположении, что „русский“ якобы нуждается в сильной руке и вполне доволен тем, что путинская репрессивная стабильность позволяет иметь некий скромный достаток... По-видимому, московское руководство само верило в эту картину»¹³. Но это оказалось не так, Россия оказалась все же не Китаем, где коммунистической партии удалось включить сформировавшийся средний класс в свою систему и «выкупить у него желание свободы в обмен на рост благосостояния»¹⁴.

В немецкой прессе прослеживался и еще один немаловажный момент — укор в адрес европейских правительств, которые «старались перешеголять друг друга в поисках благосклонности Кремля»¹⁵, и призыв наконец проявить солидарность с российским народом. В сети Интернет большую популярность приобрел тогда сатирический ролик из одной программы телекомпании «ZDF», в котором диалог ведущего новостей и московского корреспондента завершается патетической фразой ведущего о том, что после сфальсифицированных выборов и народных протестов «наше федеративное правительство полностью пересмотрит свою политику по отношению к России». После чего ведущий не удерживается, и оба участника диалога заливаются хохотом. Обοим ясно, что немецкое правительство не станет ссориться с Кремлем. Такая позиция официальных властей все чаще стала подвергаться критике со стороны либерального общественного мнения уже тогда, задолго до Крымского кризиса, который резко прояснил ситуацию для западных лидеров. «Die Zeit» воодушевленно писала по этому поводу: «Для западной политики в отношении к России переход российского гражданского общества к открытым действиям содержит несколько важных уроков... больше не существует повода делать ставку исключительно на „вечного Путина“... Теперь мы должны сделать все, чтобы поддержать воспрянувшее ото сна демократическое движение. Оно несет надежду проевропейской России»¹⁶.

Но уже тогда в западной прессе встречались и — как оказалось впоследствии, более справедливые — весьма осторожные и пессимистичные оценки. Например, обозреватель американского интернет-издания «The Daily Beast» Оуэн Мэттьюз писал, что «акции протеста в Москве не станут толчком к „Русской весне“». По его мнению, проблема в том, что «подавляющее большинство россиян не любит либералов и демократов и не одобряет идею революции. Их главная черта — политическая апатия: они недовольны, но не разозлены». Автор признает, что митинг на Болотной площади стал важной вехой для оппозиции, но все же он не достиг таких масштабов, какие имели место в 1991 или 1917 гг. «И не выйдет, пока (упаси Бог!) экономический кризис не совпадет с кризисом легитимности: эта роковая смесь была двигателем всех русских революций», — полагал автор¹⁷. Польская «Gazeta Wyborcza» также считала «шанс Болотной площади» упущенным с са-

мого начала, потому что оппозиции в России не удалось договориться и выбрать единого лидера ¹⁸.

События в России 2011—2012 гг., таким образом, способствовали возобновлению дискуссии о нашей культурной идентичности. Причем тогда — уже в кои-то веки — в положительном ключе. Одно из самых оригинальных мнений высказывал тогда известный российский политолог С. А. Белковский (вообще, отличающийся оригинальными мнениями) в интервью на радио «Эхо Москвы». Он заявлял, что «если Россия хочет стать европейской страной, если она хочет окончательно идентифицировать себя как Европу, а не Азию, а это очевидно является заветной мечтой русского человека — стать европейцем по своему гражданскому статусу и по политической среде, в которой ты живешь, и остаться русским по культуре, менталитету и языку, то, конечно, нужна парламентская республика, как в Европе». О целесообразности перехода России к парламентской республике в последнее время, кстати, говорят многие либералы. А оригинальность позиции С. А. Белковского разве что в том, что он не исключает, что Россия при этом «должна быть под сенью конституционной монархии, что тоже является абсолютно органичной для нашего цивилизационного типа формой правления, в которой есть символическая власть, которая несменяема, но у нее нет полномочий. Есть реальная власть, которая сменяема в рамках демократической процедуры в любой момент» ¹⁹.

Другой российский исследователь и журналист Л. А. Радзиховский в интервью той же радиостанции на вопрос о перспективах развития народного движения в России дал достаточно оптимистический ответ. По его словам, «Россия — последняя из больших европейских стран, которая не проделала одну совершенно банальную для XXI века вещь — которая не перешла от монархии к республике. Все страны перешли, на это понадобились сотни лет. Началось это где-то в XVIII веке и закончилось в 1945 году. Россия этот путь не проделала и сейчас пытается его проделать, уже в который раз пытается, 100 лет пытается». Но он выразил уверенность, что «на этот раз она его таки, да, проделает, потому что время очень изменилось, совершенно невозможны и не нужны ни кровавые революции, никакие. Но переход от монархии к республике, от псевдомонархии, от квазимонархии, от околмонархии к республике, я думаю, совершится достаточно быстро» ²⁰.

Причины такой исторической задержки в политической эволюции России объяснил другой известный российский журналист Л. М. Млечин. На вопрос о том, почему из пятидесяти стран Европы все, кроме Белоруссии и России, имеют демократический режим, он ответил, что «потому что здесь дольше всего продолжалась советская власть. Ущерб, нанесенный советской властью, гражданской войной, раскулачиванием, коллективизацией, массовыми репрессиями, послевоенными репрессиями и всем тем, что делали с человеком, вообще говоря... почти несовместим с жизнью народа»²¹. Мы думаем, это верно лишь отчасти. Советская власть ведь была и на Украине, но она все же развивается более динамично и, что бы там ни говорили злые языки пропаганды, во многом более демократично, чем Россия. Следует учитывать, на наш взгляд, и гораздо более глубокие исторические факторы, такие как фактор дореволюционной самодержавной монархии, фактор глубокой ментальной традиции веры в «батюшку-царя» и т. п., без которых и советская система так прочно и надолго бы не укоренилась в нашей стране.

Об этом самом глубоком и важном, на наш взгляд, культурно-историческом моменте — менталитете народа — рассуждает в своей статье в «The Japan Times» известный экономист-международник А. Д. Бородаевский. Его статья называется «Корректировка российской ментальности». «Столкнувшись с реалиями XXI века, Россия, — по его словам, — должна продемонстрировать способность скорректировать свою ментальность, отбросить некоторые архаичные нравы и предрассудки и признать, что мы все живем в огромном, но быстро сужающемся мире, своего рода „мировой деревне“... Очевидно, что для успешного противостояния трудностям, которые современность ставит перед каждой страной, России нужна дальнейшая социальная эволюция в направлении демократизации — демонополизация и децентрализация политической и экономической жизни»²².

На этой наиболее глубокой, но тоже не лишенной доли оптимизма оценке мы завершим обзор этих мнений о перспективах взаимодействия России с Западом. Таких мнений будет высказано еще немало, и, разумеется, они будут скорректированы дальнейшим развитием событий в России. Попробуем лучше сделать собственный вывод, опираясь как на приведенные мнения, так и на свои собственные наблюдения. В целом, мы тоже склоняемся к оптимистической точке зрения, так как совер-

шенно разделяем мнение В. К. Кантора, цитированное выше, о том, что задачей России на современном этапе ее общественного развития является формирование «европейской идентичности». Кстати, русская идентичность, по мнению этого философа, собственно уже давно, то есть исторически, есть европейская идентичность.

С этим утверждением мы в принципе согласны. В том смысле, что Россия, как нам представляется, идет по тому же пути, что и другие европейские (и не только европейские) страны, в том же направлении, к развитию демократии и гражданского общества, только со значительным запозданием, что объясняется многими факторами, в том числе географическими и историко-культурными²³. Путь этот для России слишком тернист. Однако он все же может быть облегчен, благодаря появлению и бурному развитию в последние десятилетия так называемых информационных технологий, сети Интернет, которые делают мир более открытым, способствуют просвещению, консолидации граждан и ускорению процессов становления гражданского общества даже в тех странах, где этот процесс был традиционно весьма затруднен. Это влияние новой информационной реальности на общественно-политические перемены в разных странах, в том числе в странах достаточно консервативного Востока мы уже наблюдаем последние годы («арабская весна», события в Гонконге 2012 года).

В нынешнем кризисе в отношениях России и Запада, безусловно, есть вина обеих сторон. Здесь мы совершенно согласны с известным отечественным журналистом, телеведущим и поистине «гражданином мира» (родившимся во Франции, выросшим в США и большую часть жизни прожившим в России) В. В. Познером, который справедливо упрекает Запад в том, что после окончания «холодной войны» он не оказал значительной помощи и поддержки России, не придумал для нее новый «план Маршалла», который мог бы поспособствовать такому же скорому и успешному преодолению наследия тоталитаризма, как это было в случае с послевоенной Германией.

И мало того, что Запад недостаточно вкладывался в Россию (как будто не осознавая всей важности того, чтобы с такой огромной, великой страной все было благополучно, и чтобы она продолжила развиваться демократическим путем), он словно совсем перестал обращать на нее внимание, способствуя тем самым формированию в русском обществе комплекса обид. Так, например, несмотря на обещание США, дан-

ное М. С. Горбачеву после объединения Германии, о том, что НАТО не продвинется дальше на Восток «ни на один дюйм», эта организация, как известно, начала стремительно расширяться (хотя сама цель ее существования после крушения СССР и Организации Варшавского договора, мягко говоря, перестала быть вполне оправданной). Не способствовали улучшению взаимопонимания и бомбардировки авиацией НАТО Югославии в 1999 г., осуществленные вопреки сопротивлению России²⁴. В этих событиях, пожалуй, можно найти известное объяснение и оправдание (если такое оправдание вообще может существовать) прошлогоднему попранию международного права со стороны России, связанному с Крымом.

Подобной точки зрения придерживается и один из главных сокрушителей прошлой «холодной войны» бывший президент СССР М. С. Горбачев. В своей недавней речи на юбилейных торжествах по случаю 25-летия падения Берлинской стены он выразил глубокое разочарование тем, что после окончания «холодной войны» Европе не удалось создать новой системы европейской безопасности, построить единый «европейский дом» и стать лидером перемен в глобальном мире. По его словам, конец «холодной войны» должен был стать «началом пути к новой Европе и более безопасному мировому порядку», но «вместо того, чтобы выстраивать механизмы и институты европейской безопасности, провести масштабную демилитаризацию европейской политики, что, кстати, было обещано в Лондонской декларации НАТО, Запад и особенно Соединенные Штаты объявили себя победителями в „холодной войне“. Лидерам западного мира ударила в голову эйфория, триумфаторство»: воспользовавшись ослаблением России, отсутствием противовеса, они заявили претензию на монопольное лидерство и доминирование в мире...»²⁵.

С М. С. Горбачевым соглашается и бывший госсекретарь США Джеймс Бейкер, который, по уверению Познера, и пообещал в свое время Горбачеву, что НАТО после объединения Германии не продвинется на восток ни на дюйм. В дальнейшем западные политики, по видимому, сочли это обещание утратившим силу, поскольку оно давалось не России, а Советскому Союзу, который перестал существовать. Дж. Бейкер в своем недавнем интервью американской телекомпании CNN заявил, что США осуществляют непродуктивную политику в отношении России, и что с ней надо было обращаться «не с помощью

„плана Маршалла“, а как мы поступили с Германией и Японией. Дать им вступить в сообщество, включить их в команду»²⁶.

Справедливости ради, следует заметить, что существует и другая точка зрения на этот счет. Она состоит в том, что Россия сама не меньше виновата, что не смогла преодолеть имперские предубеждения и выстроить нормальные отношения со своими ближайшими соседями — бывшими участниками социалистического блока и республиками Советского Союза, и что Запад, наоборот, обошелся с Россией после окончания «холодной войны» (и своей фактической победы в ней), наоборот, еще слишком хорошо.

Эту точку зрения высказывает, например, известный (еще в советские времена) журналист-международник Мэлор Стуруа. В своем недавнем интервью на радиостанции «Эхо Москвы» он сказал: «Я считаю, что, это может быть будет кощунством, но у наших границ не НАТО, у наших границ бывшие страны социалистического содружества и даже бывшие республики Советского Союза... А мы их потеряли. В чем же дело? Когда развалился Советский Союз, кто думал об Эстонии, Латвии и Литве? Кто думал обо всех среднеазиатских республиках, о которых вообще забыли, как будто они не существуют. Я недавно принимал участие в Москве в дискуссии, где выступает один наш профессор и говорит: а что это такое Польша, Румыния, это же маргиналы. Я говорю: позвольте, нет маргинальных стран и нет маргинальных народов. Мы относились к ним как к маргиналам и за это получили, что они вступили в НАТО, а не в СНГ»²⁷.

Продолжая эту мысль, можно упомянуть одну интересную историю, рассказанную недавно на Вильнюсском форуме интеллектуалов «Россия и Запад: реальность и перспективы» (16 января 2015 года)²⁸ одним из его участников г-ном Ярмоленко. Он поведал о том как когда-то очень давно, в 1995 году, ему пришлось быть на одной из парламентских сессий так называемой «North Atlantic Assembly», где в одном зале оказались господин Никонов — внук Вячеслава Молотова и господин Черчилль — внук Уинстона Черчилля. По словам Ярмоленко, когда разговор зашел о том, что русский народ вот уже в течение пяти лет не имеет никакого понятия о том, что такое НАТО, и видит в НАТО врага, тогда макушка внука Черчилля вдруг покраснела, он все больше и больше краснел, и он «сказал господину Никонову, который стоял на трибуне: „Ну скажите, пожалуйста, Вячеслав, ну что вы (тогда

они называли себя демократами) сделали для того, чтобы вот это неправильное понимание было изменено?»²⁹.

Вместе с тем, по мнению уже упоминавшегося политолога С. А. Белковского, Запад и Америка, наоборот, «если смотреть объективно, а не субъективно», по отношению к нам «вели себя отнюдь неплохо», потому что после поражения в «холодной войне» они могли «обойтись с побежденной страной гораздо жестче, чем она обошлась». В качестве аргумента политолог приводит тот факт, что США безоговорочно признали за Россией полное правопреемство по отношению к бывшему Советскому Союзу, в частности, сохранение у нее и только у нее всего советского ядерного оружия и статуса постоянного члена Совета безопасности ООН. Таким образом, США, по его словам, «сделали все возможное, чтобы подсластить россиянам пилюлю от распада империи и сделать вид, что Россия есть полный во всех смыслах слова формальный и фактический правопреемник СССР»³⁰.

Еще более резкий вывод, даже осуждающий Запад за излишнюю мягкотелость и потакание России после окончания «холодной войны», делает в своей передаче «Дежавю» на «Радио „Свобода“» известный российский правозащитник и журналист бывший советский диссидент А. П. Подрабинек. Он утверждает, что Европа напрасно делала для России постоянные исключения, как для молодой демократии, закрывала глаза на несоблюдение Россией еще в 90-е гг. своих обязательств как члена Совета Европы — в частности, невыполнение ею требования о ратификации протокола №6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод относительно отмены смертной казни и снятия ограничения на зарубежные поездки лицам, обладающим государственными секретами. По словам журналиста, «Совет Европы фактически проглотил кремлевское плутовство, отделяваясь осуждающими декларациями. А ведь ничто так не способствует преступлениям, как безответственность». По-видимому, мысль о якобы полной и окончательной победе демократии над тоталитаризмом, — заключает А. П. Подрабинек, — «настолько грела победителей, что они предпочли не замечать разницы между крушением тоталитаризма в Восточной Европе и в Советском Союзе. Они не придавали значения тому, что в России декоммунизация не состоялась. Запад чисто по-русски положился на авось. Он поспешил приписать Россию к сообществу демократических государств»³¹.

В заключение отметим еще две важных мысли В. В. Познера, с которыми, на наш взгляд, трудно не согласиться. Во-первых, это мысль о том, что нельзя так однобоко и упрощенно смотреть на мир, как это у нас словно заведено со времен славянофилов — постоянно противопоставляя Россию, ее культуру всему Западу в целом. Мы уже говорили в самом начале, что этот термин «универсализировали» именно славянофилы. Между тем, как справедливо замечает Познер, русские не намного больше отличаются от других европейцев, чем эти европейцы подчас различаются между собой: «Вдумаемся. Шведы и итальянцы разные? Финны и французы похожи? Англичане и испанцы разные? Разные. Во всем? Почти. Внешне, в еде, в культуре, в привычках, в языке, в музыке и так далее... Так вот, как мне кажется, русские такие же непохожие на других, как эти другие не похожи друг на друга, что, впрочем, совершенно естественно».

Но другая важная мысль Познера состоит в том, что все-таки есть такая вещь, которая действительно объединяет по крайней мере практически всех современных европейцев и отличает их от русских. Это отношение к принципам демократии. По мнению журналиста, русские «не считают демократические ценности приоритетными, они не ставят выше всего каждую отдельно взятую человеческую жизнь, они ставят на первое место не человека, а государство. Почему так? Это длинный разговор, имеющий самое прямое отношение к принятию Россией православия (а не католицизма или протестантства), к татаро-монгольскому игу, отбросившему Россию на столетия по отношению к Западу. И еще к тому, что Россия в течение нескольких веков и вплоть до конца XX века была империей»³².

Завершить нам хотелось бы на оптимистической ноте. Очень хочется верить, что наступивший сегодня очередной виток противостояния России и Запада (в котором, безусловно, есть вина обеих сторон) закончится уже в обозримой исторической перспективе, и у России появится новый шанс построения нормальных добрососедских отношений с Европой, без новых водоразделов и глобальных противостояний.

И — как знать — возможно, когда-нибудь сбудутся мечты многих европейцев о едином «европейском доме» и о «большой Европе» от Лиссабона до Владивостока³³, о чем, как мы уже упоминали в одном из очерков в первой части, совсем не так давно и довольно страстно говорил известный польский кинорежиссер Кшиштоф Занусси в интер-

вью все тому же Владимиру Познеру на первом канале российского телевидения³⁴. Об этом же, между прочим, неоднократно говорит, причем и поныне (как бы это могло ни показаться странным, учитывая совершенно противоположные тенденции современной мировой политики и, в том числе, политики России) и нынешний российский президент³⁵. Причем в одном из высказываний (в ответе на вопрос немецкого журналиста Александра Раара) В. В. Путин подчеркнул: «Особенности России кардинальным, глубинным образом не отличаются от европейских ценностей. Мы все — люди одной цивилизации. Да, мы все разные, у нас есть свои особенности, но глубинные ценности одинаковые»³⁶. Разумеется, подобные высказывания президента, отражающие понимание им того, что Россия является частью западной цивилизации, уже порождают определенный оптимизм во взглядах на перспективы европейского пути России.

---

¹ Кантор В. К. Русский европеец как задача России // Вестник Европы. 2001. №1.

² Он же. «...Есть европейская держава». Россия: трудный путь к цивилизации: Исторософские очерки». М., 1997; он же. Русский европеец как задача России // Русская мысль. Париж, 1999. № 4279. 22—28 июля; № 4280. 29 июля—4 августа; он же. Феномен русского европейца: Культурфилософские очерки. М., 1999. он же. Русский европеец как явление культуры: Философско-исторический анализ. М., 2001; idem. Das Westlertum und der Weg Russlands. Zur Entwicklung der russischer Literatur und Philosophie. Stuttg., 2010.

³ Россия vs Европа. Противостояние или союз? / под ред. С. А. Караганова, И. Ю. Юргенса. М., 2010. С. 8, 25.

⁴ Малинова О. Ю. Россия и «Запад» в XX веке: Трансформация дискурса о коллективной идентичности. М, 2009. С. 187—188. Ср. ее же: Тема России и «Запада» в риторике президента В. В. Путина: Попытка переопределения коллективной идентичности // Два президентских срока В.В. Путина: Динамика перемен / Отв. ред. и сост. Н. Ю. Лапина. М., 2008. С. 292—315; Образы России и «Запада» в дискурсе власти (2000—2007 гг.): попытки переопределения коллективной идентичности // Образ России в мире: становление, восприятие, трансформация / Отв. ред. И. С. Семенов. М., 2008. С. 86—106.

⁵ Пархалина Т. Г. Россия — НАТО: что впереди? // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2008. Выпуск 14 (30). С. 2.

⁶ Россия vs Европа... С. 9—11.

⁷ Большая политика 09 декабря 2011 года. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=JHUVlXgqZEY#t=2217>

---

⁸ Braithwaite R. The myths of Russia. URL: <http://www.ft.com/intl/cms/s/0/c91770d6-2a7f-11e1-8f04-00144feabdc0.html#axzz1hFL0ZD00>. Цит. по: Брейтуэйт Р. Мифы о России: URL: <http://www.inopressa.ru/article/22Dec2011/ft/myths.html>

⁹ Carrère d'Encausse H. Un printemps russe ? URL: <http://www.lefigaro.fr/mon-figaro/2012/01/06/10001-20120106ARTFIG00486-un-printemps-russe.php>. Цит. по: Каррер д'Анкокс Э. Российская весна? URL: <http://www.inopressa.ru/article/09Jan2012/lefigaro/russia1.html>

¹⁰ Leroyer M. « On assiste à l'éveil des Russes à leur propre destin » URL: <http://www.lefigaro.fr/international/2012/01/05/01003-20120105ARTFIG00890-on-assiste-a-l-veil-des-russes-a-leur-propre-destin.php>. Цит. по: Леруайе М. Мы являемся свидетелями пробуждения у россиян ответственности за свою судьбу. URL: <http://www.inopressa.ru/article/06Jan2012/lefigaro/putin1.html>

¹¹ Claudin C., de Pedro N. Por fin buenas noticias de Rusia. URL: http://www.elpais.com/articulo/internacional/fin/buenas/noticias/Rusia/elpepiint/2011/222elpepiint_8/Tes. Цит. по: Клаудин К., де Педро Н. Наконец-то хорошие новости из России. URL: <http://www.inopressa.ru/article/22Dec2011/elpais/rus1.html>

¹² Fücks R. Proteste in Russland. Die neue Spannungspolitik. Demokratie statt nur Stabilität: Plädoyer für eine andere Russlandpolitik URL: <http://www.zeit.de/2012/02/R-OpEd-Russland> Цит. по: Фюкс Р. Протесты в России: фаза пассивности закончилась. URL: <http://www.inopressa.ru/article/10Jan2012/zeit/russland.html>

¹³ Wergin C. Der Bürger als revolutionäre Kraft. URL: <http://flatworld.welt.de/2012/01/06/der-burger-als-revolutionare-kraft>. Цит. по: Вергин К. Гражданин как революционная сила. URL: http://www.inopressa.ru/article/10Jan2012/welt/rev_2011.html

¹⁴ Там же.

¹⁵ Fücks R. Proteste in Russland... URL: <http://www.zeit.de/2012/02/R-OpEd-Russland> Цит. по: URL: <http://www.inopressa.ru/article/10Jan2012/zeit/russland.html>

¹⁶ Там же.

¹⁷ Matthews O. The Protests in Moscow will not spark a Russian spring. URL: <http://www.thedailybeast.com/articles/2011/12/14/the-protests-in-moscow-will-not-spark-a-russian-spring.html>. Цит. по: Мэттьюз О. Акции протеста в Москве не станут толчком к «Русской весне». URL: <http://www.inopressa.ru/article/14Dec2011/daily-beast/russia3.html>

¹⁸ Radziwinowicz W. Stracona szansa placu Błotnego. URL: http://wyborcza.pl/1,75968,10824295,Stracona_szansa_placu_Blotnego.html#ixzz1ggN0haZr. Цит. по: Радзивиневич В. Упущенный шанс Болотной площади. URL: <http://inosmi.ru/russia/20111217/180510827.html>

¹⁹ Станислав Белковский. Особое мнение. 29 декабря 2011 г. URL: <http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/843662-echo>

²⁰ Леонид Радзиховский. Особое мнение. 16 декабря 2011 г. URL: <http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/839609-echo>

²¹ Леонид Млечин. Особое мнение. 19 декабря 2011 г. URL: <http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/840479-echo>

---

²² Borodaevskiy A. Russia's mental adjustment. URL: <http://www.japantimes.co.jp/text/eo20120106ab.html> — Цит. по: Бородаевский А. Д. Корректировка российской ментальности. URL: <http://www.inopressa.ru/article/06Jan2012/japantimes/borod.html>

²³ Ср.: Евреинов Г. А. Самобытность или отсталость? // Вестник Европы. 1904. №2. С. 570—584; Рыжков В. А. К прогрессу не бывает особых путей // Независимая газета. 4 декабря 2001 г. С. 9; Россия vs Европа... С. 16.

²⁴ Владимир Познер о своем видении происходящего в России и мире. URL: <http://rozneronline.ru/2014/10/9209>

²⁵ "World on brink of new Cold War, some say it's already begun" — Gorbachev in Berlin (full speech) // Russia Today. 8 ноября 2014 г. URL: http://www.youtube.com/watch?v=y_vuAsTdjko

²⁶ Экс-госсекретарь США: надо было позвать Россию в НАТО еще 15 лет назад. URL: <http://ria.ru/world/20150405/1056783833.html?isasa>

²⁷ «Полный Альбац». Долгое противостояние между США и Россией. 20 октября 2014 г. URL: <http://echo.msk.ru/programs/albac/1421596-echo>

²⁸ Russia And The West: Reality And Perspectives. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=TFbxL0WWeYY>

²⁹ Михаил Ходорковский: Россия должна знать своих «героев», а Европа — своих и чужих. URL: <https://openrussia.org/post/view/2047>

³⁰ «Говорите с Ю. Таратугой». Станислав Белковский. URL: http://tvrain.ru/articles/stanislav_belkovskij_rossija_ischeznet_vmeste_s_putinym_kak_vozljublennaja_d_rakuly-377080; ср.: Станислав Белковский. Оппозиция находится в анабиозе // Onlinetv.ru. 8 июня 2015. URL: <http://www.onlinetv.ru/video/2371/?autostart=1>

³¹ Дежавю. Холодная война // Радио Свобода. 12 декабря 2014 г. URL: http://www.youtube.com/watch?v=AGBl_Y4wLLo

³² О Западе и России. URL: <http://rozneronline.ru/2006/09/6592>

³³ Оганесян А. Г. Европа: от Лиссабона до Владивостока. URL: <http://inter-affairs.ru/read.php?item=8029>

³⁴ «Познер». 24 марта 2014 г. Гость в студии — Кшиштоф Занусси. URL: http://www.itv.ru/sprojects_edition/si5756/fi30337

³⁵ От Лиссабона до Владивостока. Владимир Путин рассказал о перспективах сотрудничества России и Европы. URL: <http://www.rg.ru/2010/11/26/putin.html>; Путин предлагает создавать Европу от Лиссабона до Владивостока. URL: <http://www.rg.ru/2014/04/17/bolshaya-evropa-anons.html>

³⁶ Александр Рар доволен ответом президента РФ на вопрос о будущем России и Европы // Невское время. 18 апреля 2014 г. URL: <http://nvspb.ru/tops/aleksandr-rar-dovolen-otvetom-prezidenta-rf-na-vopros-o-budushchem-rossii-i-evropy54240>

Оглавление

Предисловие	3
Глава I. РОССИЯ МЕЖДУ ЗАПАДОМ И ВОСТОКОМ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ, НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ, ИДЕОЛОГИИ.....	7
1.1. Об основных подходах к пониманию «цивилизации»	7
1.2. Проблема восточной границы Европы: от «Малой» к «Большой Европе».....	11
1.3. Культурная идентичность России: новый взгляд на западничество и почвенничество.....	21
1.4. История и идеология в постсоветских Украине и России: проблемы становления новых национальных идентичностей	31
1.5. Об исторической специфике восприятия Китая в России	43
1.6. Об особом понимании в России искусства и художественно-эстетического воспитания	54
1.7. «Россия — любовь моя!» (о культурном мотиве миграции в Россию из стран Европы).....	62
Глава II. ЗАПАД И РОССИЯ: ИСТОРИЯ ВЗАИМОВОСПРИЯТИЯ.....	75
2.1. О специфике восприятия русских в польской литературной традиции XVI в.	75
2.2. Англия начала XVII века глазами русских.....	80
2.3. Николай I и «имидж» России.....	92
2.4. Первый конфликт Запада и России, или еще раз об уроках Крымской войны.....	99
2.5. Джером Клапка Джером о предреволюционной России (к вопросу о «футурологии» английской России)	106
2.6. Либеральный взгляд на Америку в России начала XX в.	114
2.7. Когда имидж России был хорошим.....	120
Вместо заключения	133

Научное издание

Козулин Вячеслав Николаевич

Россия и Запад
Очерки истории взаимодействия культур

Монография

Издание осуществлено в авторской редакции

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997 г.

Подписано в печать 3.06.2015.

Формат 60x84 1 / 16. Бумага офсетная. Печать трафаретная.

Усл.-печ. л. 9,0. Тираж 300. Заказ 192.

Типография Алтайского государственного университета:
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66